Наша древняя столица

Наталья Кончаловская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Картины из прошлого Москвы

Москва, Издательство „Детская литература" 1972
Консультант — доктор исторических наук В. Т. ПАШУТО
Общая редакция А. Д. ДЕЕВА
Иллюстрации В. А.ФАВОРСКОГО, М. ФАВОРСКОЙ И В. ФЕДЯЕВСКОЙ

Книга «Наша древняя столица» была написана к 800-летнему юбилею Москвы и после этого несколько раз переиздавалась. Автор, Наталья Петровна Кончаловская, посвятила более пятнадцати лет работе над этой книгой. В поэтической форме предстают перед читателем важнейшие исторические события допетровской эпохи и картины жизни и быта наших предков-москвичей.

Важно отметить, что в каждое новое издание вносились исправления и дополнения, поскольку ежегодно археологи открывали новые подробности, связанные с историей нашей Родины. Так, идя вперёд, историческая наука как бы возвращается назад, в глубину веков.

Вот почему это издание книги «Наша древняя столица» значительно отличается от первого. Текст книги переработан, обновлен и расширен.

- Наталья Кончаловская. Наша древняя столица
- КНИГА ПЕРВАЯ
  -
  - 1147 год
  - 1237 год
  - 1242 год
  - 1327 год
  - 1366 год
  - 1380 год
  - 1382 год
  - 1480 год
  - 1480 год
- КНИГА ВТОРАЯ
  -
  - 1538 год
  - 1552 год
  - 1558 год
  - 1564 год
  - 1567 год

- 1591 год
- 1596 год
- 1603 год
- 1606 год
- 1607 год
- 1611 год
- 1612 год

- КНИГА ТРЕТЬЯ
  -
  - 1613 год
  - 1624—1634 годы
  - 1647 год
  - 1648 год
  - 1649 год
  - 1662 год
  - 1667 год
  - 1670 год
  - 1671 год
  - ФАКЕЛ ДРУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ ЗАЖИГАЕТСЯ В КРЕМЛЕ

Наталья Кончаловская. Наша древняя столица

КНИГА ПЕРВАЯ

Слава нашей стороне!
Слава русской старине!
Я рассказывать начну,
Чтобы дети знать могли
О делах родной земли.

1147 год

ГДЕ ТЕПЕРЬ МОСКВА-СТОЛИЦА, ЖИЛИ РАНЬШЕ ЗВЕРЬ ДА ПТИЦА

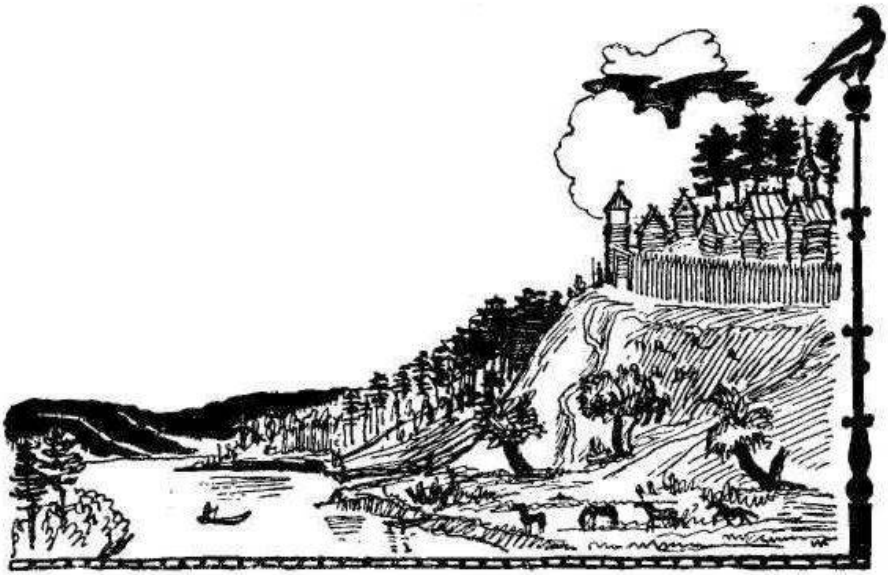
Читатель мой, бывал ли ты
На башне университета?
Видал ли с этой высоты
Столицу нашу в час рассвета?
Когда за дымкой голубой,
А в летний зной — совсем лиловой
Москва-река перед тобой
Лежит серебряной подковой.
Всё видно с высоты такой —
Бульвары, площади и парки,
Мосты повисли над рекой,
Раскинув кружевные арки.
Ты ищешь Кремль? Вон холм крутой
Игрушечный Иван Великий,
На луковке его златой
Играют солнечные блики…
Давай займёмся стариной!
Представь себе, читатель мой,
Что там, где столько крыш вдали,
Огромный лес стоял когда-то,
Дубы могучие росли,
Шумели липы в три обхвата,
Полянки вместо площадей,
А вместо улиц — перелоги,
И стаи диких лебедей,
И рёв медведицы в берлоге,
И на заре на водопой,

Где плещет свежесть ключевая,
Шли лоси узкою тропой,
Рогами сучья задевая…
Текла река в лесах, в лугах,
Ладьи скользили по теченью,
А на высоких берегах
Виднелись тут и там селенья.
Славянский люд в них проживал
С десятого, быть может, века,
Тот люд Москвою называл
Глубокую, большую реку.
Природы щедрые дары
Ценить уже умели люди.
Для них заботливо бобры
Вели хозяйство на запруде.

Для них копили пчёлы мёд,
Растила птиц трава густая,
В глубинах москворецких вод
Икру метала рыбья стая.
Они пасли в лугах стада,
Пахали землю под пшеницу,
Купцам сбывали в города
И лён, и воск, и мёд, и птицу.
Из года в год богатый сбыт
Мехам бобра, медвежьим шкурам.
Водой и сушей путь открыт
В Ростов, Владимир, Суздаль, Муром.
Всё это были города
Руси лесистой и огромной.
Столицей Киев был тогда,
Была Москва деревней скромной.

* * *

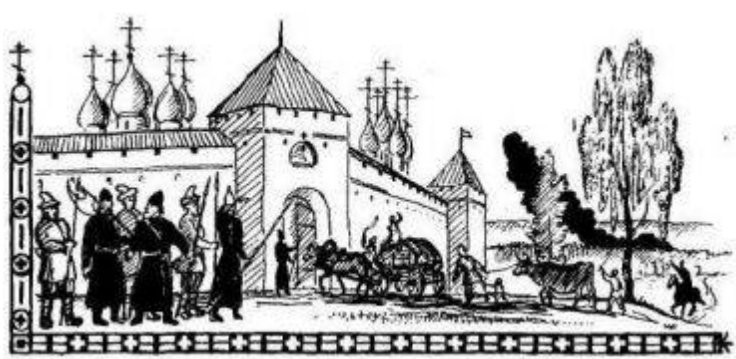
Москва-река, тебе хвала!
В веках ты видела немало.
Когда б ты говорить могла,
Ты многое бы рассказала.
Ты б рассказала нам о том,
Как люди начали селиться,
За тыном — тын, за домом — дом
Росло на берегу твоём
Начало будущей столицы.
Ты отражала в глади вод
Тот первый Кремль и город новый,
Что строил русский наш народ
Под первою стеной сосновой…
Вот этот первый городок
На перекрёстке всех дорог.



О ЦЕРКВАХ, МОНАСТЫРЯХ И О ТОМ, КАК ЖИЛ МОНАХ

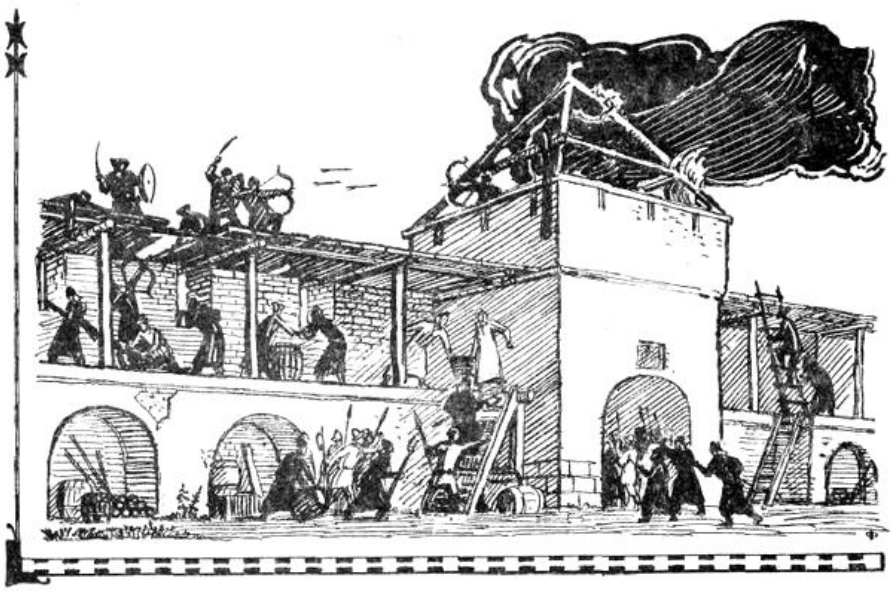
Под Москвою, на дорогах,
Средь лесов и пустырей,
В старину стояло много
Сторожей-монастырей.
В них всегда монахи жили,
Пили, ели, не тужили,
Всё давала им земля —
Огороды и поля.
Монастырские угодья
Сразу видны издали —
Так и пышет плодородьем
От монашеской земли.
Монастырская пшеница
Выше роста колосится,
Выше пояса — овёс,

По колена — сенокос.
А работает в полях
Не звонарь и не монах —
Пашут поле батраки,
Крепостные мужики.
Для монаха всё готово:
И от рыбного улова,
И от пчельника доход
В монастырь несёт народ.
Скот разводят для монаха,
Сосны рубят для монаха.
На крестьянских на кормах
Тунеядцем жил монах.
За крестьян молил он бога,
От крестьян дохода много…
Всё, что видно вдаль и вширь, —
Всем владеет монастырь.
Но когда заметят в страхе
Вражий стан со стен монахи
Иль блеснут издалека
Копья вражьего полка,



Тотчас в Кремль гонец-монах
Мчится, стоя в стременах,
Объявить, что под Москвою
Показалась вражья рать,
Чтоб готовы были к бою:
Стольный град оборонять!
А крестьяне между тем
С монастырских крепких стен
Путь в столицу защищали,
Метко били их пищали,
И частенько под Москвой

Закипал горячий бой.
Много раз за стены эти
Укрывались бабы, дети, —
Как объявится беда,
Весь народ бежит сюда…
Сохранились и поныне
Древнерусские твердыни.
Поезжай да посмотри
На Москве монастыри:
Новодевичий, Данилов,
И Андроньев, и Донской.
Эти стены вражью силу
Оттесняли под Москвой.



* * *

В монастырской келье узкой,
В четырёх глухих стенах
О земле о древнерусской
Быль записывал монах.
Он писал зимой и летом,
Озарённый тусклым светом.
Он писал из года в год
Про великий наш народ.
О нашествии Батыя

Написал он в грозный час,
И слова его простые
Сквозь века дошли до нас.

1237 год

РАЗОРЯЯ ГОРОДА, ШЛА МОНГОЛЬСКАЯ ОРДА

Был страшный год, когда все страны
Боялись больше, чем огня,
Батыя — внука Чингис-хана,
Своё соседство с ним кляня.
«Баты-ы-ый!» — пронзающие стрелы,
«Бату!» —как палицы удар.
Его ослушаться не смела
Орда монголов и татар.
Был страшный век, когда монголы
На Русь лавиною пошли,
В осенний день, по степи голой,

Топча сухие ковыли.
Жестоких воинов раскосых
Батый собрал со всей земли,
Быки их юрты на колёсах
С детьми и жёнами везли.
И по Батыеву веленью
За войском следом шли стада,
Как будто бы в переселенье
На запад двинулась орда.
И скрип колёс, и свист нагайки,
И рев быков, и плач детей,
И птиц испуганные стайки
Из-под копыт у лошадей…
Так шла чудовищным потоком
На Русь монгольская орда
В одном стремлении жестоком
Сжигать и грабить города.

* * *

Не молодица любовалась,
Играя зеркальцем в руке,
А в день погожий отражалась
Рязань-красавица в Оке.
В зеркальные гляделись воды,

Сбегая весело с холма,
Крылечки, башни, переходы —
Князей рязанских терема.
На площади собор богатый,
За ним раскинулся базар,
Вокруг хоромы и палаты
Купцов рязанских и бояр.
За ними слободы людские,
Дворы, часовни городские…

* * *

В тот день морозный, день короткий,
Под снегом спали зеленя,
В тот день у проруби молодки
Смеялись, вёдрами звеня;
У ребятишек шло катанье
На разметённом окском льду,
Когда на поле, под Рязанью,
Батый привёл свою орду.
Ой, лихо, лихо! Ой, беда!
Стоит орда, грозит орда!
Дымит кострами в чистом поле
И требует десятой доли
Всего от каждого двора —
Мехов, казны и серебра…
В морозной снежной мгле кострами
Чадит Батыева орда.
К Батыю с пышными дарами
Рязанский князь пришёл тогда.
Он сам собрал Батыю дань:
«Возьми дары! Не тронь Рязань!»
Любуясь княжьими дарами,

Батый кумыс из чаши пил
И, сидя в юрте меж коврами,
С усмешкой князю говорил:
«Коль хочешь мира, русский бай, —
Княгиню в жёны мне отдай!»
Взбешённый, не взглянув на хана,
Князь Фёдор молча вышел вон,
Но тут ударом ятагана
У входа в юрту был сражён…
А под покровом ночи тёмной,
Спеша в предутреннюю рань,
Из Пронска, Мурома, Коломны
Три князя шли спасать Рязань.
Они свои дружины гнали
На помощь брату своему,
Они тогда ещё не знали,
Какой конец пришёл ему.
И вдруг раскинулась пред ними
Сама беда, гроза сама,
Не видно солнца в сизом дыме —
На девять вёрст ордынцев тьма.
В неравный бой они вступили,
Своим сородичам верны,
И в сече головы сложили,
Со всех сторон окружены…

* * *

Рязань, Рязань! Теперь тебе,
Твоим несчастным горожанам
Уже не выстоять в борьбе,
Не совладать с жестоким ханом.
Враги в ворота ворвались,
Таких не знала ты доныне!..
С высокой колокольни вниз
С младенцем бросилась княгиня.
И чашу смертную до дна
Испив от горького начала,
В огне на площади она
Батыя мёртвая встречала…
Горят хоромы, терема —
Всё, чем Рязань была богата.
Декабрьская ночная тьма

Багровым пламенем объята.

* * *

Пять дней оборонял народ
Свой край, как говорит сказанье
И пять ночей небесный свод
Пылал над стонущей Рязанью.
А на заре шестого дня
В леса, в приют шатровых елей,
Врага жестокого кляня,
Бежали те, что уцелели.
И к ним, как воин и как брат,
Горя упорной жаждой мщенья,
Пришёл рязанец Коловрат
И стал готовить ополченье.
Их тысяча семьсот пришло.
Они зашли ордынцам с тыла.
Батый, взобравшись на седло,
Оцепенел: «Какая сила!
Откуда? Где она была?
Неужто мёртвые восстали?
Рязань сгорела вея дотла,
Над пеплом вороны летали!..»

Впервые дрогнула орда,
От ужаса теряя разум.
И двинул Коловрат тогда
Всю силу на ордынцев разом.
Не обучали эту рать,
Людей, случайно уцелевших,
Но каждый шёл врага карать
За родичей, в огне истлевших,
И за потопленных в Оке
Готов был каждый мстить монголам,
А меч у мстителя в руке
В бою не кажется тяжёлым
В декабрьской стуже бой суров,
И вражий рог ревёт сердито,
И шлемы валятся с голов
Горячим коням под копыта.
Пускай у русских меньше сил,
Но страха Коловрат не знает,

Уже свой меч он затупил,
Он меч монгольский поднимает.
Батый с него не сводит глаз, —
Какое русское упорство!
Он шурину даёт приказ:
Вступить с врагом в единоборство.
Смотри теперь, Батый, смотри,
Как в снежной и колючей пыли
От двух сторон богатыри
Перед войсками в бой вступили.
Взметнулись конские хвосты,
В зрачках коней огонь пожаров,
И расщепляются щиты
От сокрушительных ударов.
А с двух сторон войска стоят, —
Морозный воздух полон гулом,
И вдруг Евпатий Коловрат
Заносит меч над Хостоврулом.
Удар! В сугроб зарылся щит:
Батыев шурин пал — убит!..
И яростный Батыя крик
Застыл над снежной пеленою,
И оба войска в тот же миг
Друг другу в стык пошли стеною…
И столько жизней смерть взяла,
Что под снегами твердь стонала,

Пока рязанского орла
Шакалов стая окружала.
..И вот у ног Батыя он —
Евпатий Коловрат убитый.
А хан Батый? Он окружён
Угрюмых полководцев свитой.
Он, сам с собою говоря,
Стоит и смотрит, потрясённый,
На строгий лик богатыря,
Бессмертьем в смерти осенённый.
Монгольский меч в руке зажат —
Тот меч, которым дрался лихо
Рязанский воин Коловрат.
И хан Батый бормочет тихо:
«Когда б тот воин был моим,
Близ сердца я б держал такого!..»
А над землёй клубился дым,
Он гнал людей, лишённых крова,

В леса, на страх ордынским ханам,
На славу первым партизанам.

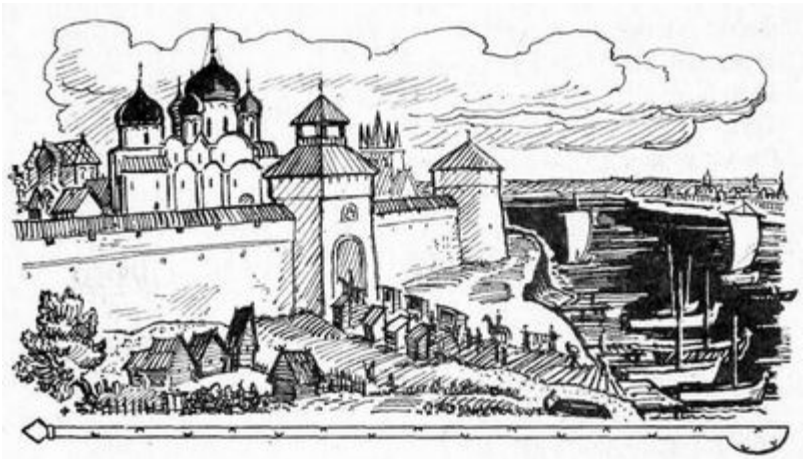
До берегов Москвы-реки
Ордынский хан довёл полки…
Кремль осаждает хищник смелый!
Он до зубов вооружён,
Он мечет огненные стрелы,
По стенам в крепость лезет он;
Во все ворота бьёт тараном,

Под башнями костры кладёт…
И нету сил бороться с ханом,
Пылает Кремль, пропал народ!..
Не много дней осада длится,

И вот уж больше нет столицы…
Над пеплом вороны летают,
Чернеют проруби реки.
Февральский снег ложится, тает
В местах, где тлеют угольки.
И на московском пепелище
Средь многих тысяч мёртвых тел
Своих родных и близких ищет
Тот, кто, по счастью, уцелел.
И горькой, дымной гарью тянет,
И горько плачет русский люд
О тех, кто никогда не встанет,
О ком не раз мы вспомним тут.
Не раз ещё Москва горела,
Не раз глумился враг над ней,
Орда топтала то и дело
Просторы родины твоей.
Но солнце к вечеру садится
И утром заново встаёт,
Так каждый раз свою столицу
Вновь восстанавливал народ.

1242 год

СЛОВО О ПОБОИЩЕ ЛЕДОВОМ



Ой ты, Новгород Великий,
Господин торговых дел!
От боёв с ордою дикой
Ты счастливо уцелел.
И стоит твой Кремль-Детинец
На высоком берегу,
Словно сахарный гостинец
В светлый праздник на торгу.
Ой ты, древний город вольный,
Не привык поклоны класть…
Новгородцы недовольны,
Уступая князю власть.
Ты единственный меж всеми
Управлялся без князей,
Только ныне ведь не время
Вольной гордости твоей.
Там, куда садится солнце,
Неспокойно в этот час —
Ведь задумали ливонцы
Наши земли взять у нас.
А ливонский хищный рыцарь —
Самый ближний твой сосед.
У тебя ж, как говорится,
Воля есть, а войска нет!
В Переяславль тебе за князем
Посылать гонцов пора,

Пусть с поклоном рухнут наземь –
Среди княжьего двора.
Александр! Ведь он от шведа
В Невской битве землю спас,
И тебя он от соседа
Защитит на этот раз.
Хоть с тобою Невский в ссоре
И на норов твой сердит,
Но родной отчизны горе
Тяжелей своих обид.

* * *

По долине голубой
Снежною дорогой,
Соблюдая меж собой
Распорядок строгий,
Шла в поход большая рать
Князя-полководца,
Чтоб от немцев защищать
Землю новгородцев.
Позади остался дом
И тепло людское.
Впереди сверкало льдом
Озеро Чудское.
Лес по берегу высок,
Видно, рос веками.
Вышла рать на островок —
На «Вороний камень».
Перед утром русский князь
Обходил дружины,
С русским воинством стремясь
Дух держать единый.
«Слушай! Слушай, добрый люд,
Слову князя внемли!
Хан Батый, жесток и лют,
Разоряет земли.
Губит нас проклятый враг,
Грабит нас безбожно,
Но от хана как-никак
Откупиться можно.
Дань заплатим. Спору нет,
Стянем пояс туже.

Но ливонец — наш сосед,
Дело тут похуже!
Вот теперь не отбери
У ливонцев Пскова, —
Доберутся до Твери,
Суздаля, Ростова.
А захватят города
И начнут селиться,
И прости-прощай тогда,
Русская землица!
Нам их земли не нужны,
Нам своё вернуть бы,
Ведь сейчас нам вручены
Всей отчизны судьбы!..»
Князь в предутреннюю тьму
Говорил, спокоен, —
Знал, что делу своему
Верен каждый воин.
Рано, рано поутру
Из туманной дали
Резкий голос медных труб
Люди услыхали.
То, неся стране беду,
Тяжело, но быстро
Шло по озеру, по льду
Войско в снежных искрах.
Вот оно идёт, идёт,
Лязгом угрожая,
Солнца утренний восход
В латах отражая.
И с крестами на груди,
На тяжёлых латах,
Два ливонца впереди —
Два быка рогатых.
Два ливонца — первый ряд,
Во втором — четыре,
В третьем — шестеро стоят,
С каждым рядом — шире.
По двенадцати в ряду,
А рядам нет счёта.
Меж рядов, не на виду,
Кроется пехота.
Подвигался этот строй
В ледяном сверканье,

Назывался этот строй
«Головой кабаньей».
Увидав перед собой
Эту силу в латах,
Выходили в смертный бой
На врагов проклятых.
И с дружиной наравне,
Мужики в овчинах,
Кто пешком, кто на коне,
Даже при дубинах.
Вот как суздальская рать
С немцем в бой вступала.
Надо было устоять
Во что бы то ни стало!
Метит ратник, метит в цепь,
Что блестит на солнце, —
Хочет в шлем, в глазную щель
Поразить ливонца.
Стрелы острые у нас,
А попробуй, ну-ка,
Попади «не в бровь, а в глаз» —
Хитрая наука!..
И вот тут-то наша рать
Набралась терпенья,
Чтоб ливонцам показать
Всё своё уменье.
У ливонцев перевес —
«Клин кабаний» страшен,
Он идёт наперерез
Пехотинцам нашим.
Вот вгрызается он к нам
В строй «кабаньей пастью»,
Чтоб разрезать пополам
Войско на две части.
И не сладить нипочём
С этой силой дикой:
Рыцарь сверху бьёт мечом
И пронзает пикой…
Но когда внедрился в тыл
Алый крест зловещий,
Князь с дружиной окружил,
Взял ливонца «в клещи».
И пришла в смятенье та
Рыцарская сила:

Отвалилось от «хребта»
Всё «кабанье рыло».
Грохот, ржанье, стон и крик,
Наши жмут сильнее,
А ливонец не привык
Получать по шее.
Как? Куда теперь бежать
В панцире пудовом?

Или, сняв его, дрожать
На пути ледовом?
И по льду семь вёрст пешком,
В плен дружиной взяты,
Шли ливонцы босиком,
Побросавши латы…
Ты мне скажешь, что в главе
Ратники воспеты,
О столице, о Москве,
Ничего в ней нету!
Но отвечу я тебе,

Чтоб ребята знали:
Эти ратники в борьбе
Землю отстояли!
Ведь спасли они тогда
Русскую землицу —
Сёла, пашни, города,
И, стало быть, столицу!

древний герб
города Новгорода

1327 год

БЫЛЬ ПРО ХИТРОГО ИВАНА И ТАТАРИНА ЩЕЛКАНА

Жил когда-то в Твери злой татарин Чол-хан,
Злой татарин Чол-хан, а по-русски Щелкан.
Был он ханский баскак, это значит — посол,
Хану дань собирать из орды он пришёл.
А пришёл не один — с ним татар сотен пять.
Заполонили Тверь, стали дань собирать.
Все дома обходили татары подряд:
Дом князей — сто рублей, дом бояр — пятьдесят,
А с крестьян да с посадских — по десять рублей.
Денег нет — отдавай вместо денег детей.
Нет детей у тебя — отдавай им жену.
Нет жены — в плен придётся идти самому.
А делилась вся Русь на уделы в тот век,
Был хозяин Руси — хан татарский Юзбек.
Свой удел с городком князю каждому дан,
А над всеми князьями хозяином — хан.
Только он им дарует удельную власть,
Чужеземец глумится над русскими всласть.
У владыки, бывало, в орде находясь,
Столько разной обиды натерпится князь:
Он не смеет пешком приближаться к шатру,
А на брюхе, как пёс, он ползёт по ковру
До престола, где хан, и могуч и велик,
Бросит русскому князю татарский ярлык.
Только этот ярлык князю право даёт
Обирать на Руси православный народ…

Хан-Юзбеку Щелкан был двоюродный брат.
Захотелось Щелкану богатых палат,
Хоть на родине тоже он грабил людей,

Всё же грабить сподручней в стране не своей!
Выгнал князя тверского Щелкан со двора,
Отобрал он у князя несчётно добра,
В княжий терем вошёл, заперся на замок,
Тут уж князю тверскому ярлык не помог.
А ордынцы в Твери распоясались так,
Что травить принялись тверичей, как собак.
Был грабёж среди дня, плач стоял по ночам,
От Щелкана не стало житья тверичам.
И однажды на праздник осенний в Твери
Как взялись на торгу тверичи-бунтари
Да по звону набата, в торговый разгар,
Как пошли с топорами гурьбой на татар.
Навалилась на ханских баскаков беда, —
Всех врагов тверичи перебили тогда.

А Щелкана сожгли тверичи в терему,
Тут бесславный конец приключился ему.
Хан Юзбек, услыхав, разъярился как зверь,
И пошёл было сам он с войсками на Тверь.
Только тут подоспел князь московский Иван.
(Князь боялся — Москву не разграбил бы хан!)
Князь умаслил татар, «бунтарям» дал отпор,
Только думку одну затаил князь с тех пор…

* * *

В этот памятный год москвичи неспроста
Дали прозвище князю: Иван, Калита.
«Калита» — это значит мешок для монет,
И точнее для князя прозвания нет!
Князь Иван был умён, а к тому же хитёр,
И однажды с лукавством он руки потёр
И решил: «Хватит ханских послов баловать!
Надо съездить в орду. Надо им втолковать,
Что скорее и больше получит орда,
Если дань на Москву привезут города».
Богатейших даров наготовил Иван
И повёз их в орду. Был польщён Юзбек-хан,
Он доселе не видел дороже даров —
Изумрудов, алмазов, куниц и бобров.
И, украсив дарами владыки шатёр,
Князь к нему обратился, учтив и хитёр:
«Хан Юзбек! Для чего посылать тебе слуг,
Если есть у тебя на Москве верный друг?
Чем угодно тебе, господин, поклянусь,
Что отныне платить сам заставлю я Русь!
Не в пески, не на ветер бросаю слова, —
Дай указ, чтобы дань собирала Москва!
А уж если начнут города бунтовать,
Ты пришлёшь мне на помощь татарскую рать!»
Хан-Юзбек, на бесценные глядя дары,
Уступил Калите. И вот с этой поры
Хан за данью баскаков не слал на места —
Посылал своих дьяков Иван Калита.
И везли всё добро не татарам, не в стан,
А в Москву, прямо в Кремль, чтоб решил князь Иван —
Что татарам пойдёт, что ему самому,
Что в уплату пойдёт тем, кто нужен ему…
Так в Москву повели все дороги земли.
Враждовать с Калитой уж князья не могли.
Нынче спорить с Москвою князьям не с руки:
Ведь чуть что — князь Иван собирает полки.
Чем тяжеле ярмо поднимает народ,
Тем скорее, сильнее хозяйство растёт.
Чем богаче Москва, чем хозяйство крупней,
Тем Ивану сподручнее княжить над ней.
И Москва собрала вкруг себя города.
Лишь с Москвою считалась отныне орда.

1366 год

КАК ПОСТРОЕН БЫЛ ВЕСНОЮ КРЕМЛЬ ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЮ

Сорок лет земель московских
Не топтал ордынский конь.
Но у старых стен кремлёвских
Был опасный враг — огонь.
Как в засушливое лето
Загорится что-то где-то,
Дым закрутится седой
В слободе за слободой.
Тын за тыном, дом за домом,
По лачугам, по хоромам,
Запылает вся Москва,
Как в печи горят дрова…
Это было много раз.
Но пришёл однажды час —
И из города Коломны
На Москву возы ползут:
Для Кремля с каменоломни
Возит камень русский люд.
И былой стене на смену
Строит каменную стену
Небывалой красоты
Внук Ивана Калиты.
Внук Ивана — Дмитрий-князь,
Оградить Москву стремясь,
Крепость выстроил в столице,
На высоком берегу.

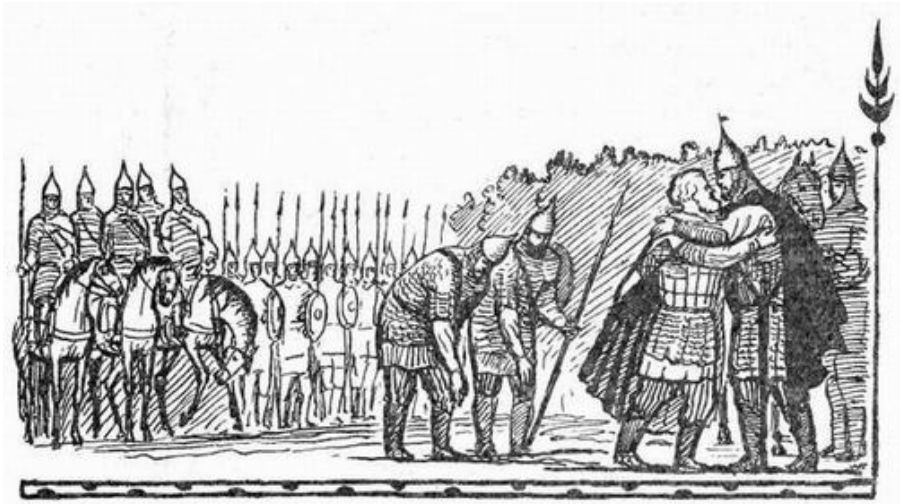
В стенах каменных — бойницы,
Чтобы целить по врагу.
А вокруг Кремля в ту пору
Вырыт был глубокий ров,
Ров такой, через который
Не пробраться без мостов.
А подъёмные мосты

Опускались с высоты
На цепях железных, мощных
От ворот из брёвен прочных.
По-иному начинает
Оборону ладить люд —
Сами порох добывают
И оружие куют.

Москвичи Кремлём гордятся, —
Он стоит на берегу.
Нынче можно не бояться —
Не осилить стен врагу.

* * *

Кличет Дмитрий всю страну
На священную войну:
«Не довольно ль, братцы, даром
Отдавать добро татарам?
Сбросить иго не пора ли?
Сколько лет нас обирали!
Ой вы, силы молодые,
Выше копья поднимай!
Возомнил себя Батыем
Злой татарин, хан Мамай.
Он путём Батыя старым
Всей ордой пошёл на Русь.
Надо дать отпор татарам.
Я вас в бой вести берусь!»
Знали Дмитрия, как друга,
Все соседи-города,
И от севера до юга
Все откликнулись тогда,
И под славною Коломной
Все князья до одного
Ратью встретили огромной
Полководца своего.
Собралось в лесную глушь
Полтораста тысяч душ.



1380 год

СЛОВО О ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

С чего бы слово мне начать
О славе тех времён?..
Большую, тысяч в триста, рать
Привёл Мамай на Дон.
Она драконом в сто голов
Легла на берегу,
О ней вернее этих слов
Сказать я не могу…
Был воздух свеж, был вечер тих.
В тумане у реки,
В прибрежных камышах донских,
Свистели кулики.
Татарам было невдомёк —
О чём они свистят?
Свистят вдали. На огонёк
К татарам не летят.
На что у птицы голос есть,
То знает лишь аллах!
А кулики друг другу весть
Давали в камышах:
Что там, где с Доном обнялась
Непрядва, в этот лог
Пришли с войсками Дмитрий-князь
И друг его — Боброк.
Неслышно, крадучись, в туман
Пришли богатыри.
И на семь вёрст раскинут стан,
И ждут они зари…

* * *

Поутру Мамай в шатре
Глянул в щёлку узкую
И увидел на заре
В поле силу русскую.
«Ай-ай-ай! — подумал хан. —
Что за наваждение!
Может, так шалит шайтан?
Может, сновидение?»

Хан опять глаза протёр,
Закричал сердито.
Трепеща, к нему в шатёр
Прибежала свита.
«Вы видали эту рать?
Мы её разгоним!
Время битву начинать!
Батыры! По коням!
Поднимайтесь на врага
Золотой ордою!»
Крик в степи: «Олга! Олга!» —
Призывает к бою.
Заглушили куликов,
Затоптали травы, —
Это тысячи стрелков
Поднялись оравой.
Наготове лук, колчан,
И пошли на русский стан…

* * *

Как мне о битве на Дону
Рассказ продолжить мой?
Читатель, я не обману,
Сказав о битве той,
Что не было такой ещё,
И, хоть кого спроси, —
«Мамаево побоище»
Все знают на Руси!..
Там ратники к плечу плечо
С врагом сошлись грудь в грудь,

И места не было мечом
Иль палицей взмахнуть.
У ненависти страшен клич,
А ярость велика, —
То горла недруга достичь
Пытается рука,
То ловкой хваткой с москвича
Татарин шлем срывал,
Чтоб кулачищем — без меча —
Ударить наповал.
Стоял такой великий стон,

Шёл бой с такою кровью,
Что был в багрец окрашен Дон
До самого низовья.

А солнце жаркое, как печь,
Смеялось в синеве,
И ветер дул, как будто лечь
Он не хотел в траве,
Потоптанной мильоном ног,
Политой кровью тех,
Кто в этой грозной сече лёг
За правду и за грех.
И стало солнце уставать,
К закату — огневое,
И стали русские сдавать —
Ордынцев было вдвое!
Вот тут-то памятный урок
Был дан врагам-татарам:
Вдруг вывел конницу Боброк,
Что прятал он недаром.
Укрытая от вражьих глаз
Зелёною дубравой,
Дружина вынесла в тот час
Знамёна русской славы
И нанесла такой удар
С отвагою такою,
Что в страхе сонмища татар
Бежали с поля боя.
Мамай бегущих увидал,
Их крики услыхал он,
И сам, как баба, зарыдал,
И сам завыл шакалом.
Никто остановить не мог
Смятенного потока, —
Орда катилась на восток,
Гонимая жестоко.
А сам Мамай, один, на юг
Бежал живым, здоровым,
Но там пришёл ему каюк —
Убит был ханом новым.
Хан звался Тохтамышем,
О нём поздней услышим.

* * *

Как мне закончить быль мою
О поле Куликовом?
Кому я славу пропою?
Кого прославлю словом?
Руси достойных сыновей —
Отчизны честь и силу,
И наших предков — москвичей
Меж ними много было.
А князя Дмитрия — Донским
С тех пор прозвал народ.
И слава добрая за ним
До наших дней живёт.

1382 год

КАК БАЮКАЛА ТУРЧОНКА НАША РУССКАЯ ДЕВЧОНКА

За горами, за морями,
На турецкой стороне,
Русской девочке Марьяне
Кремль привиделся во сне.
То-то радость и удача
По Кремлю во сне гулять,
Да чужой младенец плачет,
Не даёт Марьяне спать.
Спать Марьяне не даёт,

И она ему поёт:
«Спи, турчонок, баю-бай!
Спи, турчонок, засыпай!
И чего тебе не спать,
У тебя отец и мать,
У тебя богатый дом,
Ты живёшь в краю родном.
Спи, турчонок, баю-бай!
Спи, турчонок, засыпай!»
Большеротый, как галчонок,
И горластый, хоть и мал,
Наконец заснул турчонок,
В круглой зыбке задремал.
Аромат струился пряный
С кипарисовой смолой…
И задумалась Марьяна
Над своей судьбиной злой.
Как же это всё случилось?
Страшно вспомнить ей сейчас.
Хоть бы память помутилась,
Хоть бы свет в очах погас!
Но Марьяна видит снова
Все картины прошлых дней,

Что упорно и сурово
Воскресают перед ней.
Вот отец, кузнец московский,
Добрый, статный, молодой,
После битвы Куликовской

Он пришёл совсем седой.
Вот за прялкой мать Марьяны,
И в ладонях нить шуршит,
И повойник домотканый
Мелким бисером расшит.
Под повойником густая
Втрое скручена коса…
Песня русская, простая:
«Ой ты, девица-краса!»
Жили скромно, жили дружно
На Кузнецкой слободе.
И тогда-то было нужно
Привалить такой беде!..

* * *

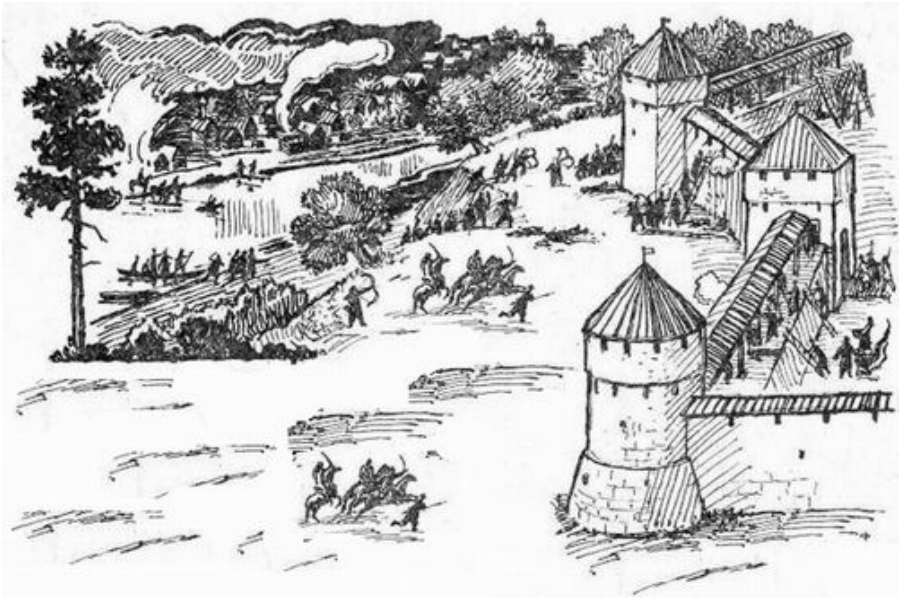
Рано утром было это,
Было это на заре.
И стояло бабье лето,
Бабье лето на дворе.
Звонко хлопали бичами
На задворках пастухи,
По-осеннему кричали
Молодые петухи.
И на город полусонный,
Что в туманах потонул,
Вдруг нахлынул отдалённый,
Отдалённый, грозный гул.
Вот по улицам столицы
Побежал людской поток.
Обезумевшие лица,
Крики, плач и топот ног.
«Люди добрые, беда!
Тохтамыш идёт сюда!»
Лишь на Кремль одна надежда,
И к нему спешит народ,
Захватив еду, одежду,
А иные даже скот.
Еле-еле поспевая,

Шла Марьяна за отцом.
Он схватил полкаравая,
Два меча, топор и лом.
И, забрав кошёлку хлама,
На столе забыв еду,
Семенила рядом мама,
Причитая на ходу.

* * *

Вот они вошли в ворота.
Только пусто отчего-то…
И висят замки повсюду,
На засовах все дворы,
Нет ни княжеского люда,
Ни боярской детворы.
И Марьяна удивилась:
«Батя! Где же Дмитрий-князь?
Не бежала ль княжья милость,
От ордынцев хоронясь?» —
«Нет, — отец ответил строго, —
В Переяславль, в Кострому
Князь поехал за подмогой,

Верен делу своему!» —
«А бояре?» — дочь спросила.
«А бояре — злая сила! —
Как узнали, что беда, —
Разбежались кто куда!»



* * *

Ох, не видеть бы Марьяне
И не слышать никогда,
Как гудела за стенами
Тохтамышева орда.
Хриплый клич визирей хана,
Конский топот по мостам,
Лязг оружья, гром тарана
По железным воротам.
Уж отравленные стрелы
Через стены в Кремль летят.
Москвичи упорны, смелы
И сдаваться не хотят.
Все пришли для обороны.
Москвичам неведом страх.
Старики, ребята, жёны

Греют чаны на кострах,
Чтоб расплавленной смолой
Был облит ордынец злой,
Если на стену полезет
С ядовитою стрелой.
А народ собрался всякий:
Кузнецы и гончары,
Мукомолы, кожемяки,
Водовозы, столяры…
Из бойниц в татар стреляют,
Кипятком их обливают,
И грохочет над Кремлём
Русских пушек первый гром.

* * *

Третий день осада длится.
Не сдаёт Кремля столица,
Не уходит Тохтамыш.
Наконец настала тишь.
Хан завёл переговоры:
«Мы, татары, мол, не воры.
На кремлёвские соборы
Дайте только нам взглянуть,
Мы пойдём в обратный путь!..»
Как живая ноет рана,

Живо горе ночи той.
Вот тогда-то ты, Марьяна,
И осталась сиротой.
Не забыть тебе, бедняжка,
Как страдали люди тяжко,
Как нашёлся подлый кто-то —
Он открыл в Кремле ворота.
Ты, Марьяна, не забыла,
Не забыла ни на миг,
Как вломилась вражья сила,
Помнишь ты победный крик.
Вспоминать ты не устала,
Как на землю мать упала,
Мать упала неживой,
С рассечённой головой.
Будешь помнить ты ночами,
Напевая «бай-баю»,
Как отец двумя мечами
Семерых сразил в бою.
Враг восьмой взвился с конём
И пронзил отца копьём…
Ты потом и не узнала,

Как в столицу князь пришёл,
В Костроме собрал немало,
Рать хорошую привёл.
Но безмолвен и печален
Вид открылся перед ним.
Нет столицы! Меж развалин
Груды мёртвых, пепел, дым…
И, припав к родной землице,
Зарыдал тут Дмитрий-князь:
«Ой ты, матушка-столица!
Ты меня не дождалась!..»

* * *

А Марьяна шла степями,
Руки скручены ремнями.
Так Марьяну гнали к морю
С уцелевшими на горе,
К персам, к туркам повезли,
Погрузив на корабли.
Турки пленных, как товар,
Покупали у татар.

Бедной девочке отныне
Не видать земли своей,
И живёт она рабыней,
Чтоб качать чужих детей.
Всё в чужих краях немило:
Солнце, звёзды, соловьи,
Соловьи поют постыло,
Потому что не свои.
И не радуют цветы
Небывалой красоты.
Нет Марьяне утешенья,
Что ни ночь — встают виденья,
И сегодня, как вчера,
Горевала б до утра,
До утра бы горевала,
Косу девичью плетя,
Да опять вот закричало
Беспокойное дитя.
Спи, турчонок, баю-бай!
Спи, галчонок, засыпай!
Злой татарин всё пожёг,
В плен Марьяну уволок.
Злым татарином она
На базаре продана
За турецкую деньгу;
На чужом на берегу
Твой отец её купил…
Ох, как тяжко, нету сил!..
Лихо горе, затихай!
Спи, турчонок, баю-бай!

ЧТО ПРЕДМЕТЫ СТАРИНЫ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ ДОЛЖНЫ

Мой читатель, в день воскресный
Собери своих друзей,
Поведи их в интересный —
В Исторический музей.
Чей здесь труд и чья забота?
Речь об этом впереди.
В зал тринадцатый по счёту
Ты друзей своих веди.
Там, укрытые от пыли,
За витринами лежат
Те предметы, что служили
Много сотен лет назад.
Вот взгляните-ка, ребята, —

У высокого окна
Под колпак стеклянный взяты
Два дубовые бревна.
Были врублены друг в друга
Эти брёвна на века
И лежат, зажаты туго,
Словно об руку рука.
Обладая даром слова,
Рассказали б два бревна,
Что тогда была дубовой
Вся кремлёвская стена.
Восемь башенок дубовых
Возвышались вкруг холма,
Все ворота на засовах
Охраняли терема.
Под Кремлём вокруг посады
И дворы купцов, бояр.
За высокие ограды
Укрывал купец товар.
И в музее за витриной,
Чтобы каждый видеть мог,
Сохраняется старинный,
Грубо кованный замок.
Им в четырнадцатом веке
При Иване Калите
Замыкал купчина некий
Кладовые в темноте.
Чтоб никто в глухую пору
Не пролез бы со двора,
Чтоб какому-либо вору
Не добраться до добра —
До каменьев драгоценных,
До одежды парчевой,
Что хранится в высоченных
Сундучищах кладовой.
А деньжищ-то понабрали
Те купцы за много лет!
Сколько пряталось в подвале
Тех серебряных монет!..
Вот они! Лежат в витрине,
Меж ключей, ножей, замков,
Эти денежки доныне
Пролежали шесть веков!..
Вот и серп.

Сверкал он летом
Над пшеницей за селом,
Молча дремлет в зале этом
На витрине под стеклом.
Серп зазубрен да искрошен,
Съеден ржавчиной времён,
А когда-то был хорошим,
Был когда-то острым он.
И крестьянка молодая,
За снопом укрыв дитя,
Пела, колос подрезая,
То ли плача, то ль шутя:
«Уж тебе ли да не в золоте ходить!
Уж тебе ли да не бархаты носить!
Уж тебе ль не жить в высоком терему,
Ненаглядному дитяти моему!»
А младенец, ждавший ласки,
Материнских тёплых рук,
В небеса таращил глазки,
Жизнь разглядывал вокруг.
Он, в неволюшке рождённый,

В нищете курной избы,
В этой песне полуденной
Не нашёл своей судьбы.

* * *

Есть ещё витрина справа,
У высокого окна.
Наша гордость, наша слава
В ней навек сохранена.
Из колец, сплетённых туго,
Одеянье там лежит.
Это древняя кольчуга,
А над нею шлем и щит.
Им от «поля Куликова»
Сохраниться довелось.

Медью был тот щит окован,
Шлем копьём пробит насквозь.
В этом шлеме русский воин
Пал от вражеской руки
В час, когда противник с воем
В наши врезался полки.
В этой битве много тысяч
Полегло таких, как он,
На граните уж не высечь
Этих ратников имён.
Но дела в веках нетленны,
Не исчезнут, не умрут,

Летописец вдохновенный
Посвятил им славный труд.
Здесь, в музее, он хранится,
В нём история жива —
На развёрнутых страницах
Древнерусские слова.
Эту повесть, это «Слово»
Мы «Задонщиной» зовём,
Битву поля Куликова
Изучаем мы по нём.
И, хранимая народом,
Долежав до наших дней,
Эта повесть с каждым годом
Всё становится древней.

* * *

Кто ж нашёл следы столетий?
Кто в историю влюблён?
Кто сложил в витрины эти

Драгоценности времён?
Это опытные руки
Археологов страны.
Мы ревнителям науки
Благодарны быть должны.

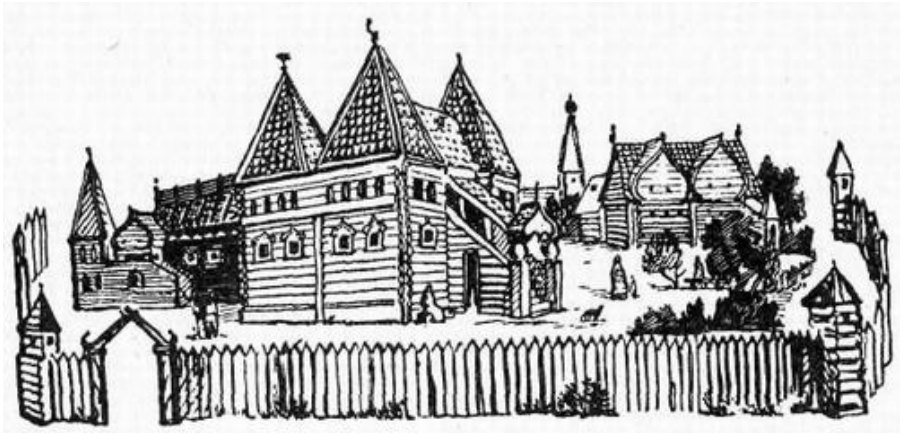
1480 год

ЖИВ НАРОД, И РУСЬ ЖИВА, И ОПЯТЬ РАСТЁТ МОСКВА

В рассвете спит ещё столица.
Мерцают звёзды далеки,
Густой, седой туман клубится
Меж берегов Москвы-реки.
Ещё ворота на засовах
И площадь Красная пуста,
А через час в рядах торговых
Уже начнётся суета.
Откроются ларьки, лабазы,

И выложат товары, снедь,
И загудит в посадах сразу
Колоколов церковных медь.
Над золотыми куполами
Вороний грай разгонит сон
В Кремле, что новыми стенами
Кирпичной кладки обнесён.
К соборам, убранным богато,
Дворец выходит за дворцом,
Тут Грановитая палата,
Что Красным славится крыльцом,
А вот палата Золотая,
С чудесной росписью внутри,
В ней, иностранцев принимая,
Сидят теперь государи.
А дальше погреба, и службы,
И монастырские дворы —
Дворы бояр, что с князем в дружбе,
Льстецов придворных той поры.
А вот на каменной подклети
Дворец со множеством красот.
Там князь Иван Васильич Третий
Завёл богатый обиход.
Не только пышной жизни ради,
Но чтоб в Европе короли,
Чтоб Мухаммед — султан в Царьграде —
И папа римский знать могли,
Что Русь, доступная когда-то
Вторженьям варваров-врагов,
Теперь сама крепка, богата,
Сильна единством городов.
И то, что создано руками
И сердцем русских мастеров,
Живёт и будет жить веками
Среди сокровищ всех миров.

МУЖИК С СОШКОЙ, А БОЯРИН С ЛОЖКОЙ



Терем, терем, теремок,
Он затейлив и высок.
В нём окошки слюдяные,
Все наличники резные,
А на крыше петушки,
Золотые гребешки!
А в перилах на крылечке
Мастер вырезал колечки,
Завитушки да цветки
И раскрасил от руки.
В терему резные двери,
На дверях цветы да звери.
В изразцах на печке в ряд
Птицы райские сидят.
За переднею палатой
Спальня в горнице богатой,
И постель там высока,
Высока до потолка.
Там перины, одеяла,
И подушек там немало.
И стоит, покрыт ковром,
Ларь с хозяйкиным добром…
Вот, читатель мой, давай-ка
Мы заглянем в теремок.
Кто хозяин и хозяйка?
Кто палаты строить мог?
Чья шкатулка красной меди
Скатным жемчугом полна?

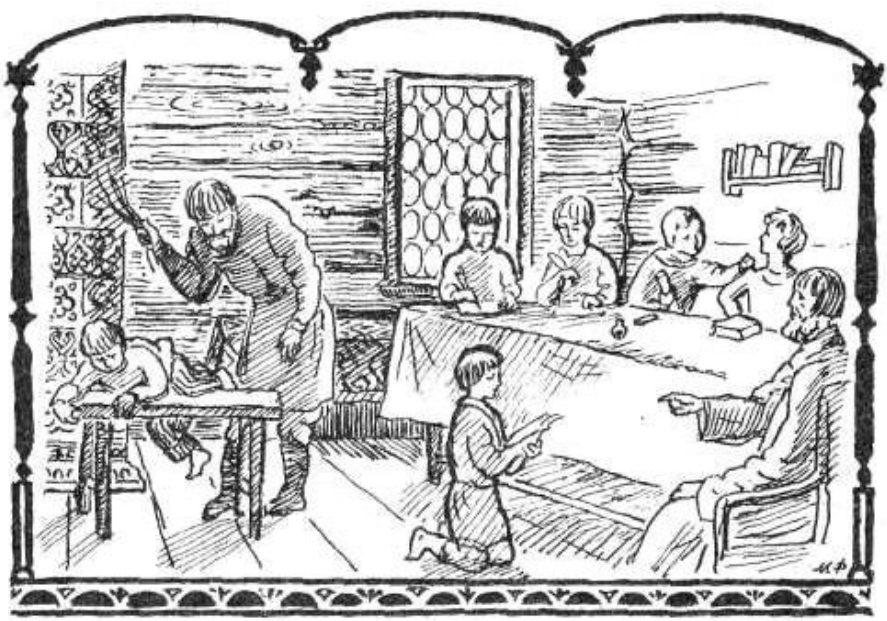
Чьи амбары и подклети
Распирает от зерна?
Вот он — «сам» с «самой» — супругой.
Посмотри сюда скорей,
Как расселись полукругом
Пять боярских дочерей.
И «сама», любуясь ими,
Речь ведёт о сватовстве:
Мол, с невестами такими
Редки семьи на Москве.
Все дородны, ладны, сыты,
Все разубраны в шелка.
«Сам», сопя, молчит сердито,
Щиплет бороду слегка.
Что-то нынче «сам» не в духе,
Он стоит, глядит в окно.

(При таком огромном брюхе
Сесть, конечно, мудрено!)
Он глядит, «самой» не внемля,
Как согретую весной
Для хозяев пашет землю
Мужичишка крепостной.
У хозяина их много:
Двести, триста, восемьсот…
Он следит за ними строго,
Как скоту, ведёт им счёт.
Чтоб они весь век трудились
На него, его рабы,
Умирали и родились
В нищете курной избы.
В этих избах печи были
Без трубы, не как теперь,
Их «по-чёрному» топили —
Дым клубился в окна, в дверь.

Трудно жили крепостные,
А зимой, в холодный год,
В избы «чёрные», курные
Приводили даже скот…
Землю пашет мужичишка

На господской полосе,
У такого нет излишка
Ни в одежде, ни в овсе!
Брат его — затейник тонкий,
Мастер русского резца,
Это он точил колонки
Для господского крыльца.
Зять его — художник ценный,
Доверяют лишь ему, —
Он расписывает стены
У хозяйки в терему.
А живут по-скотски оба,
Этих некому жалеть —
От младенчества до гроба
Либо окрик, либо плеть!
Вот какой тогда была
Крепостная кабала.

КАК В МОСКВЕ УЧИЛИСЬ, ЧЕМ В МОСКВЕ ЛЕЧИЛИСЬ



Учился ль в детстве грамоте
Крестьянин-мужичок?
Ему ль букварь показывал
Указкою дьячок?
Была наука в древности,
Но не для всех детей.
Учил тогда лишь избранных
Церковный грамотей —

Сынков боярских, княжеских,
Купеческих сынков,
Но не детей работников,
Холопов, мужиков.
И книги были древние,
Что дьяк писал рукой.
Меж этими писаньями
Остался «Домострой».
И в этой книге полностью
Рассказано о том,
Как лучше дом налаживать
(Тем, кто имеет дом!),
Как жить, чтоб в доме выросли
Богатство, слава, честь,
Как кладовые пользовать
(Когда запасы есть!),
Как шить бельё, как мыть его
И как варить обед,
Как летом мех укладывать
(Тому, кто в мех одет!),
Как охранять имущество,
Борясь в пожар с огнём,
И как детей воспитывать —
Наказывать ремнём…
Ну, словом, всё, что надобно,
Чтоб жизнь была легка,
Но только не для бедного,
Простого мужика.
Ему и книг не надобно
(Читать он не умел)
Про то, как дом налаживать
(Он дома не имел).
А как ремнём наказывать
Ребёнка своего —
Наука немудрёная,
Пороли самого!
Коль не запорют до смерти
И будет жив холоп,
Сотрёт знахарка в снадобье
Полынь, репей, укроп,
С гусиным жиром выпарит,
С головкой чесноку,
Положит ночью тёмною
На раны мужику…

В лесах, в лугах, на просеках
От ранней от весны
Целебные растения
Сбирали ведуны.
Сушили их на солнышке
И в избах на печах,
Чтоб цветик не осыпался,
Чтоб корень не зачах.
Леченьем баня славилась
У русских мужиков,
Что «пар костей не ломит» —
Осталось от веков.
Застынет ли на холоде,
Уйдя по грудь в сугроб,
Иль зашибётся где-нибудь
Крестьянин иль холоп,
На то совет испытанный —
Лечь в баньке на полок
Да с веником берёзовым,
Чтоб пар под потолок!

А были заговорницы,
Что приходили в дом
Лечить больных заклятьями
И разным колдовством.
Велят смотреть болящему
На месяц молодой,
На уголь дуют тлеющий
Иль шепчут над водой:
«Тьфу! Тьфу! Уймись, трясовица!

Уймись, ломота! Сгинь!
Тьфу, пропасть окаянная!
Аминь! Аминь! Аминь!..»
Прошла пора знахарского
Леченья на печи,
Народу служат преданно
Учёные, врачи.
Но… медицина древняя
До наших дней жива.
Цветы, коренья, ягоды,
Целебная трава,
Шиповник, мята, ландыши,
Бессмертник, и шалфей,
И корень валерьяновый —
Великий чародей.
Они наукой признаны,
Их польза велика.
Они с народной мудростью
Остались на века.

ЧТО НЕГЛИННАЯ РЕКА ПОВИДАЛА ЗА ВЕКА

За Москвою, за столицей,
В роще Марьи молодицы
Начинался ручеёк.
Он шумел, журчал, струился,
Он с Напрудной речкой слился
На лужайке — Самотёк.
И, не ведая покоя,
Зажурчал ручей рекою,
Что Неглинкой назвалась
И своим путём-дорогой,

До Москвы-реки широкой
Через город пробралась.
Уж не так чтоб очень длинный
Был тот путь реки Неглинной —
Не в пример Десне, Протве,
Всё ж Неглинная немало
На своём пути видала,
Протекая по Москве.
Протекала под Сущёвом,
Под большим селом дворцовым,
Где пахали по весне,
Скот водили, пряли, ткали
И доходы собирали
Государевой казне.
И вечернею порою
На Неглинку к водопою
Звал жалейкою пастух
Из приволья пастбищ мирных
Всех овец, баранов жирных,
Всех бурёнок да пеструх.
Напоив стада собою,
Воды лентой голубою
Звонко пели, а потом
Протекали, не журчали
Мимо берега печали,
Где стоял «убогий дом»,
Дом для странников бездомных,
И слыхала речка, скромно
Протекая меж коряг,
Как на кладбище звонили,
Неизвестных хоронили —
Нищих, пришлых да бродяг.

* * *

А в столице нашей юной
Нынче площадью Коммуны
Это место мы зовём.
И советского народа,
Нашей Армии и Флота
Там гостиница и Дом.

* * *

Пряча силу в быстрых водах,
Меж урочищ, огородов
По Москве река текла,
В те века в столице старой
Были частые пожары —
Выгорало всё дотла.
И Неглинная, бывало,
Москвичам воды давала,
Чтоб огонь тушить шальной.
А на площади на Трубной
Торг был раньше лесорубный,
Пахло дубом и сосной.
И, бывало, там из дуба
Продавались избы-срубы
На высоком берегу.

Тут же саженцы, коль надо,
Семена, кусты для сада
Покупали на торгу.
Этот торг служил когда-то
Для того, кто жил богато, —
Для князей, купцов, бояр.
Был омыт водой проточной
Тот московский торг Цветочный.
Ныне там — Цветной бульвар…
Дальше речка почему-то
Заворачивала круто
До Кузнецкого моста.
Над Неглинною рекою
Мост название такое

Заработал неспроста.

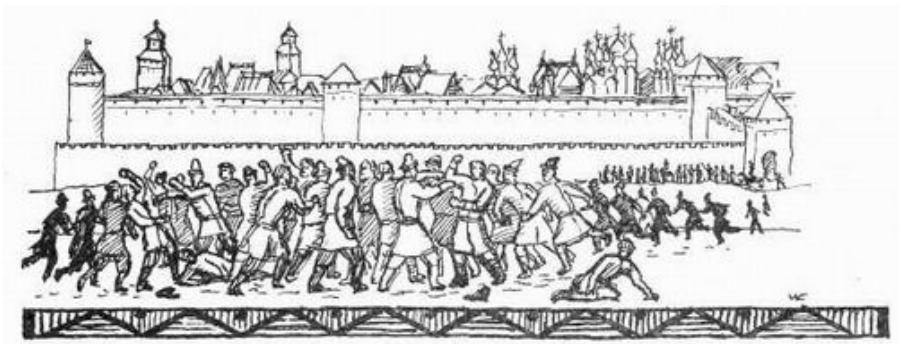
Там над самою водою
Жили целой слободою
Всё литейцы — кузнецы.
Грохотали вечно горны,
Дым клубился едкий, чёрный,
Громко звякали щипцы.
Там в дыму, в железной пыли
Кузнецы в лачугах жили.
А повыше, на горе,
Двор, что Пушечным прозвали,
Потому что отливали
Медны пушки в том дворе.
День и ночь была работа,
И на Пушечной ворота
Открывались в этот двор.
Эту улицу отметим,
Мы её названьем этим
Прозываем до сих пор…

* * *

В бане, с веничком да в мыле,
Люди русские любили
Поваляться на печи.
Испокон веков недаром
Поздравляли «с лёгким паром»
Наши предки-москвичи.

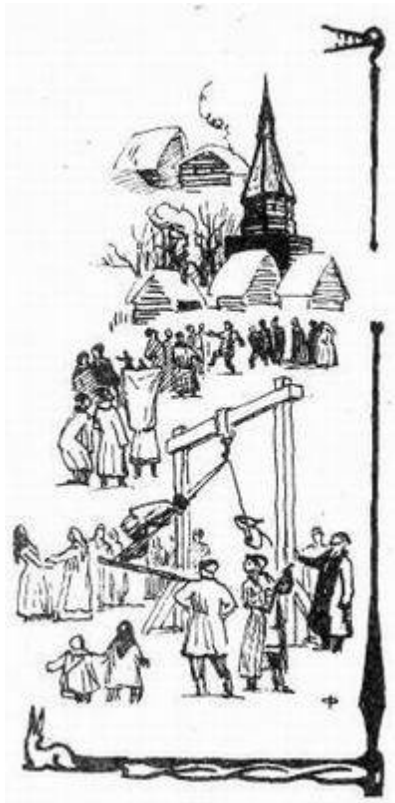
Уверяли все знахарки:
Мол, в хорошей банной парке
Веник гонит хворь да боль…
Бани были на Неглинке,
Где Свердлова площадь ныне,
Там, где зданье «Метрополь».
Москвичей помыв, Неглинка
Шла по мельницам до рынка,
На бегу муку меля,
Но весной она, бывало,
В половодье заливала
Всё до самого Кремля.
А в жару река мелела,

И стоял высоко, смело
Воскресенский мост над ней,
Там был рынок на Неглинной,
Овощной, фруктовый, дынный
(Ныне там стоит музей).
И летели в реку с горки
Кочерыжки, шкурки, корки
И фруктовое гнильё.
Воробьёв летали стайки,
Уж под мост сюда хозяйки
Полоскать не шли бельё.
Под стеной кремлёвской новой
Шёл весной поток бедовый,
Чтоб простор себе найти,
Шёл под Троицкий мост с Кутафьей,
Шёл в Москву-реку, отдав ей
Всю добычу по пути.
Там теперь стоит ограда
Александровского сада
Под кремлёвскою стеной.
Ветерок гуляет свежий
Возле старого Манежа
Даже в душный, летний зной.
А зимой с морозной дымкой
Подо льдом несла Неглинка
Воды быстрые свои.
На Москве-реке, бывало,
Через лёд она видала
Все кулачные бои.



Москвичи любили драться:
«Ну-ка! Кто смелее, братцы?
Выходи-ка, силачи!»
Не на зло, не на расправу —
На потеху, на забаву

Бились предки-москвичи,



А на масленой неделе

Скоморохи там дудели
В берестяную дуду —
Собирались на гулянье,
На весёлое катанье,
Представление на льду.
И, покамест княжьи дьяки
Не начнут с народом драки,
Потешались мал да стар,
Как высмеивали лихо
И дородную купчиху,
И монахов, и бояр…

* * *

Пять веков с тех пор минули,

Под землёй в трубу замкнули
Всю Неглинную давно.
И с тех пор Москве-столице
Много раз перемениться,
Видно, было суждено.
Но под башней Водовзводной
Есть в Москве-реке холодной
Место, что кипит слегка.
Можно видеть с парапета
За решёткой место это,
Там — Неглинная река.
Ведь прошло уж больше века,
Как лишили эту реку
Полновластья своего,
И кипит она сердито,
Потому что вся закрыта
И не видит ничего!

ПРО СУДЕБНИК И ПРО СУД, ГДЕ СУДИЛСЯ РУССКИЙ ЛЮД

Читатель мой, я в этой были
Тебе поведаю о том,
Как наших прадедов судили
И что считалось их судом.
Суд «Русской правдой» величался,
Но правды не было на грош:
Когда над слабым суд свершался,
Всегда торжествовала ложь.
Не каждый мог поспорить с нею, —
Один другого обобрав
И став богаче и сильнее,
Во всяком деле будет «прав».
Бывало, люди в «божьей воле»
Искали шаткий свой закон,
И суд тогда свершался в поле —
На поединке двух сторон.

Тот поединок не потеха…
Представь себе, читатель мой,
На конях двух людей в доспехах.
Они вступают в смертный бой.
Они гоняются по кругу,
С коня стремясь друг друга снять,
То налетают друг на друга,
То разъезжаются опять.
За ними наблюдают судьи,
В сторонке кучками родня,
Пока один с пробитой грудью
Ничком не валится с коня.
Кто одолел, тот «выиграл» дело,
Он прав, он честен, справедлив…
Родные тащат с поля тело,
Себе на плечи труп взвалив.
Все знают, что погиб он даром,
Что неповинен, бедный, был,
Но отстоять права ударом
Не мог он, не хватило сил!
Берёт убийца без помехи
Всё то, за что судился он,

Берёт коня, берёт доспехи
Того, кто был в бою сражён.
Когда ж боялись драться сами,
То нанимали молодцов,
Иль откупалися деньгами,
Иль княжий суд судил истцов.
И в каждом городе, бывало,
Свой князь, свой суд и свой устав.
И княжий нрав решал немало:
«Виновен тот! А этот — прав!»
Пришёл конец порядкам этим,
Объединились города,
Был на Руси Иваном Третьим
Введён судебник для суда.
И властью княжеской, исконной
В нём на двенадцати листах
В порядке собрались законы,
В стране единым правом став.
Давай-ка наугад откроем
Законы древнего житья.
Славянский шрифт красив и строен,
Шестидесятая статья:
«А кто умрёт без завещанья
И нет в семействе сыновей,
Тот земли, дом и состоянье
Оставит дочери своей.
А нету дочки, все доходы

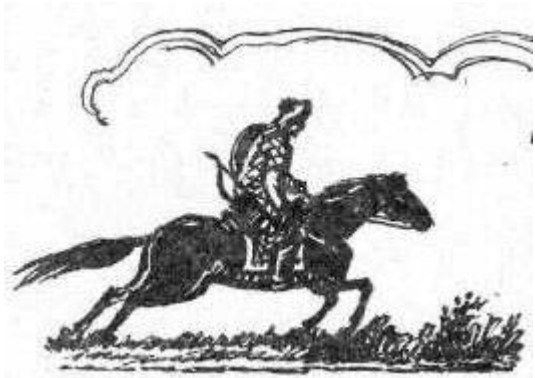
Пойдут ближайшему из рода».
Вот что «Судебник» говорил,
Чтоб зря истец не тратил сил.
Но создавал Иван недаром
«Судебник» свой в кругу друзей —
Закон всегда служил боярам
И всем приспешникам князей.
Богач живёт, бедняк страдает,
Бедняк повсюду угнетён,
И это ясно подтверждает
Статьёй двенадцатой закон:
«А еж ли на кого покажут
Детей боярских пять иль шесть,
Иль целовальники докажут,
Что он-де вор, что кража есть,
То хоть не пойман никогда,
Наказан будет без суда».
Таков закон. Вот и попробуй,
Поди-ка оградись от бед,
Коль с ненасытною утробой
Богач, помещик — твой сосед…

* * *

Служил «Судебник» тот немало.
Права хоть были неравны,
Всё ж произвола меньше стало —
Один закон для всей страны.

1480 год

СВЕРЖЕНЬЕМ ТАТАРСКОГО ИГА КОНЧАЕТСЯ ПЕРВАЯ КНИГА



Обуяла татарского хана гордыня:
Он потомок прямой Чингис-хана!
Что-то мало ему подчиняется ныне
Русь великого князя Ивана!
Он сидит, хан Ахмет, тут, на Волге, в низовье,
Через Волгу — всё русские сёла!
Уж пора бы Ахмету славянскою кровью
Обагрить на полях меч тяжёлый.
А чтоб веры в удачу свою было больше,
Он на помощь татарскому войску
Позовёт короля Казимира из Польши,
И добычу разделят по-свойски!
Вот Ахмет Казимиру письмо посылает,
С тонкой лестью, с восточным елеем:
Дескать, дружеский факел за Волгой пылает, —
С двух сторон нападём — одолеем!

* * *

Казимир на Смоленске сидит развалясь,
Тянет лапу с Днепра до Дуная,
Он лисой-сиводушкой залаял, смеясь,
Добрый кус получить предвкушая.
Знал король, что идут на Руси нелады,
Что с Иваном враждуют княжата,
Для единой державы нет хуже беды,

Чем обида двух братьев на брата.
Переманивал польский король двух князей,
Поднимая на брата Ивана.
Те князья меж князей, не имея друзей.
Перекинулись к польскому пану.
И дружины на запад князья повели,
Чтоб прислуживать польской короне.
Беглецов на границе литовской земли
Обогнали татарские кони.
Где же было князьям догадаться, что это
Казимиру посланье от хана Ахмета?..

* * *

Государю Ивану не спится в ночи,
Вид у князя усталый, помятый.
Государю Ивану приносят врачи
Сон-траву и настойку из мяты.
Но лечебных отваров не надо ему,
И, прикрывшись парчовым кафтаном,
Думу думал Иван при свечах в терему,
Как бы сладить с Ахметом поганым.
«Хан Ахмет осмелел, собирается драться,
Видно, спать не даёт ему слава Батыя,
К Казимиру ушли два изменника-братца,
Видно, горы он им посулил золотые.
А в Крыму точит копья хан Менгли-Гирей,
Конных воинов там непочатая сила!
Надо будет стравить этих двух главарей,
Чтоб одна злая сила другую сломила.
Хан Ахмет Казимира зовёт на подмогу,
Пусть Гирей перейдёт Казимиру дорогу!..»

…Над оплывшей свечою погас фитилёк,
Солнце бросило нить золотую.
Государь в терему на лежанку прилёг,
В Крым Гирею посланье диктуя.
Дьяк слова выводил под скрипенье пера,
Дьяк печать подносил для посланья…
Доносилися шутки гонцов со двора
И коней государевых ржанье.
Хан Ахмет на Москву вёл войска по Оке,
Далеко обходил он столицу.
Хан Ахмет собирался на Угре-реке
С Казимировой силою слиться.
И осеннею ночью, туманной, густой,
На прибрежье, под город Калугу
Он привёл все остатки Орды Золотой,
Чтобы встретить вельможного друга.
А когда на востоке забрезжил рассвет,
Поредела завеса тумана,
На другом берегу вдруг увидел Ахмет
Рать московского князя Ивана…
День прошёл. Ночь прошла.
День да ночь. День да ночь.
Князь Иван не снимается с Угры.
Казимир не торопится хану помочь,
И аллах отвернулся премудрый…

Хан Ахмет и не знает в гордыне своей,
Что полякам теперь не до хана,
Что повёл своих конников Менгли-Гирей
Грабить вотчины польского пана.

И покуда шатры не увязли в снегах,
Не завыла морозная вьюга,
Всё стояли два стана на двух берегах,
Не решаясь напасть друг на друга.
Встал на Угре-реке зимний лёд, прочный лёд,
Голод с холодом верх забирают.
На Москву через лёд хан Ахмет не идёт,
Рог орды отступленье играет…
Учинился «стоянью на Угре» конец.
Со своею московскою ратью
Князь Иван шёл домой, и к нему в Кременец
Прискакали с повинною братья.
Беглецы повернули домой с полпути
К братской помощи, к родине, к миру,
А большие убытки пришлось понести
Одному королю Казимиру.
Хан Ахмет возвратился от ярости дик,
И, Москву обойдя стороною,
Он послал государю Ивану ярлык,
Ядовитою брызжа слюною:
«От высоких от гор и от тёмных лесов,
Что подвластны ордынскому хану,
И от сладостных вод и от чистых лугов
Шлёт Ахмет своё слово Ивану.

Ты припомни, как корчились ваши цари
От Батыевой сабли жестокой,
Сорок тысяч алтын мне теперь набери

И отдай эту дань за три срока.
Да ещё островерхий колпак свой вдави
В знак покорности хану Ахмету,
А не то потоплю твою землю в крови",
По хребтам по боярским проеду.
И как минет зима — девяносто ночей, —
Снова стану для вас я бедою,
Доберусь до Москвы я с ордою моей,
Напою тебя мутной водою!..»
Государь прочитал и, спокоен и строг,
Повернулся к Ахметовым людям,
Бросил наземь ярлык под сафьянный сапог
И сказал: «Дань платить мы не будем!..»

* * *

С той поры не решалась нас грабить орда,
Иго тяжкое сброшено было.
А в Орде началось несогласье, вражда,.
И распалась ордынская сила.

«СЛАВЕН, СЛАВЕН ГРАД МОСКВА!»

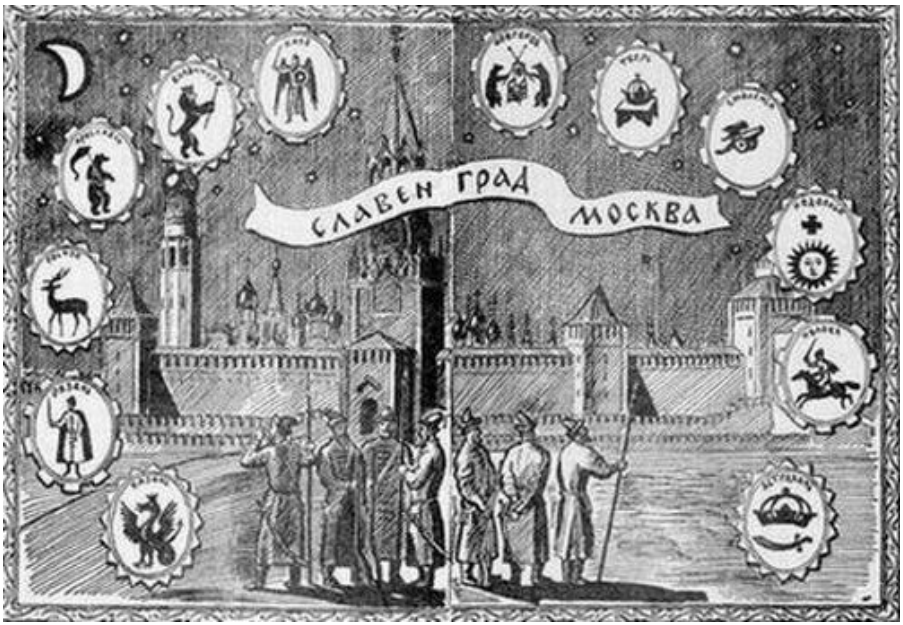
Спит Москва, Руси столица,
Сон спокойный людям снится.
Сторожа то там, то тут
В колотушки глухо бьют.
Темны улицы кривые,
Лают псы сторожевые,
Торопясь домой идёт
Запоздалый пешеход.
И под звёздным небосводом
Кремль, построенный народом,
Словно сторож, над страной
Он стоит в тиши ночной.
Все ворота на засовах,
Сторожа из войск царёвых
Караулят пять ворот
Перекличкой в свой черёд.
У Фроловских начинают:
«Славен град Москва!» — кричат.
У Никольских отвечают:
«Славен Киев!» — говорят.
И у Троицких не спят:
«Славен Новгород!» — кричат.

«Славен Псков!» — у Боровицких.
«Славен Суздаль!» — у Тайницких.
И гремят в ночи слова:
«Славен, славен град Москва!»
Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Сколько войн и сколько бед,
Сколько радостных побед!
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!

Древний герб
города Москвы

Ну-ка снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю.
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он нам всем на славу
Создал русскую державу.
И стоит она века
Нерушима и крепка.
Времена теперь другие,
Как и мысли и дела.
Далеко ушла Россия
От страны, какой была.
В наше время, в наши годы

Против злобных вражьих сил
Все советские народы
Русский Кремль объединил.
Говорит он новым людям:
«Вечно в дружбе жить мы будем!»
Умный, сильный наш народ
Далеко глядит вперёд.
А преданья старины
Забывать мы не должны.



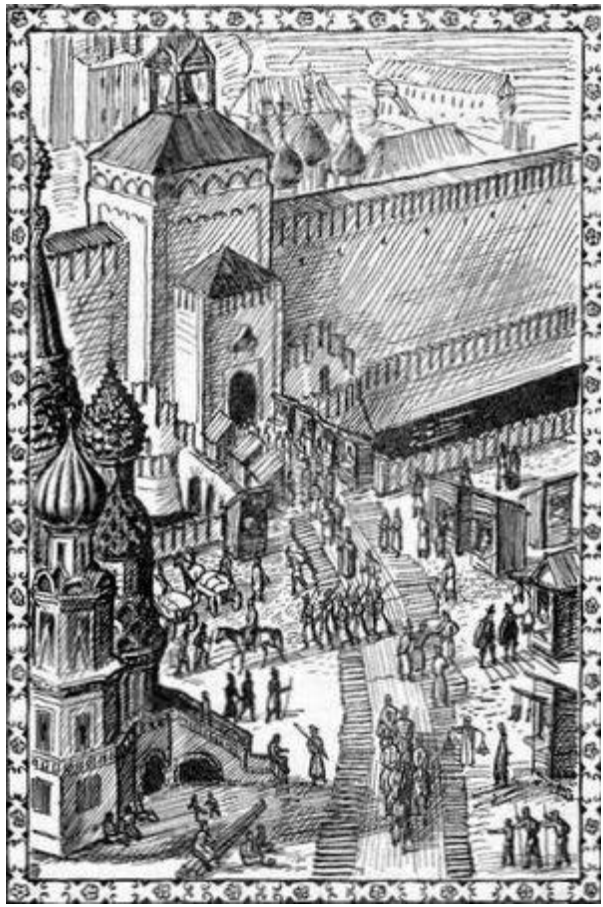
СЛАВА РУССКОЙ СТАРИНЕ!
СЛАВА НАШЕЙ СТОРОНЕ!
Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ

Прочитав страницы эти
Пусть узнают наши дети
Про седую старину,
Про крестьянскую войну,
Про героев и вождей —
Замечательных людей.

1538 год

КАК БЫЛА ВОЗВЕДЕНА КИТАЙ-ГОРОДА СТЕНА



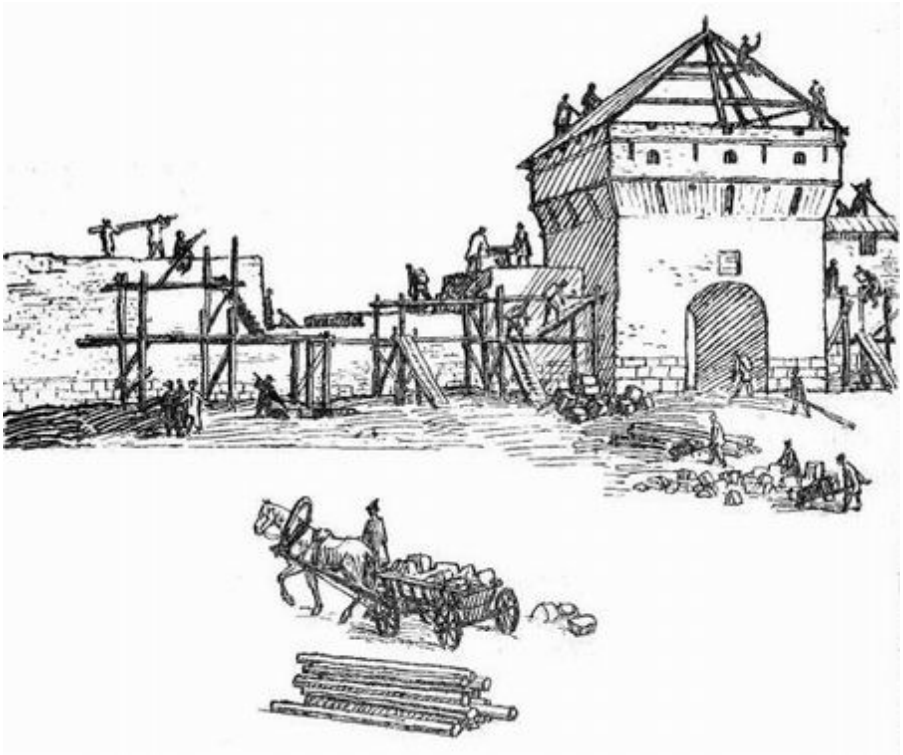
Погляди, читатель мой,
Вот он — страж Руси родной,
Кремль, в веках воспетый.
Мощной строгости полна,
Отовсюду всем видна
Гордость — крепость эта.
Стены башнями крепки,
В них проходы, тайники
И оружья склады.
Если враг нагрянет вдруг,
Кремль — защита. А вокруг
Разрослись посады.

Через площадь, под Кремлём
Возводя за домом дом,
Вырос город новый.
Вот он! Вслушайся, взгляни —
Вечно полон толкотни
Тот посад торговый.
Тут и склады, и ряды,
И усадьбы, и сады
Всех купцов столицы, —
В день базарный весь посад
От палаток до палат
Шумно суетится.
И бежит поток живой
По московской мостовой —
Брусьям деревянным.
Стук колёс телег, карет,
Лапти шлёпают вослед
Сапожкам сафьянным.
Вот ряды: льняной, пушной,
Там суконный, платяной,
Здесь торгуют медью
Тут гремит посудный ряд,
Но сильней всего гудят
По рядам со снедью.

Мясо, рыба, требуха,
Вон в котлах кипит уха,
Пахнет щами с мясом.
Пирожки в судках шипят,
Кадки рыжиков, опят,
Бочки с пивом, с квасом.
Меж рядов шумит народ,
На ходу и ест и пьёт,
Платье примеряет.
Нудно нищие поют,
И воришки тут как тут —

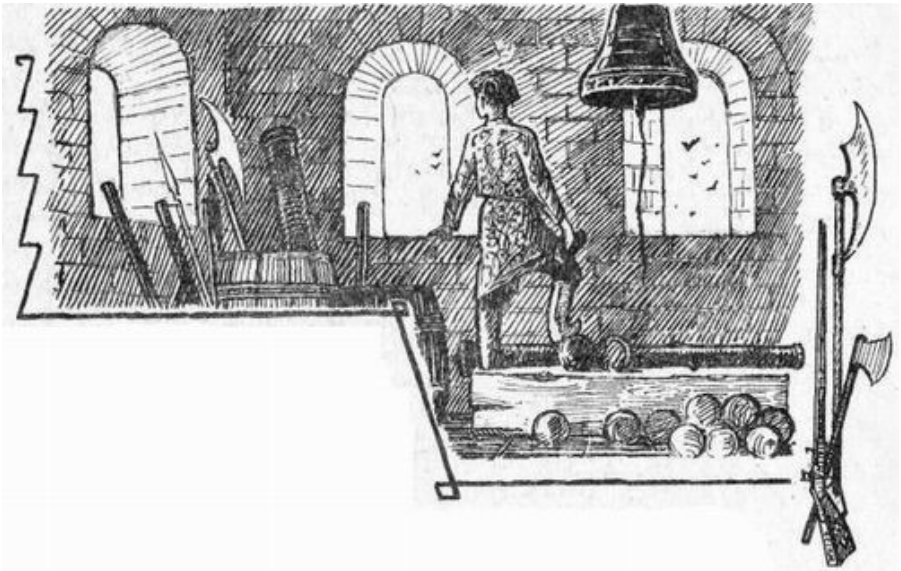
Меж купцов шныряют.
А напротив Кремль стоит.
Для народа он закрыт —
Там сидят бояре.
Зло и зависть там всегда,
А поднимется вражда —
Шум как на базаре…
И, угрюмы как сычи,
Прячут нос бородачи
В воротник бобровый.
Будто разные миры —
Те боярские дворы
И посад торговый…
Но приходит час войны.

Чем вокруг защищены
Все дворы в посадах?
Стены город берегут.
И решил московский люд:
Стену строить надо!
И вокруг посада встал
Земляной высокий вал,
Ров глубокий, узкий.
На валу плетень густой,
Назывался он «китой»
В старину по-русски.
Ой, «кита»-плетень высок,
Сбережёшь ли городок
От разбоя злого?
От тебя, видать, «кита»,
Родилось в Москве тогда
«Китай-город» слово!
Ой, «кита», стена «кита»!
Ты стена, да всё ж не та.
И тебе на смену,
Как пройдёт твоя пора,
Станут строить мастера
Крепостную стену!



Наши предки-москвичи
Обжигали кирпичи
Быстро и умело:
Вынимали из печей
Сотни тысяч кирпичей.
Закипело дело!
На Руси народ поёт,
Проливая кровь и пот,
Строя, защищая.
Песня греет мастеров, —
Клали стену, рыли ров,
Песню запевая.
И строители поют,
Облегчая песней труд,
И до самой ночи
Всё растёт, растёт стена.
Ой, болит, болит спина—
Разогнуть нет мочи!
И не знают мастера
Что от раннего утра
С башенки набатной
Наблюдает, схоронясь,

Царь — не царь и князь — не князь,
Мальчуган занятный.



Взор его горит огнём,
И корабликом на нём
Старая шапчонка.
Нос с горбинкой, пухлый рот
И потёртый отворот
Возле шеи тонкой.
Восьмилетний нелюдим,
Он растёт совсем один
Средь боярских козней.
Без отца, запуган, тих,
Всех он сверстников своих
Старше и серьёзней.
Так стоит и смотрит он,
Растревожен, удивлён
Всем, что тут творится.
Что поют? Зачем нужна
Китай-городу стена?
От кого укрыться?
Он стоит. За ним в Кремле
Сто бояр сидят, во зле,
В зависти лютуя,
Перед ним его народ
Терпит, строит и поёт
Песню молодую.

Странный мальчик песне рад,
А над ним висит набат,
Провозвестник медный.
Знать бы людям — сколько раз
С этой башни даст приказ
Этот мальчик бедный.
Сколько раз за ним народ
На врага пойдёт в поход,
Чтоб сберечь столицу.
Сколько волею царя
Неповинной крови зря
Суждено пролиться!
Сколько славы и побед,
Сколько горя, сколько бед,
Правды и обмана!..
Кто бы знал, что мальчик тот
Незамеченным растёт
В Грозного Ивана!

1552 год

БЫЛЬ О ТОМ, КАК НАШ НАРОД НА КАЗАНЬ ПОШЁЛ В ПОХОД

древний герб
города Казани

То не песня, не сказанье,
То живая наша быль.
Как под городом Казанью
Заклубилась в поле пыль,
Заклубилась в поле пыль,
Зашумел в степи ковыль.
Поднялись степные птицы,
Слыша гул издалека, —
На татарскую столицу
Грозный царь ведёт войска.
Надо хану дать урок:
Хан и жаден и жесток.
Не даёт по Волге плавать
Русским людям на восток.
На ладьях всегда татары
Грабят русские товары,
А людей уводят в плен,
Гонят к персам — на обмен.
Всем соседям наказанье
Жить поблизости с Казанью.
Вот тогда-то царь решил

Накопить военных сил,
Найтовить пушек новых,

Крепость выстроить свою,
Чтобы толстых стен дубовых
Не сломить врагу в бою.
Между Волгой и Свиягой,
Хоть Казань была близка,
Ловко строили с отвагой
Крепость русские войска.
Войско русское умело
Выполнять любое дело.
Был по времени боец
И строитель и кузнец.
В мирный час пахал он пашни —
Царь ему. землицы дал.
Нынче ратник строит башни,
Стены, крепость и причал.

Эту крепость в центре вражеском
Царь Иван назвал Свияжском.
Собралась в Свияжске рать,
Чтоб татарский город брать.

По казанским стенам старым
Полтораста пушек бьют.
Пятый день они татарам
Передышки не дают.
Шлёт ядро пушкарь умелый,
Полстены отвалит прочь,
А наутро стены целы —
Брешь татарин чинит в ночь.
Помогают пушкам нашим
Тридцать пять осадных башен.
С этих башен, словно град,
Стрелы русские летят…
Сорок девять дней старался
Одолеть Казань Иван.
Сорок девять дней держался,
Не сдавал Казани хан.

Под Казань подкоп прорыли
Государевы полки.
Бочки с порохом вкатили
Высоки да широки.
На пятидесятый день,
Лишь ушла ночная тень,

Закрепили фитили
Да на них свечу зажгли.
Да ещё свечу на воле
Засветили в чистом поле,
Возле царского шатра,
Чтоб узнать — пришла ль пора.
Вот и время подоспело,
Вот и свечка догорела,
Догорела, гаснет свет,
Гаснет свет, а взрыва нет!
В гневе Грозный брови сдвинул,
Строгим взглядом всех окинул:
Почему-де взрыва нет?
А пушкарь ему в ответ:
«Государь, ты свет наш ясный,
Не гневись на нас напрасно,
Не вели меня казнить,
Вели правду говорить.
Длится время не по воле,

Не по воле пушкарей,
Ведь свеча-то в чистом поле
На ветру горит скорей!»
Не успел сказать пушкарь,
Не успел дослушать царь,
Как раздался взрыв могучий
И стена взлетела тучей,
С вихрем огненным взвилась, —
И царю Казань сдалась.

* * *

То не песня, не сказанье,
Шли войска из-под Казани.

Оставался от похода
След широкий на траве,
Чтоб поволжские народы
Этим следом шли к Москве.
Но не в ненависти старой,
Не войною, не в набег,
Чтоб не гнали в плен татары
Сотни тысяч человек.
Чтобы русские товары
По реке могли везти,
Чтоб Казань воровкой старой
Не стояла на пути.
Грозный царь своим мечом
Путь открыл, как дверь ключом.
Путь по Волге в Каспий-море,
Где гуляли на просторе
От московских вод вдали
Стран восточных корабли.

* * *

А ещё в воспоминанье
О победе над Казанью
Двум умелым мастерам
Царь велел построить храм.
И воздвигли люди эти
Небывалый в целом свете,
Пёстрый сказочный собор,
Что стоит и до сих пор.
Храм Василия Блаженного —
Это чудо красоты,
Это зодчества бесценного
Древнерусские черты.
Двое зодчих — Постник с Бармой —
Создавали этот храм.
Москвичи им благодарны,
Этим древним мастерам!

1558 год

ОТ МОСКОВСКИХ ДРЕВНИХ ВОД ВОЙСКО К БАЛТИКЕ ИДЁТ

Это было в Кракове, во дворце Вавеле,
Что стоит над Вислою, на крутой горе.
Журавли последние утром пролетели
По короткой, поздней золотой заре.
В королевской комнате потолок дубовый,
На кручёных столбиках королевский стол,
И, раскинув крылья, улететь готовый,
За подсвечник держится бронзовый орёл.
На портретах рыцари, полные отваги,
Дед-король меж ними щурится хитро,
И скользит размашисто по листу бумаги
Белое, гусиное, лёгкое перо;
«…Вашему величеству мы не раз писали,
Что пора подумать, чем грозит Восток,
Чтобы не пришлось нам сетовать в печали,
Если русский варвар будет к нам жесток.
Быстро научаются эти московиты
И владеть оружием и вести войну,
Если ж будут к Балтике им пути открыты,
Как нам быть спокойным за свою страну?
Вашему величеству всё же мы заметим:
Ваша дружба с русскими — опасная игра!
Ныне всё доступно московитам этим,

Быть поосторожней нам давно пора.
Если мы доныне русских побеждали,
Только их невежество помогало нам,
На него рассчитывать можем мы едва ли,
Кое в чём придётся уступить врагам.
За мою назойливость я прошу прощения,
Только откровенен с вами, как с сестрой.
А засим глубокое приношу почтение,
Ваш слуга покорный — Сигизмунд Второй».
…Королеве Англии — Тюдор Елизавете
Повезли из Польши письмо от короля,
Поскакали всадники-герольды на рассвете,
Чтоб не опоздать к отплытью корабля.

* * *

«Все эти земли наши были,
И мы владели ими встарь.
Ведь нам ливонцы дань платили,
Теперь не платят!» — думал царь.

Бежала лесенка крутая,
Вся изукрашена резьбой,
Царь шёл по ней, легко ступая,
И говорил с самим собой:
«Коль кораблей на море нету,
Так и торговле не бывать!»
И в башню на четыре света,
Где царь любил заночевать,
Со скрипом отворилась дверца,
Пахнув сосновою смолой.
Чуть чаще застучало сердце
Под шёлком затканной полой…
Смотри, как строится столица,
Что вся сгорела год назад.
Горела в перелёте птица,
Река кипела, говорят!
Теперь построили Ивану
Дворец из брёвен боровых.
(Кирпич царю не по карману —
Казна сгорела в кладовых.)
Зелёной кровлею покрыты,
Точёны мастера рукой,
С коньками, красным тёсом шиты,
Стоят хоромы над рекой.
Царь в верхней башенке дворцовой
Сидит ночами напролёт,
От круглой печки изразцовой
Тепло привычное идёт…
Вот глобус, от послов подарок,
На стержне повернул Иван, —
Как будто в очи, свеж и ярок,
Плеснул волною океан.
Царь поворачивает снова,
Ища меж сушей и водой
Латинских начертаний слово
В изгибах Балтики седой.
Царь отстегнул соболий ворот —

Томила в башне духота.
«Вот это — крепость Иван-город,
Что дед наш строил неспроста!
Вот здесь нам строить верфи нужно,
Чтоб снаряжались корабли,
Чтоб морем северным и южным
Свободно плавать мы могли.
Чтоб мы везли товары сами,
И русским рынкам был простор,
И чтоб с ганзейскими купцами
Нам не вступать повсюду в спор.
Ливонский орден, ссорясь с нами,
Закрыл на Балтику пути,
И в рабстве эсты с латышами, —
Нам доведётся их спасти,
И пусть балтийские народы
Пропустят нас в морские воды.
Вот для чего Руси нужна
С Ливонским орденом война!»

* * *

По крутым сугробам, сквозь метель и вьюгу,
В снеговых заносах, в стужах декабря,
Помогая крепко на пути друг другу,
Шли войска Ивана «воевать моря».
На мохнатых русских, крепеньких лошадках
Открывали конники пехотинцам путь.
Шли стрельцы с пищалями, да в бараньих шапках,
Да в кафтанах тёплых, а не как-нибудь!
А за ними топали в лаптях да в тегляях
Батраки, холопы, крестьяне-мужики,
Над костром привала воду заправляя
Горсточкою соли да ложкою муки.
Без дорог, тропами, по лесам и долам,
Под командой старших царских воевод,
Извиваясь змеем длинным и тяжёлым,
Медленно, но верно шли полки вперёд.
Где вразброд, оравою, где военным строем,
Продвигалась русская молодая рать,
Чтоб морские пристани под седым прибоем
У ливонских рыцарей с боем отобрать.

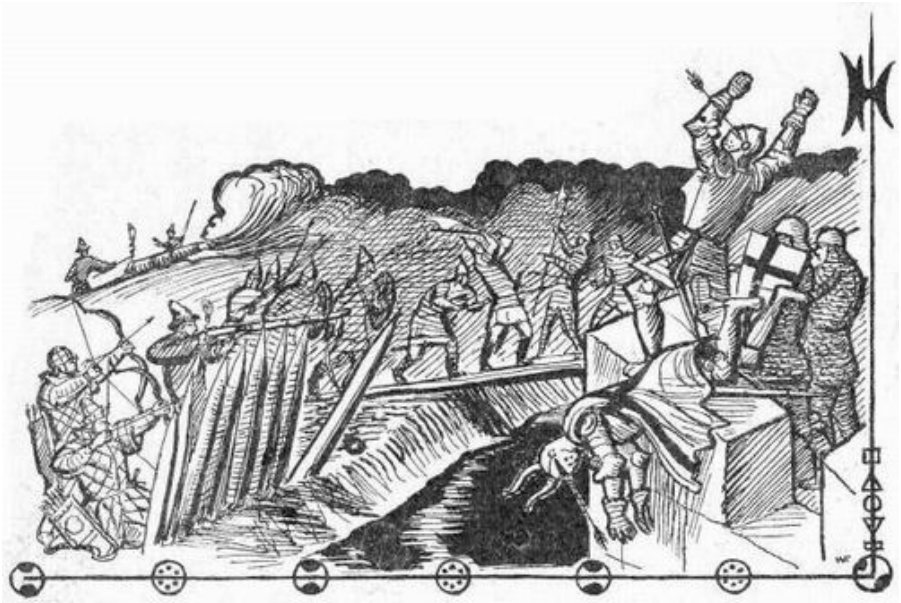
* * *

Положить хочу я в песню слово в слово
Всё, что рассказала мне река Нарова,
Светлая Нарова, быстрая такая,
Меж двумя фортами к морю протекая.

Два старинных форта встали величаво:
Нарва-крепость слева, Иван-город справа.
Нарва у ливонцев — прибалтийский форт,
Иван-город славной, русской кладкой горд.
И вот в этот город рать царя Ивана
С пушками явилась в мае утром рано.
От Москвы до Нарвы в стужу, в непогоду
Шли войска всю зиму, шли войска полгода,
Чтоб с ивангородских башенных верхушек

По ливонской Нарве грянул гром из пушек.
Сквозь туман весенней, северной зари
Стали бить по Нарве наши пушкари.
Ядра сотрясали каменные башни…
Заревел у кнехтов рог тревожный, страшный,
А они в постелях нежились, валялись,
Кнехты, что в попойке ночью похвалялись:
Мы-де им покажем, русским мужикам,
Мы-де всю их землю приберём к рукам!
А теперь ливонцы, от испуга немы,
Торопясь влезали в панцири и шлемы…

Всё грозней и громче пушки говорили,
Поднимая тучи камня, щебня, пыли,
Попадали ядра в замки, в арсеналы,
Раненая Нарва, падая, стонала.



И, не помня чести, гордости, стыда,
Рыцари бежали в страхе кто куда!
По дорогам грязным, по погоде вешней
В Польшу уходили немцы всё поспешней,
Уплывали к шведам на рыбачьих лодках,
Ненависть кипела в пересохших глотках.
Хоть и был отточен меч по рукоять —
Не сумел ливонец Нарвы отстоять.
Бормоча сердито и ворча сурово,
На плотах качала москвичей Нарова.
Занимали Нарву русские дружины,
Чтобы эстам Нарва не была чужбиной.

И хотя молчали улицы в печали,
Без боязни эсты москвичей встречали.
Шла свобода к эстам с этою войною,
На балтийский берег хлынула волною,
С новыми друзьями, с новою торговлей,
С новыми правами под эстонской кровлей.
Этих дней эстонцы ждали и хотели, —
Им Ливонский орден язвой был на теле.

1564 год

ПРОЗЫВАЛ НАРОД НЕ ЗРЯ «ГРОЗНЫМ» ЭТОГО ЦАРЯ

Разлеглась лоскутным одеялом
Наша Русь — богатая страна:
Вся по вотчинам большим и малым
Меж боярами разделена.
В кулаке у господина право —
Всё его и в поле и в селе.
На границах ставит он заставу:
Не ходи, мол, по моей земле!
И войска свои — холопы с пашни —
Шли на польских панов иль татар,
Защищая в битве рукопашной
Не страну, а вотчину бояр.

Царь за это на бояр в обиде,
Им ничто — торговля да моря!
Все сидят в берлогах, ненавидя
Грозного московского царя.
За чертой — поляки, немцы, шведы,
А внутри — бояре да князья.
Все враги! Попробуй поразведай, —
Все косятся, ненависть тая.
Иль бегут на запад, к Белостоку —
В панский стан, там любят подлецов!
Потому-то государь жестоко
Поступал с роднёю беглецов.
В ненасытной, в страшной жажде мщенья
Гнал людей на плаху, к палачам,
А потом вымаливал прощенья,
Сам не свой метался по ночам:
«Нету жизни мне с моей виною!
Горе душегубцу, злыдню, псу!
Ты, земля, разверзнись подо мною,
И тебе я грех свой принесу!»
Сто свечей у образов горели
В крохотной часовне под Кремлём.
О пуховой позабыв постели,
На пол царь валился, утомлён.
Он лежал. А в полумраке синем
Над столицей заалел рассвет.
Думал царь: «На ляха войско двинем, —

На своих бояр управы нет!
Неужель я царскою десницей
Никогда врагов не поборю?
Не хотят бояре подчиниться
Первому венчанному царю!
Не хотят сплотиться воедино,
Скипетра и барм не признают, —
Пастуха не слушает скотина,
Невдомёк, что волки тут как тут!»
И опять в нём ненависть вскипела,
Как всегда слепа и горяча…
А в часовне тихо догорела
В темноте последняя свеча.
Угасали в самоцветах блики,
На царя взирали с образов
В белых нимбах бронзовые лики,
Бог-отец грозил перстом, суров,
Осуждая молча, величаво
Грешника за грешные дела…
Вдруг Иван услышал лязг заставы,
Что к Никольской улице вела.

Царь привстал, поднялся на колени,
Заглянул в оконце. Там, вдали,
От Неглинной в предрассветной тени
С кирпичом подводы в горку шли.
Лошаденки под горой топтались,
От натуги фыркая, дрожа.
Но открыть заслоны не старались,

Не спешили что-то сторожа.
Н ходу застёгивая полы,
Выпел царь, измученный и злой.
«Эй вы, черти!» — Царский жезл тяжёлый
В тишине стучал по мостовой.
«Пожалейте, подлые, скотину, —
Чай, коней под гору тянет груз.
Открывай немедля! Ох, и двину…
Погоди, вот только доберусь!»
И, жезлом стуча по брёвнам гулко,
Грозный сам раздвинуть был готов
Те решётки, что по переулкам
Расставляли от ночных воров.
Заметались сторожа с испугом,
На решётки налегли плечом —
И полезли в гору друг за другом,
Грохоча, подводы с кирпичом…

МАСТЕР ФЕДОРОВ ИВАН И ЕГО ПЕЧАТНЫЙ СТАН

Просыпались по застрехам птицы,
Запевали третьи петухи.
Поднималось солнце над столицей,
Золотя шатровые верхи.
Царь спешил на стройку. Там умело
Возводили стены мастера
Для большого, для живого дела —
Первого Печатного двора.
Вот они! Пока ещё без крыши,
Меж лесами прорези окон.
И заметно с каждым днём всё выше
Становился дом со всех сторон.
Царский глаз, усталый, воспалённый,
Всё искал: не кроется ль изъян…
Пред царём коленопреклонённый
Книжный мастер — Фёдоров Иван.
Бывший дьякон с тёмною бородкой
До земли склонился головой,
Царь к нему стремительной походкой
Подошёл, отставил посох свой
И приподнял
мастера
за плечи:

«Ну, Ивашка, мне покажешь ты,
Где в палатах расставляешь печи,
Чтоб сушить печатные листы
Для бесценных первых наших книжек?»
Мастер встал, чтоб проводить царя.
Царь Иван стал будто ростом ниже,
С мастером Иваном говоря.
Молодой, широкоплечий, статный,
Перед Грозным Фёдоров Иван
О палате рассуждал печатной:
Где поставит он печатный стан;
Пояснял он царственному тёзке,
Как сушить печатные листы,
Как хранятся для печати доски
Да какие буквы отлиты.

Вдохновенно Грозному Ивану
Говорил печатник про печать,
Расстегнул он ворот у кафтана,
Чтоб царю свободней отвечать.
И среди движения и шума,
Что бывает там, где строят дом,
Грозный царь стоял и думал думу
О дерзанье царственном своём.
И в печати помощь видел Грозный
Для своих больших державных дел…
А печатник, мудрый и серьёзный,
Много дальше Грозного глядел.
Были эти мысли скрыты, смелы,
И желанья были горячи…
Потому-то всё здесь и кипело:
На леса тащили кирпичи,
Подмастерья карусель вертели,
Возле чана с известью кружась,
Ныли плечи, синяки на теле,
По лицу катились пот и грязь.
Приходили те мастеровые
Класть кирпич и молотом стучать
И не знали, что вот здесь впервые
Выйдет книга — первая печать!
И тогда не знали два Ивана,
Заведя горячий разговор,
Что по воле вражеского стана
Запылает их Печатный двор.
Что объявят «ересью и ложью»
Всю печать — не рукописный труд,
И, призвав на «ересь» «кару божью»,
Двор Печатный ночью подожгут.
Что с попом боярин сговорится,
Как бы им народ ввести в обман,
Что покинет древнюю столицу
Для чужбины Фёдоров Иван…

Мы умеем предками гордиться —
Память о печатнике живёт,
Фёдорову памятник в столице
Сохраняет бережно народ.

КАК ОПРИЧНИК УДАЛОЙ ВЫМЕТАЙ БОЯР МЕТЛОЙ

Кипит в ковшах янтарный мёд,
Бежит вино по чарам, —
Князь Вислый ныне пир даёт
Своим друзьям-боярам.
Хлеб-соль откроет пир честной:
Огромными ломтями
Хозяин режет хлеб ржаной,
Обсыпав солью крупяной,
Их делит меж гостями.
И тотчас все к столу идут,
Все в шапках и ферязях,
Порядок старшинства блюдут:
Помладше — там, постарше — тут,
Почёт — поближе к князю.
И гость высматривал, где сесть,
Выдерживая время,
Чтоб родовитость, гордость, честь
Не уронить пред всеми.
А сколько споров было там,
До драки доходили,
Иной не шёл, бывало, сам,
Его под мышки по коврам
Прислужники тащили.

Уже по ковшикам разлит

Восьмой бочонок с брагой,
У всех осоловевший вид,
И только песня веселит,
Пропетая с отвагой.
Сливая чарку под столом,
Заметил князь, что справа,
Надувшись весь, в молчанье злом,
Сидит Румянцев Савва.
«А ты, боярин, что не пьёшь?
Не весел ты, я чую!» —
«Ох, княже, лучше не тревожь!
Обидно мне. Шухнову шлёшь
Ты чару золотую,
А нам — серебряный корец.
Не плоше мы, чем все вы.
Посол Румянцев — наш отец —
С дарами ездил во дворец
Английской королевы!
А что Шухновы? Где почёт?»
Тут, заживо задетый,
Сжав кулаки, Шухнов встаёт:
«Почто чернишь шухновский род?
У нас в почёте деды!
Их знают, хоть кого спроси,
Мы знатные по праву, —
Почёт боярам на Руси
За вотчины, за славу!»
Надулся Савва, как индюк,
И рявкнул: «Полно, Гришка!
Да ведь бояре, что вокруг,
Не влезут в твой дворишко!» —
«Ка-ак? — И Шухнов зашёлся тут,
Тряся бородкой клином. —
Видать, нас здесь не берегут,
Коль молвить так могли нам!»
И, перст уставя к потолку,
В беспутном гневе яром,
С горлатной шапкой на боку,
Кричал Шухнов боярам:
«Ну как простить обиде злой?
Наш род столетья в силе!
Ещё нас жаловал землёй
Великий князь Василий!
А войско! А Шухнова рать!

А в городьбе бойницы!
Ордынцам проще Кремль забрать,
Спалить Москву-столицу,
Чем влезть на вотчине у нас
В подклети и в амбары!
То всё проверено не раз.
Аль наша сила колет глаз
Тебе, завистник старый?
И ведь похвастать чем нашёл,
Не больно ли уж смело?
Отец, вишь, в Англии посол,
А нам-то что за дело?
Отец твой с извергом-царём
Дудит в едину дудку.
А царь! Да лучше все помрём,
Чем с ним, с проклятым, в грех войдём,
Наперекор рассудку!»
И тут боярин без помех,
Себя считая вправе,
Вскочил и яростно, при всех,
В лицо он плюнул Савве.
Румянцев встал. Ни дать ни взять —
Медведь, пчелой ужален.
Шухнов, бледнея, двинул вспять —
К дверям хозяйских спален.
Стол замер. Пробежал испуг
Меж княжеского люда,
Могучий Савва вырвал вдруг
Из рук двоих застывших слуг
Серебряное блюдо,
Украшенное головой
Барашка заливного,
Высоко поднял над собой
Да… швырк его в Шухнова!
И через терем пролетел
Боярин под божницы,
Где негасимый свет горел,
И, полумёртвый, в угол сел,
Весь в хрене и в горчице…
Отвесив до земли поклон:
«Прошу прощенья, княже!» —
Румянцев Савва вышел вон,
На всех соседей обозлён,
На них не глянув даже.

А гости, спьяну покричав,
И проводив Шухнова,
И песню новую начав,
Хозяина повеличав,
Взялись за яства снова…
Под утро Вислый провожал
Гостей, что были в силе,
А тех, кто пьян пьяным лежал,
Из дома выносили.
Куда девались гонор, спесь,
Поклоны, чарки, речи?
Куда девались честь да лесть?
Лишь до повозки бы донесть
За пятки да под плечи!

Уж отъезжали без затей;
В ковры работы тонкой
Холоп укладывал гостей,
Дрожа, промёрзший до костей,
В дырявой одежонке.
И, фыркая, рысцой пошли
В упряжке кони цугом.
В туманной таяли дали
Повозки друг за другом.
И, наказав налить в кувшин
Рассол капусты кислой,
В опочивальне лёг один
В лебяжий пух своих перин —
Князь Афанасий Вислый…

В ту ночь на золото берёз
И на багрец осинок

Ударил первый злой мороз,
Он первый снег с собой принёс,
Хрустенье первых льдинок.
И меж седых, прямых стволов
В берёзовой аллее,
Как лёгкий пух, лежал покров,
На золоте белея.
С утра, скача во весь опор,
Ломая лёд на лужах,
Топча листвы сухой ковёр,
Примчались всадники во двор
На сытых конях дюжих.
Семнадцать всадников — отряд,
У всех суровы лица,
И каждый с головы до пят
Черней, чем ворон-птица.
Черны и шапка и кафтан,
И чёрен на ногах сафьян
И даже рукавицы.
Вся дворня сразу поняла.
Крестились бабы, плача:
Ведь там у каждого седла
Была привязана метла
И голова собачья.
К крыльцу от каменных ворот
Неслись, гарцуя, кони.
«Опричники! — шептал народ. —
Пропал наш князь Афоня!»
Те люди спешились — ив дом
Как вороны влетели,
Как будто в доме грянул гром,
Как будто в самом деле
Весь дом перевернулся вдруг.
В смятенье и в печали
Столпились стольники вокруг.
«Где князь?» — расталкивая слуг,
Опричники кричали.
Вломились вестники беды,

Все двери растворяя,
На дорогих коврах следы
В хоромах оставляя.
Печать двуглавого орла
Их пропускала всюду.
А в терему, где со стола
Ещё не убрана была
С объедками посуда
И с вечера вино да квас
От пиршества остались
(А «черны вороны» как раз
В пути проголодались),
Все налетели на еду:
На пироги, на студень,
На мятны пряники в меду,

Вино глотая на ходу
Из золотых посудин.
Доев капусту с чесноком
И потроха лебяжьи,
Незваны гости под хмельком
Явились в спальню княжью
И, обступив, как чёрный тын,
Постель в резных колонках,
Тащили князя из перин,
Смеясь обидно, громко.
«А ну-ка, князь! Вставай, пора! —
Будили гости князя. —
Довольно погулял вчера!
Ты нынче съедешь со двора
Из князи прямо в грязи!» —
«Чур! Чур меня!» — чурался князь,
Глазам своим не веря,
Парчовой думкой заслонясь,
Босой прорвался к двери.
Но ухватил его тогда
Опричник за рубаху:
«Опомнись, княже! Ты куда?
Рехнулся, что ль, со страху?
Ведь не уйти тебе от нас,
Теперь ты в нашей власти.
Гляди-ка, вот: царя приказ,
Приказ тебе на счастье!»
И перед князем парень встал
С курчавою бородкой,
Он из-за пазухи достал
Приказ царя короткий,
Где князю Вислому без прав,
По царскому веленью,
Удел опричнине отдав,
Отправиться, семью забрав,
Под Курск — на поселенье.

А под приказом, чтоб считать
Такое дело правым,
Стояла царская печать
С большим орлом двуглавым…
И слушал, сгорблен, бос, раздет,
В рубахе длиннополой,
Князь Афанасий, бледен, сед,
Он старше стал на двадцать лет
От горести тяжёлой.
«А это?» — он обвёл рукой:
Карниз, резьбой украшен,
Богатый, расписной покой…
Ему опричник молодой
Ответил: «Это наше!» —
«А то?» — Князь показал в окно
На молотьбу в овине,
Овёс озимый, лес, гумно…
Но слышал он в ответ одно:
«Всё наше здесь отныне!»
Толпа холопов собралась
Во двор по бездорожью.

«А эти все?» — взмолился князь,
И голос плакал с дрожью.
«А крепостные все должны
За нами здесь остаться.
Твоя — княгиня, да княжны,
Да вот ещё твоей казны
Не велено касаться.
А вся земля пойдёт «в опричь».
Будь счастлив, князь, изгнанью, —
Могла бы смерть тебя постичь!»
Князь потерял сознанье…

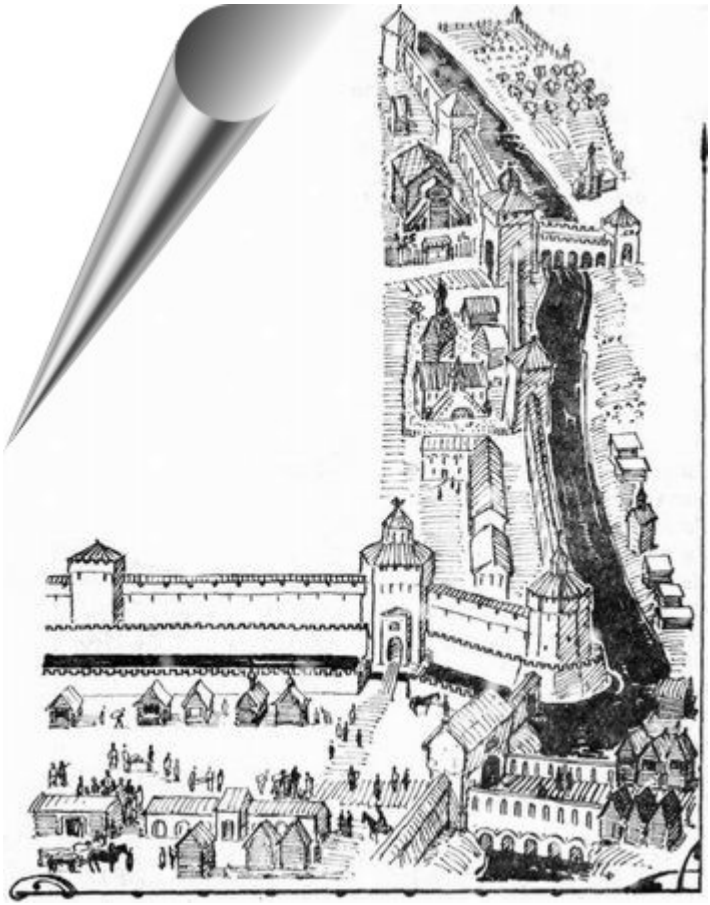
А в это время царь Иван,
Придя с обедни в терем,
Сменивши рясу на кафтан,
Стал думать — кто неверен?
Царь крикнул: «Дьяка мне сюда!
Я видел ныне в храме,
Какая нам грозит беда!
Ведь снова сговор, без стыда
Я окружён врагами!
Но я убить себя не дам,
Я всем им знаю цену.
И с корнем должен вырвать сам
Боярскую измену!
Коль не хотят объединить
Свои дела с моими,
Пиши: «Волконских всех казнить,
Да сгинет это имя!
А вместе с ними челядь их
Пусть примет смерть на плахе.
И князь Куракин будет тих —
Его постричь в монахи.
На Салтыкова я сердит,
Он примет наказанье —
Пусть будет выслан и сидит
За Волгой — под Казанью.
А дворню княжескую сдать
В мои войска, всю разом…»
Дьяк записал. Царь взял печать
И грохнул под приказом.

1567 год

У ДВУГЛАВОГО ОРЛА СЛАВА ТЁМНАЯ БЫЛА

Там, где к Куретным воротам
Столбы моста прильнули,
Кутафья башня ныне там
Стоит на карауле.
Манеж напротив башни той,
А раньше мост был над рекой.
В двух клетках у ворот во рву
Направо и налево
Сидело по живому льву,
Что были присланы в Москву
Английской королевой.
Угрюмо, безнадёжно там
За прутьями шагая,
Те львы рычали по ночам,
Всех горожан пугая.
А через площадь, против них,
Искусными руками
Умельцев — русских крепостных—
Приподнялись два льва резных
С зеркальными зрачками.
Меж ними два крыла развёл
Свидетель зла и славы —
Огромный, гербовый орёл,
Царя слуга двуглавый.
И видели живые львы,
Что у резных — забота:
Они хранили герб Москвы —
Те две орлиных головы —
И стерегли ворота.
Ворота вделаны в забор,
Высокий, трёхсаженный,
Чтоб не пролез ни враг, ни вор
На царский двор — «Опричный двор»,
Враждою окружённый.
Там Грозный выстроил дворцы —
Ряды палат просторных,
Где всё вершили молодцы
В своих кафтанах чёрных.
Засучивая рукава,
Они брались со страстью

За всё, на что им дал права
Сам царь своею властью.
И в знак отличья — у седла
Метла
И пёсья голова
С оскаленною пастью.
Измену грызла пёсья пасть,
Метла врагов сметала,
И каждый, каждый мог пропасть,
И сколько пропадало!
Платились жизнью млад и стар.
Всё больше из бояр.
Их земли Грозный отдавал
Людишкам, мелким, свойским,
Весь этот люд опорой стал
И постоянным войском.
Царь перестраивал страну,
Он брал присягу трону,
Чтоб мог народ вести войну,
Усилил оборону.
Царь посылал своих гонцов
По княжествам удельным —
Собрать людей со всех концов,
И создал войско из стрельцов
С оружьем огнестрельным.
Войска одеты, сыты — Руси защита!
Но правых, мудрых дел царя
Бояре не ценили
И, тайной злобою горя,
Мешали, вред царю творя,
Везде, где были в силе.



Карал Иван мечом, огнём
Бояр — врагов державы,
И становился с каждым днём
Страшней орёл двуглавый —
Орёл московского герба,
Свидетель остроглазый.
Он первый ведал — с кем борьба,
Кого какая ждёт судьба,
Он подкреплял приказы.
Когда ж боярские рода
Гонением упорным,
Чтоб не было от них вреда,
Повырывали с корнем,
Взялись опричники за люд —
За мужика простого,
Презрев и нищету и труд,
Лишая пищи, крова.
Тогда сжигал опричник дом,

Ничьим мольбам не внемля,
И расправлялся с мужиком —
Он увозил его силком
Пахать опричне землю.
Тогда мужик, крестьянин, раб,
Был вынужден за плугом
На место лошади трёх баб"
Впрягать в упряжку цугом.
Тогда опричник брал оброк
Угрозами и плетью,
И нёс мужик в короткий срок
То, что боярину он мог
Отдать в десятилетье.
И Русь, богатая страна
И признанная всеми,
Перенести была должна
Позорнейшее бремя —
В увечьях, в страхе, в темноте
И в нищете!
Семь лет опричнина была
Для родины напастью,
Пока сама не сожрала
Себя собачьей пастью.

* * *

С тех пор четыре сотни лет
Над Русью прошумело.
Произошло немало бед,
Пока зажёгся новый свет,
Маяк живого дела.
И вот теперь на месте том,
Где двор стоял опричный,
Стоит необычайный дом,
Хоть с виду он обычный.

Куда же, — спросишь ты, — ведут
Ступеньки из гранита?
И я скажу тебе, что тут
Священный храм народ воздвиг —
Миллионы книг!
Архивы полнятся, растут,
Для каждого открыты.
На языке любой страны
Новейшие изданья.
Здесь документы старины
И древние сказанья.
Здесь и опричные дела
И Грозного приказы…
Ну, словом, книгам нет числа,
И не окинешь глазом.
Знаком в столице этот дом
Любому человеку,
И ты, быть может, будешь в нём,

Его мы с гордостью зовём:
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
ЛЕНИНА!

1591 год

БЫЛЬ ПРО УГЛИЧСКОЕ ДЕЛО, ЧТО В ПРЕДАНЬЯХ УЦЕЛЕЛО

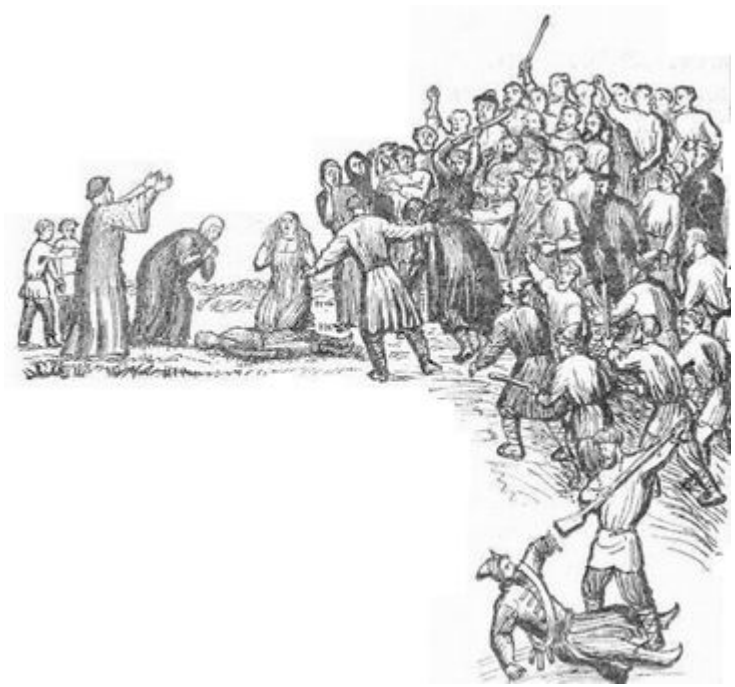
Углич, Углич! Русский город,
Ты нам близок, ты нам дорог
Древней прелестью своей,
Что жива до наших дней.
Жив твой кремль с резьбой занятной,
В нём, народом не, забыт,
Крытый крышей восьмискатной,
Терем Дмитрия стоит.
И крыльцо, резное диво —
На колонках три шатра…
До сих пор преданье живо,
Мне о нём сказать пора.

Грозный царь скончался рано.
Были дети у Ивана.
И осталось царство им —
Тем царевичам двоим.
Был царевич Фёдор хилый,
В нём ни разума, ни силы.
Был царевич Дмитрий мал –
Ничего не понимал.

Дали знать стране бояре,
Что по воле государя
Начал царствовать один
Государев старший сын,
А царевичу меньшому
И его родне и дому
Город Углич шёл в удел.
Так-де Грозный повелел:
Чтоб он с матушкой царицей
Жил в сторонке от столицы,
Жил на Волге на реке,
От престола вдалеке.
А в столице на престоле
Царь всегда стонал от боли,
А при нём, всегда здоров,
Зять — боярин Годунов.
Угождал царю с полслова
Умный, ласковый зятёк.
Без Бориса Годунова

Фёдор царствовать не мог.
Что до матушки-царицы,
Нашей угличской вдовицы,
То не зря она была
На Бориса очень зла:
Он держал её в загоне,
Хоть и пасынок на троне,
Но наследник не один —
Дмитрий тоже царский сын!
И в окно, бывало, глядя,
Плачет вдовушка в досаде.
А царевич жил себе,
Не печалясь о судьбе.
Знал он игры да потехи:
В свайку, в тычку — на орехи

С малолетства ловко мог
Точно в цель бросать клинок.
Всем всегда он был доволен,
Если только не был болен, —
Иногда, бывало, вдруг
Забирал его «недуг».
Вот однажды, как-то в мае,
Наш царевич у крыльца,
В свайку с дворнею играя,
Изменился вдруг с лица,
В корчах, судоргах зашёлся,
На песок упал ничком
И в припадке закололся —
Сам убил себя клинком.
Тут царица увидала,
Чуть жива с крыльца сбежала
Да как в голос закричит,
Что царевич-де убит;
Что для низких целей тёмных
Подослал убийц наёмных,
Подослал сюда врагов
Сам боярин Годунов…



Нынче угличское дело,

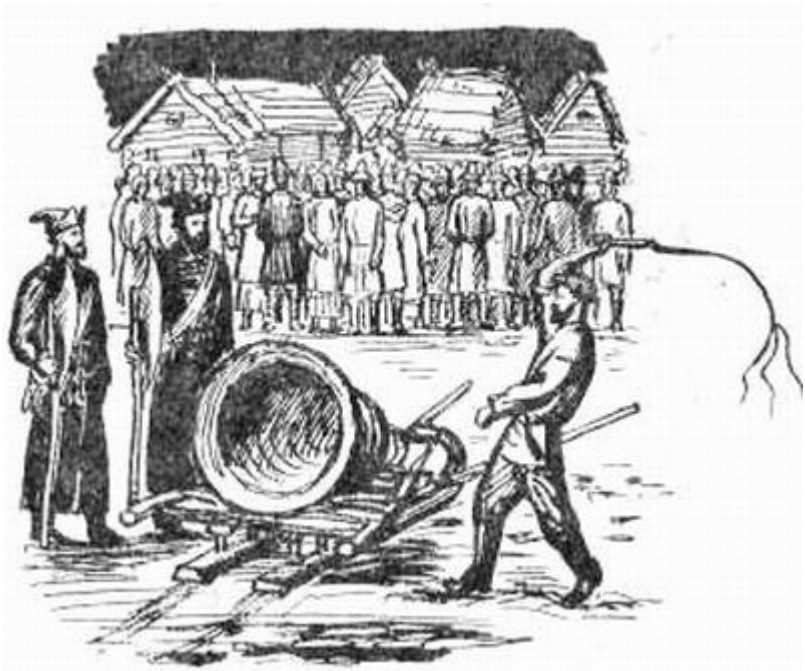
Что в преданьях уцелело, —

Дело тёмное для нас,
Но, понятно, в этот час
Мамки-няньки завопили:
«Ох, царевича убили!
Ох, злодеи из Москвы,
Не сносить нам головы!»
Засновал народ проворный,
Всполошился весь дворец,
Бухнул в колокол соборный
Поп, по кличке Огурец.
И на звон народ толпою
Прибежал на царский двор:
«Кто содеял дело злое?

Кто злодей? Убийца, вор?»
А приставлен был к царице,
Проверять казну вдовицы,
Всем её затеям враг —
Битяговский, царский дьяк.
И толпе вдова со зла
Имя дьяка назвала.
Как волна в морском прибое,
Так в народе гнев кипит,
И мятежною толпою
Битяговский был убит.
Может, зря полезли в драку,
Может, зря убили дьяка,
Может быть, не догадались —
Разобраться бы допреж!
Но цари всегда пугались
Слова грозного «мятеж».
Шлёт отряды Годунов
Усмирять бунтовщиков.
Вот стрелецкие пищали
По посаду затрещали.
Кто в подполье, в погреб влез,
Кто бежал в соседний лес.
Но в бегах недолге были:
Бунтарей переловили
И отправили навек
К берегам сибирских рек.

И с поникшими плечами
Шли к Тобольску угличане,
Шли в тайгу, в страну снегов
С тёплых волжских берегов.
С ними колокол опальный
В этот долгий путь печальный
По снегам отправлен был,

Чтобы больше не звонил.
Чтоб не тешил больше слуха,
Оторвали ему ухо,
Чтоб к молчанию привык —
Медный вырвали язык,
Да для большего позора
Наказали словно вора:
Был он миру напоказ
Плетью бит двенадцать раз…
Вот какое было дело,
Что в преданьях уцелело.
Бунтарей народ забыл —
Нет следа от их могил,
Но из той из ссылки дальней
Вышел колокол опальный.
Из Тобольска в Углич он
Был обратно возвращён.



1596 год

БЫЛЬ О РУССКОЙ СТАРИНЕ — БЫЛЬ О ФЁДОРЕ КОНЕ

Не в терему, не в дворцовой палате —
В бедной избе проживал на Арбате
Фёдор, строитель, по прозвищу Конь.
Нравом горячий такой, что не тронь!
Как-то весной за грошовую плату
Фёдор достраивал терем богатый
Хитрому немцу, что жил при дворе.
Службу служил он при Грозном царе.
Немцу богатому вдруг отчего-то
Не полюбились резные ворота.
Фёдор на зов подошёл к наглецу —
Немец ударил его по лицу.
В гневе дыханье у зодчего сперло,
Грубого немца схватил он за горло.
Тут бы совсем он его задушил —
Немцу на помощь стрелец поспешил.
Еле дыша и горя озлобленьем,
Немец к царю поспешил с донесеньем.
Фёдор от царской немилости прочь
Скрылся куда-то в весеннюю ночь.
Где пропадал он, неведомо людям.
Мы дознаваться, пожалуй, не будем, —

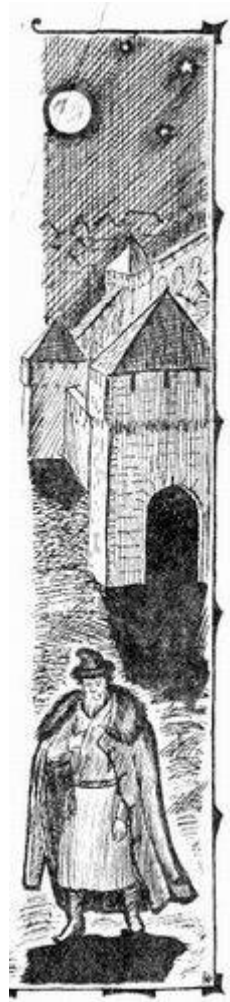
Может, бежал он на родину, в Тверь,
Может быть, нет, — неизвестно теперь.
Но, коль послушать людскую молву,
Лет через шесть он вернулся в Москву.
Чтоб испросить у царя разрешенье,
Грозному Конь посылает прошенье.

Царю=Государю Великой Руси
Челом бью: Отец наш заступник, спаси!
Дозволь недостойному Федьке=рабу
приказом твоим городить городьбу.
Я храмы построить могу для Москвы,
Валы насыпать и выкапывать рвы,
Вести тайники под стеной городской,
а сам я строитель и плотник Тверской.
А было когда-то, родной мой отец,
Тебе за Неглинною ставил дворец.
А ныне меня попытай в городьбе,
Во Божие имя, во славу тебе,
И милостью Царской помилуй меня –
раба недостойного
Федьку Коня.

«Царю-Государю Великой Руси
Челом бью: Отец наш заступник, спаси!
Дозволь недостойному Федьке=рабу
Приказом твоим городить городьбу!
Я храмы построить могу для Москвы,
Валы насыпать и выкапывать рвы,
Вести тайники под стеной городской,
А сам я строитель и плотник Тверской.
А было когда-то, родной мой отец,
Тебе за Неглинною ставил дворец.
А ныне меня попытай в городьбе,
Во Божие имя, во славу тебе,
И милостью Царской помилуй меня –
Раба недостойного
Федьку Коня.»

Вот и пришло от царя указанье:
Зодчему Федьке нести наказанье.
Чтоб он не бегал от службы своей,

Всыпать холопу полсотни плетей!
Вот как неласково Федьку встречали —
Видно, не верили Федьке вначале:
Вместо хоромин да царских дворцов
Строил он лавки московских купцов.
Зодчества Федька не знал бы иного,
Коль не пришла бы пора Годунова.
Хочет Борис возвести укрепленье,
Чтоб уберечь от врага населенье,
В думах о каменной новой стене
Вспомнил Борис Годунов о Коне.
Зодчему Федьке поручено дело,
Он за него принимается смело.
Новою крепостью будет стена,
Город кольцом опояшет она.
Фёдор берётся за дело большое
Всею горячею, буйной душою.
Жизнь свою вложит он в каждый зубец —
Будет стена, как чудесный венец.
Нету покоя, ночами не спится:
Строит он башни, выводит бойницы.



И на восьмой знаменательный год
Кончил он стену и девять ворот.
Фёдор закончил Москвы укрепленье,
Видеть царя получил дозволенье.
Гордый и радостный зодчий-творец
К тёзке-царю поспешил во дворец.
Думал строитель, что будет он скоро
Строить в столице дворцы и соборы.
Скажет правитель: «Доверьте Коню!
Я его знаю и очень ценю».
Но разлетелись мечты и надежды —
Федьке в награду царёвы одежды
Поцеловать разрешил Годунов.
Царь был печален, угрюм, нездоров.
Конь за труды с возмущеньем и болью

Принял боярскую шубу соболью,
В землю за это ударился лбом:
Был не творцом он, а Федькой-рабом.
Шёл он домой из Кремля оскорблённый,
Шёл под стеною, луной озарённой.
Гневный, он шёл одиноко в ночи
С шубой собольей из алой парчи…

Всё это было, да только прошло,
Было, прошло и быльём поросло.
Нет и следа от стены этой старой —
Вместо стены зеленеют бульвары,
Время, и люди, и город не тот,
Но сохранились названья ворот.
Словно старинное наше преданье,
Мы и поныне храним их названья —
Наших: Арбатских ворот и Петровских,
Наших Никитских ворот и Покровских.
Все они были в стене, как в венце,
Ныне — названья в Бульварном кольце.

Как пришлось Москве столице на два города делиться

Фёдор Конь рукой умелой
Опоясал город Белый
Настоящей крепостной,
Неприступною стеной.
В Белом городе богаты

И бояре и купцы,
В Белом городе палаты,
И хоромы, и дворцы.
Стены в шашечку гранёны,
Кровля высится венцом,
На балясинках точёных
Верх шатровый над крыльцом.
Белокаменные плиты
Украшают весь фасад,
За стеной, вьюнком увитой,
Расцветает чудный сад.
Тут заморский цвет миндальный
В кадках выращен в саду,
По воде плывёт хрустальный
Белый лебедь на пруду.
Д внутри, в хоромах, тоже
Всё отделки не простой —
Золотой обито кожей
Иль расшитою тафтой.

Своды в росписях, увиты
Золотым лепным шнуром,
Лавки сукнами обиты,
Пол покрыт цветным ковром.
А в иных дворцах бывает –
Звездным небом сделан свод:
Справа – месяц выплывает,
Слева – солнышко встает.
В терему зимой холодной
Чистота, тепло, уют.
Для боярыни дородной
Девки песенки поют.
Сам боярин ходит в славе,
Он в почете, весел, сыт,
Кверху бороду уставя,
В царской думе он сидит.
Служит он царю и богу,
Хорошо живет, в тепле,
На неведомой налогу
Государевой земле.
Оттого зовется «белой»
Государева земля,
Что живут в ее пределах
Слуги царского Кремля.

Вот она стоит, стена,
И Москва разделена.
За стеной – «черный» город.
Называется Скородом,
Потому что очень скоро
Стену строили кругом.
За стеною дубовой
В Черном городе живет
И военный, и торговый,
И ремесленный народ.
Богатей, бедняк убогий,
Кто бы ни построил дом, —
Платит он царю налоги
За землицу под жильём.
Жили люди слободами,
Жили собственным трудом,
И для них тесней с годами
Становился Скородом.
В переулках немощёных
Ночью страшно одному.
Во дворах неосвещённых
Грозно лают псы во тьму.
За церковного оградой —
Красноватые лучи:
Негасимые лампады
Робко светятся в ночи.

И когда поутру грянет
Колокольный звон церквей,
Скородом от сна воспрянет
К жизни будничной своей.
В Скородоме утром рано
Закияает жизнь везде:
Кузнецы куют таганы
На Таганской слободе,
Кузнецы для печи банной
Отливают медный чан.
Старый пекарь на Басманной
Выпекает хлеб «басман».

А в Калашном переулке
Для бояр и для царя
Выпекают пекаря

Калачи, баранки, булки.
На Рыбачьей на слободке,
По названью «Бережки»,
Рыбаки спускают лодки
На простор Москвы-реки.
Топоры на бойнях точат
На Мясницкой слободе,
В Сыромятнях кожи мочат
В быстрой яузской воде.
И уже на кровлях мглистых,
Словно чёрные дрозды,
Копошатся трубочисты
Трубниковской слободы.

И работает до поту
В Скородоме чёрный люд.
За тяжёлую работу
Мастерам гроши дают.

1603 год

СЛОВО ПРО БОРИСА ГОДУНОВА

Годунов Борис правит пятый год,
Он лицом красив, он чернобород.
Он силён, Борис, и здоров, плечист.
Он хитёр, Борис, да умён-речист.
Он у власти встал с очень давних пор,
И его всегда ненавидел двор.
Нет бояр-друзей, лишь враги кругом,
Для боярства царь тоже был врагом.
Был он с ними крут, был он с ними лют,
Опирался царь на поместный люд,
На дворян, попов, на гостей-купцов,
Опирался царь на своих стрельцов.
Годунов Борис правит пятый год,
С каждым годом Русь всё бедней живёт.
Веры нет царю, ни его уму,

Да ещё к тому ж не везёт ему.
То озимый всход злой мороз побьёт,
То в разгар жнивья всё дождём зальёт.
То сгорит вся рожь, то в несчастный год
В поле весь ячмень саранча сожрёт.
В этот год народ из голодных сёл,
От пустой земли на Москву пошёл.
По Москве прошли тысячи людей,
Съели всех собак, съели лошадей.
Испугался царь неспокойных сил,
Колокольню класть он людей просил.
Стал голодный люд колокольню класть,
Чтоб за этот труд прокормила власть.
И до новой ржи и до хлебушка
Башня выросла до полнебушка.
Высотой пошла в сорок шесть сажен,
На три яруса колокольный звон.
Старший колокол в десять тысяч пуд,
Чтоб на десять вёрст разливался гуд.
Колокольню ту в тот голодный год
«Иваном Великим» окрестил народ.
До сих пор она золотой главой
Над Кремлём стоит, перед всей Москвой.

* * *

С монастырских стен далеко вокруг
Видны пашни, лес, и река, и луг.
Только пашенки не зелёные —
Земли, засухой опалённые.
А трава в лугах непригодная,
А река в песках мелководная.
Ручеёк бежит — а была река.
А вдали село — не видать дымка.
Каждый дом в селе словно глух и нем,
Кто остался жив, тот ушёл совсем.
С монастырских стен — пустота, простор,
А посмотришь внутрь в монастырский двор, —
Там довольство всё от былых времён,
И гудит над ним колокольный звон.
Запаслись попы на десятки лет,
Нету дела им до народных бед.
Не хотят попы продавать зерна:
С каждым днём растёт на зерно цена.
Лишь помещик так жить богато мог,
Он всю жизнь с крестьян собирал оброк.

В недородный год тот оброк велик:
Чуть не всё зерно отдавал мужик.
Умирал холоп, убегал не в срок,
Кто остался жив — тот платил оброк.

Мор, пожар, война — это всё равно.
Коль остался жив — подавай зерно!
И несёт мужик долю жалкую,
Всё под окриком да под палкою.
Но богаче всех царь в стране своей,
Не ему жалеть крепостных людей.
У него, царя, больше всех земли,
Для него, царя, все сады цвели.
Потому что царь откупил всех пчёл,
И весь мёд в стране Годунову шёл.
Бани все в Москве взял на откуп царь,
Грош плати царю — в бане тело парь.
Не глядит Борис на мужицкий пот,
А в народе гнев, тайный гнев растёт.

1606 год

О ЛЖЕДМИТРИИ-РАССТРИГЕ, О МОСКВЕ ПРИ ПОЛЬСКОМ ИГЕ

Жили да были, носили жупаны
Ясновельможные польские паны.
Знатные, важные, как поглядишь,
Только в казне королевской-то — шиш!
Всё-то им, панам, земли не хватало.
Всё-то им плохо, да всё-то им мало.
Смотрит на русских завистливый пан —
Взять бы себе на работу крестьян!

Пану обидно, что рожь и пшеницу,
Лён и гречиху, скотину да птицу
Русские пахари с русской земли
Польскому пану во двор не везли.
Польская шляхта сидит на Волыни,
Паны-хозяева — на Украине.
Заняли паны и запад и юг, —
Русскую землю забрать бы вокруг!
Вот бы войну! Но для этой войны
Польскому пану силёнки нужны.
И как не раз уже ездили, снова
Едут поляки к царю Годунову.
Зарится шляхта на лакомый кус
И предлагает нам вечный союз,
Но при условии, чтобы побольше
Русской земли отходило бы Польше.
С панами царь гостевал, пировал,
Только земли он гостям не давал.
Так вот годами велись разговоры…
В, это же время да в эту же пору
Жил-проживал в монастырских стенах
Рыжий, ничем не приметный монах.
С виду покладистый, скромный, смиренный,
Был одержим он мечтой дерзновенной.
Как-то весною исчез из Москвы,
Где-то бродил на границах Литвы
И перешёл к украинским магнатам,
В замки, на службу к полякам богатым.
И вот тогда со шляхетской земли
Странные, смутные слухи пошли…
«Эй, здорово, сват!» —
«Здорово!» —
«Слышал слово?» —
«Что за слово?» —
«Ныне бают на торгу,
Что конец царю-врагу —
Царь Димитрий объявился!» —
«Да убит он аль убился!» —
«Не убился, не убит,
Слышь, народ-то говорит:
Ляхи малого украли,
Обучили, воспитали.
Круль царёнка увидал,
В баньке парить приказал,

Обрядить во что почище,
Войска дать ему три тыщи,
И царевич наш пошёл
Отвоёвывать престол». —
«А Борис? Он сам при сыне!» —
«Нам Борис не нужен ныне,
Он на царстве год седьмой —
Ходим по миру с сумой.
Что ни день, то царь богаче,
Что ни ночь, мы с горя плачем.
Ни кола и ни двора.,.
Нам бы лучше жить пора». —
«Вот так шту-ука! Эко дело!» —
«Мне беднячить надоело,
Я к царевичу пойду!
Сват, а ты?» —
«Да подожду!»

Так появился, народу на горе,
Беглый монашек Отрепьев Григорий.
Скоро Москва услыхала молву:
Дмитрий с войсками идёт на Москву.
Дмитрия ждут и встречают повсюду.
Были такие, что верили чуду.
Хочет Лжедмитрий занять поскорей
Место на троне московских царей.
Долго ли, скоро ли судьбы решались,
А города самозванцу сдавались.
Чем же была его слава крепка?
Рать у него не была велика —
Паны немного Отрепьеву дали, —
Да на пути беглецы примыкали.
Чем привлекал самозванец-смутьян
Русских людей, горожан и крестьян?
Тем, что не верил народ Годунову,
Ни его разуму, ни его слову,
Шёл к самозванцу, Бориса кляня,
В самое полымя шёл из огня!
Знали бы, ведали прадеды каши,
Что приготовил им рыжий монашек!..
Царь не дождался прихода врагов —
В тяжком недуге Борис Годунов
Умер внезапно, покинутый всеми.
Здесь начинается Смутное время.

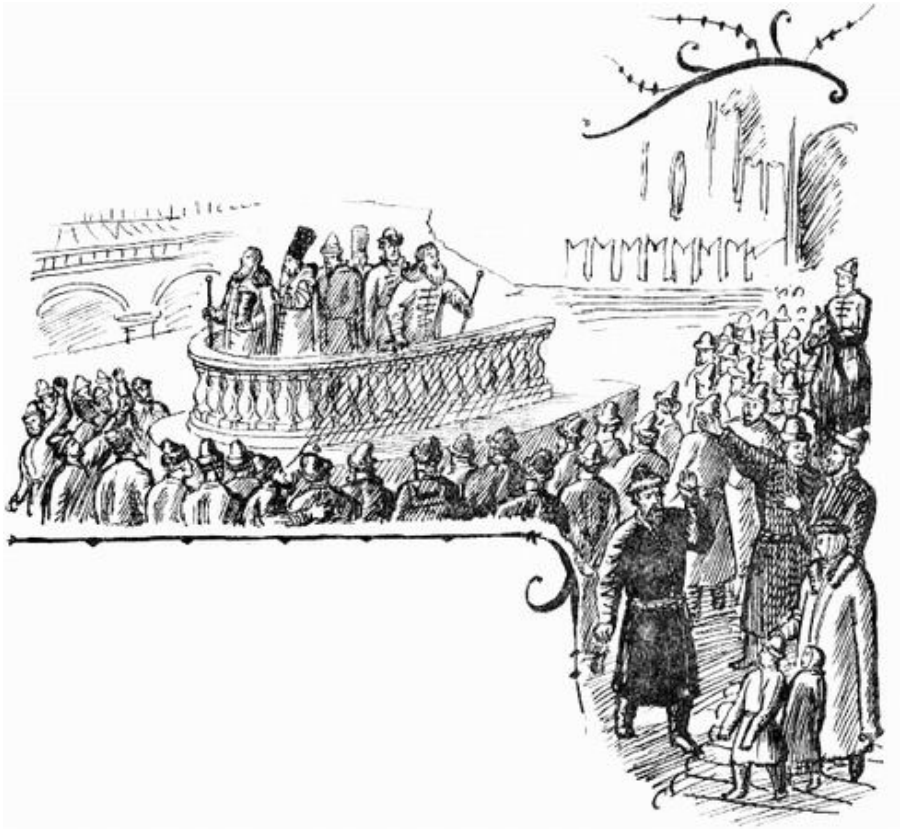
* * *

Шляхтичи ходят по русской земле.
Гришка Отрепьев — хозяин в Кремле.
В Польшу расстрига за помощь в походе
Шлёт королю Сигизмунду дары —
Много сокровищ из царских угодий:
Золото, утварь, алмазы, ковры.
Опустошились дворцовые клети.
Польские паны — хозяева тут.
Прямо из Польши в стеклянной карете
Шляхтянку в жёны расстриге везут.
Перед Мариной, полячкой надменной,
Русские девушки падают ниц.
А на Маринке — венец драгоценный,
Шапка венчальная русских цариц.

С этой Маринкою царь самозванный
Русской землёю собрался владеть.
Пляшут под музыку польские паны,
Русским красавицам стыдно глядеть.
Сроду такой не видали стыдобы:
Женскому полу плясать во хмелю.
Не приходилось и слыхивать, чтобы
Девки, горланя, прошли по Кремлю.
Шляется шляхта по древней столице,
Озорничает средь ясного дня —
В древнем соборе сидят на гробнице,
Шпорами нагло о плиты звеня.
Нет никакого с поляками сладу:
Бродят они по базарам гурьбой,
Грабят амбары, и лавки, и склады,
Всюду бесчинство творят и разбой.
Где ж ты, былая московская слава?
Иль москвичи позабыли о ней?
Древнюю славу хмельная орава
Топчет копытами панских коней.
Только иссякло в народе терпенье,
Кровь закипела у русских людей.
Ох, надоели им пляски и пенье!
Ох, надоел им расстрига-злодей!
Ох, загудели ночные набаты,
Ох, и вломился народ во дворец!
Прыгнул расстрига в окно из палаты —
Тут и нашёл он свой страшный конец.
Тут топорами его зарубили,
Тело облили смолой и сожгли,
Пеплом оставшимся пушку набили,
Бахнули в сторону польской земли,
Чтоб остальным самозванцам на страх
Ветер развеял Отрепьева прах.

БЫЛЬ О ТОМ, КАК ШУЙСКИЙ СТАЛ ЦАРЁМ

Вольный дух гуляет по Руси,
А бояре молятся в ночи:
«Господи, заступник наш, спаси,
Сохрани от черни, научи!»
Шепчут толстопузые, кряхтят,
Щупают затворы у дверей —
Мнится им, что их убить хотят,
До смерти боятся бунтарей.
А холопы, за день утомясь,
На соломе, под худым рядном,
В жалких избах, там, где смрад и грязь,
Крепко спят угарным, тяжким сном.
Снится им натопленная печь.
На печи лежанка — можно лечь!
Снятся им калачики в печи.
Шепчут толстопузые в ночи:
«Не пришёл бы кто из-за морей —
Короли грозят со всех сторон!
Своего бы выбрать поскорей,
Усадить бы на московский трон,
Посмирнее выбрать — и тогда
Не страшна холопская орда!»



Собрались бояре как-то раз,
За беседой посидели час,
Меж собою тайно говоря, —
Выбрали боярского царя.
И, собрав на площадь москвичей,
Став на Лобном месте, под Кремлём,
Горсточка бояр-бородачей
Объявила Шуйского царём.
Под присягой Шуйский дал зарок
Не казнить бояр — друзей своих.
Обещал, что он не будет строг,
Что он будет милостив и тих.
В Кремль боярин Шуйский водворён
И усажен на московский трон.
Думали бояре, что конец
Самозванству, слухам и молве,
Если царский держится венец
На плешивой хитрой голове.
Но хоть новый государь пришёл
На московский на пустой престол,
Самозванцев в эти все года

Столько стало, сколько никогда.
После Гришки через малый срок
Новый объявляется царёк.
А на Каме, Волге, на Дону
По три самозванца за весну.
Каждый врал: «Царевич Дмитрий я,
Сын Ивана Грозного царя!»
Каждый на столицу путь держал,
Шуйскому сверженьем угрожал.
И боярский царь, боясь угроз,
С самозванцами повёл борьбу:
Он в Москву из Углича привёз
Дмитрия-царевича в гробу.
Гроб открыли перед всей Москвой,
В нём лежал царевич неживой,
В ферязи истлевшей, в кушаке,
С горсточкой орехов в кулаке.
Был царевич погребён в Кремле,
Слух о том прошёл по всей, земле,
Успокоил знатных москвичей
И купцов, московских богачей.
И боярин ночью крепко спал,
Но мужицкий гнев не остывал —
Со дворов боярских много слуг
Убегало к бунтарям на юг,
Потому что проливал народ
На господских пашнях кровь и пот,
Потому что понимал народ,
Что лишь бунтом сбросишь барский гнёт.

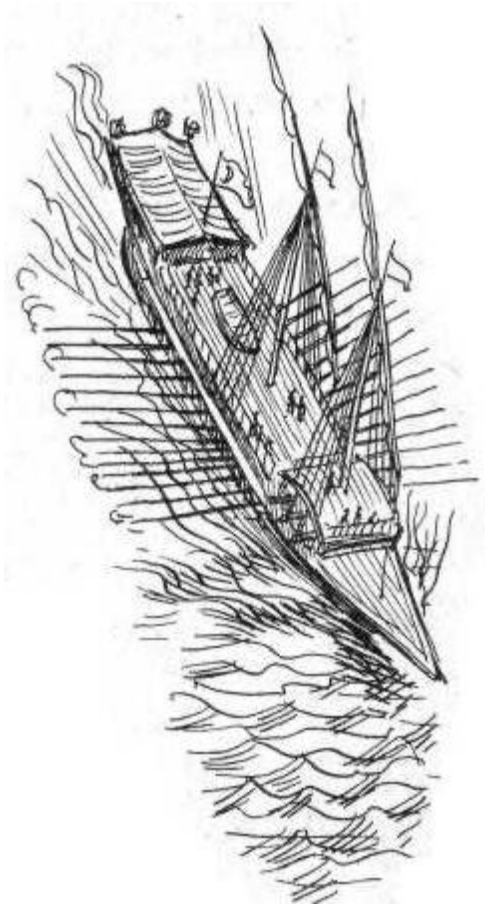
1607 год

СКАЗАНЬЕ ПРО НАРОДНОЕ ВОССТАНЬЕ

Так чтоб начать нам сказанье о молодце,
Греческим словом придётся обмолвиться:
Каторга — это корабль многоярусный,
Только он весельный был, а не парусный.
Эта галера, подняв якоря,
Переплывала на вёслах моря.
Сотни гребцов там гремели оковами,
Гирями скованы полупудовыми.
Сотни рабов по команде гребли,
Силой живою галеру вели.
А за живым человечьим товаром
Издавна турки ходили к татарам.
И на турецких галерах, бывало,
Пленников русских встречалось немало.
Вот потому-то невольничий труд
«Каторгой» русские люди зовут.

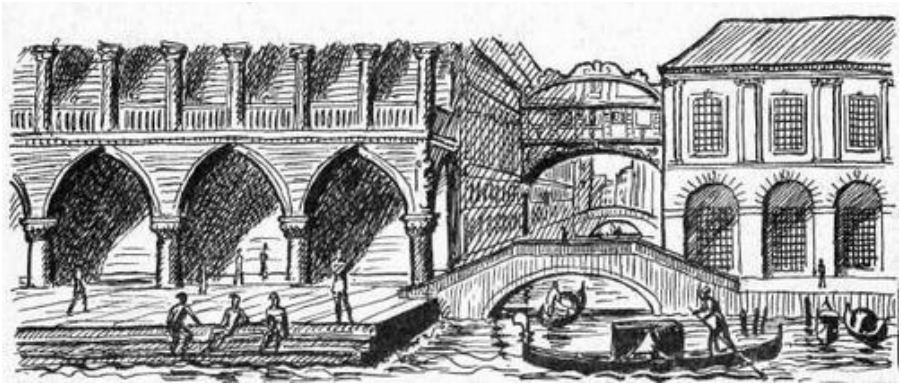
Так вот на каторгу эту турецкую,
С детства изведавший долю недетскую,
Тяжкую долю холопа боярского,
Продан был туркам из плена татарского
Ваня Болотников, сильный, большой,
Юноша умный, с отважной душой.
Ох же ты, морюшко, море туманное,
Ох, тяжело ж ты, весло окаянное!
Жёлтый на вымпеле месяц двурогий,
К гирям цепями прикованы ноги,
Небо да море, что в небо рвалось…
С каторги Ване уйти удалось.

Скрыться от турок куда бы подалее?
Ваня Болотников скрылся в Италии.
Место в Италии самое лучшее —
Город Венеция, чудо плавучее,
Дивное диво, царица морей,
Что управлялась сама, без царей.
Был этот город построен над водами:
Чудной работы дворцы с переходами,
С тонкой резьбою, со львами, с колоннами.
Весь островками, водой разделёнными,



В пене морской на лагуне туманной
Жил этот город невиданный, странный,
Глядя в широкий простор голубой,
В зеркале моря любуясь собой.
Вместо крылечка — ступеньки с причалами,
Вместо возков проплывают каналами
Лодки-гондолы, как лебеди чёрные.
Лодки ведут гондольеры проворные.
Тихо струится вода по проулку.
Здесь не поедешь верхом на прогулку!
Ваня доселе не видел нигде,
Чтобы хоромы стояли в воде,
Чтобы вокруг не пахали, не сеяли,
Не молотили зерна и не веяли,
Чтобы стада не паслись меж дубравами,
Чтобы не пахло душистыми травами,
Чтобы пастух не играл спозаранок,
Чтобы в домах ни печей, ни лежанок.

Что тут за люди и что за страна,
Словно всплыла с океанского дна?
Смотрит Иван и всему удивляется.
Кем тут народ без царя управляется?
Кто же здесь главный? Какой водяной
Правит невиданной этой страной?
Здесь отыскались у странника Вани
В древней Венеции братья-славяне.
Тоже от турок когда-то бежали,
Остров свободных славян основали;
Кто изучил стеклодувное дело,
Кто шелкопрядством занялся умело,
Кто на воде — рыболовным трудом.
Ваня нашёл здесь и помощь и дом.
Здесь и узнал он, вдали от отечества,
Как без царя верховодит купечество,
Как для народа законы суровые
Вводят богатые люди торговые,
Как мастера с золотыми руками
С места уйти не осмелятся сами.
Если же мастер тайком убежит,
Где бы ни скрылся, он будет убит.
Рядом с богатством, с беспечной красою
Горе живёт с нищетою босою.
Те, что кичатся тугими карманами,
Сами живут тунеядством, обманами
И выбирают правителя — дожа, —
Чтобы на власть это было похоже;
Дож между тем управляет не сам —
Делает всё, что угодно купцам.
И потому под дворцами богатыми
Тюрьмы с подвалами и с казематами.
В них на соломе лежат заключённые,
К медленной смерти во тьме обречённые,
И за холодною серой стеной
Плещется море, играя волной..



Всю эту роскошь и всю нищету
Видит Болотников, грузчик в порту.
Думает грузчик: «С царём, без царя ли вы,
Вольной-то воли, видать, не видали вы.
Те же у вас богатеи довольные,
Те же у вас мужики подневольные.
Видно, не этак-то надобно было…
Нет, не из правды росла ваша сила!»
И захотелось увидеть Ивану
Разных народностей, разные страны,
Снова увидеть всё то, что знакомо,
Что происходит на родине, дома.
Он за приют расплатился чем мог,
Взял посошок и пошёл на восток.

КАК ПРИШЛОСЬ ЕМУ ИДТИ, ЧТО ОН ВИДЕЛ НА ПУТИ

Венгерские Альпы — высокие горы.

Ручьи, ледники, водопады, озёра,

Альпийских лугов неземная краса,

По склонам крутым вековые леса.

Над горными высями клёкот орлиный,

А где-то внизу зеленели долины,

Шумели дубравы в предутренней мгле,

Катился Дунай по венгерской земле.

Блуждая, плутая, дороги не зная,

Болотников всё же дошёл до Дуная.

Худой и голодный, от пыли седой,

Умылся прохладной, прозрачной водой,

Умылся, напился с такою отрадой,

Как будто он выпил небесной прохлады.

Катился Дунай по венгерской земле,

По той, что веками была в кабале.

Владели, магнаты землёй, рудниками,

Веками, веками чужими руками

Они добывали богатства земли

И всем торговали, чем только могли:

Отечеством, совестью, гордостью, честью.

Веками пылали и гневом и местью

Сердца землепашцев — венгерских рабов,

Но не было сил уничтожить врагов.

Был путь у Ивана и труден и долог,

Но как-то забрёл он в рыбачий посёлок,

Где встретил дунайских славян-рыбарей.

В челне по реке добираться скорей,

Чем пешему мерить равнины шагами,

Пылить по дорогам, брести берегами.

И, сидя на вёслах в рыбачьем челне,

Качаясь на зыбкой дунайской волне,

Задумчиво глядя на замки, на башни,

На нищих крестьян, на лачуги и пашни,

Болотников думал: «Вот сколько прошёл,

И сколько я видел посадов и сёл,

И сколько народу я видел в пути,

А счастья и правды нигде не найти.

Уж, видно, от века всегда это было:

Богатый и бедный — два стана, две силы.

Хозяин и раб, господин и батрак…

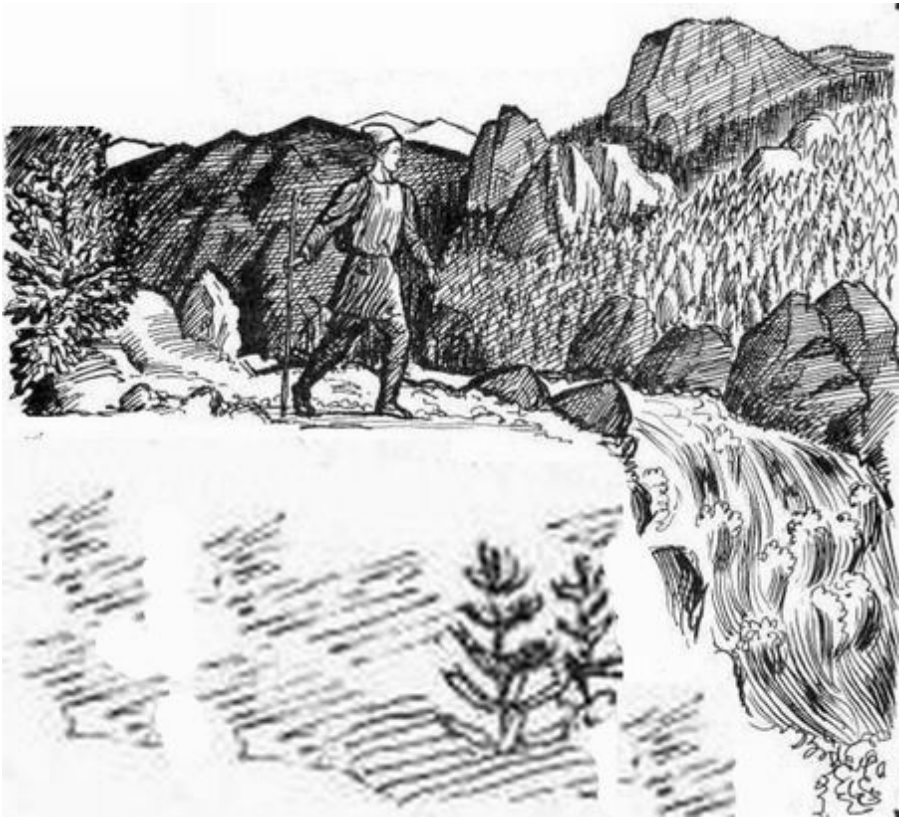
Когда ж будут жить по-иному, не так?»

И, сердце Ивана огнём зажигая,

Вскипала горячая сила живая.

Всей грудью вздохнув, он на вёсла налёг —

Вперёд по теченью рванулся челнок.



* * *

Уж ты Уж-река, речка горная,
Говорливая, непокорная,
С перевала Ужокского катишься
Да в глубоких расселинах прячешься.
То в лесных берегах замыкаешься,
То в долину бежишь-разливаешься.
А что дно у тебя каменистое,
Оттого и волна твоя чистая,
И бежит над тобой тропка узкая,
И знакома тебе песня русская,
И земля-то вокруг — колыбель славян,
А шагал по земле молодец Иван.
Из Уж-города шёл Карпатами,
И тропинками шёл горбатыми,
И ущельями шёл скалистыми,
И обрывами шёл лесистыми.
Шёл он с посохом, с небольшой сумой,

Шёл на родину, шёл к себе домой.
Уж ты Уж-река, речка дикая,
А ведь сила в тебе великая:
На твои берега нелюдимые
Приходили славяне гонимые,
За уступы твоих перекатов
От мадьярских бежали магнатов,
От бича и от барщины в поле
И от плети в турецкой неволе.
Тут и слышала ты песни слёзные,
Кличи звонкие, речи грозные,
Ты душой славян стала в этот час,
С той поры про них ты ведёшь рассказ.
Шёл Болотников тропкой дикою,
А кормился он ежевикою.
Шёл и думал он думу смелую,
Шёл и думал он: «Так и сделаю.
Не пойду домой — на боярский двор,
А пойду теперь во сыр-зелен бор,
Где спокон веков русский беглый люд
От боярских псов находил приют.
Поищу себе вольной волюшки,
Сотоварищам — лучшей долюшки».

* * *

Шуйский в тревоге расспрашивал: «Жив ли
Князь Шаховской, воевода в Путивле?
Так он со мною бранился всегда,
Так ненавидел, что просто беда!» —
«Жив, — говорят, — да отпал от столицы:
Вольная шайка в Путивле гнездится —
Смерды, холопы и всяческий сброд,
С Дона казаки, разбойный народ!»
Шуйский в тревоге разводит руками:
«Слышно, народы бунтуют на Каме.
Скачут гонцы: беспорядки в Твери,
Грозно во Пскове шумят бунтари.
Слава те, боже: как север от юга.
Ты отделил бунтарей друг от друга.
Если б сплотились, столице беда —

С ними не справиться было б тогда!»

* * *

Этой порой в городке нелюбимом,
Что на пути меж Москвою и Крымом,
В древнем Путивле, где легче дышать,
Где не лютует московская знать,
В древнем Путивле вольготно и смело
Площадь торговая в праздник шумела.
Пышно раскинулся южный базар.
В час пополудний был самый разгар!
Льстивый зазыв торгашей краснорожих,
Пенье слепцов и калик перехожих.
Пели калики о Смутной поре,
И, между прочим, о новом царе —
Дмитрии новом, что божьего волей
Место займёт на московском престоле…
Конское ржанье, мычанье коров,
Лязг бубенцов и медведицы рёв.
Мёду янтарного полны колоды.
Вишенья горы, малины, смороды,
И возникающей тут же тропою,
Плетью поток рассекая людской,
Сидя в седле высоко над толпою,
Ехал по площади князь Шаховской.
Медленно ехал от края до края,
Плетью указывал, снедь выбирая:
Щуку, сома, карасей для ухи,
Там приглянулись ему петухи,
Тут поросёнок, а дальше индейки…
Он за товар не даёт ни копейки —
Кто ж с воеводы уплату берёт!
Лучше купцам не дразнить воевод.
Князь поживиться любил на досуге.
Снедь понесли расторопные слуги
В княжеский погреб, а сам господин
Медленно ехал по торгу один.
Вдруг он услышал поодаль, в сторонке,
Голос призывный, красивый и звонкий.
Тут повернул он коня под собой,
Видит — стоит, окружён голытьбой,
Странник высокий, худой, загорелый,

С пристальным взглядом и с поступью смелой,
В рваной одежде, в обувке худой

Древний герб
города Полоцка

И молодой, хоть от пыли седой.
Он, опираясь на посох дорожный,
Встал перед этой толпой осторожной,
Встал на пригорке, людьми окружён,
На три сторонки отвесил поклон.
Он этим людям, молчавшим сурово,
Бросил живое, горячее слово:
«Слушайте, братья! В родимом краю
Душу и сердце я вам отдаю!
Долго по землям чужим я скитался,
Досыта горечью я напитался.
Там, за горами-морями, везде
Кто-то в богатстве, а кто-то в нужде.
Братья мои! Я узнал, что повсюду
Тяжко приходится чёрному люду.
Горе шагает за каждый порог,
Где у хозяев пустой кошелёк.
Сколько бродил я, таскался по свету,
Счастья и правды на свете-то нету!
Только на нашей на русской земле
Было бы можно не жить в кабале.
Братья! Я вам обещаю свободу,
Нового Дмитрия — я воевода.

Время пришло, наступила пора —
Нечего ждать от бояр нам добра!»
Будто волна прокатилась живая,
Тысячи беглых к борьбе призывая:
«Нечего ждать!»
«Это правда твоя!»
«Эй, говори, ничего не тая!»
Будто корабль сквозь кипящие волны,
Князь пробирался, решимости полный,
Плетью хлеща голытьбу на скаку,
К этому страннику и смельчаку.
«Кто ты?» — воскликнул он, плеть поднимая.
И тишина наступила немая.
«Я? Я не князь! Не боярин! Не поп!
Ванька Болотников — беглый холоп!» —

«Ишь ты! — сказал Шаховской. — Ну и парень!
Ты, брат, сильней, чем московский боярин.
Ты, я гляжу, воевода лихой.
Видно, и царь у тебя неплохой!

Коль оправдаешь доверье народа,
Сможешь ты войско собрать для похода.
Чтоб отомстить государю-врагу.
Чем я могу, я тебе помогу!»
Словно бы в сказке, из-под земли
Тут же Ивану коня подвели,
Белого, статного, с шёлковой гривой.
И на Ивана надели красивый
Бархатный, золотом шитый кафтан.
Ноги обули в зелёный сафьян.
И на глазах у толпы онемелой
Стал воеводой босяк загорелый,
С острою саблей на левом боку,
В шапке, какой не носил на веку.
«Слава! — кричала толпа в опьяненье. —
Мы за тобою в любое сраженье!
Ты нам судьбою счастливою дан!
Слава тебе, воевода Иван!»
И обнимались, смеясь и рыдая,
Рваные шапки под небо кидая,
А Шаховской на кауром коне
Молча покусывал ус в стороне.
Только глаза его жадно блестели.
Шёл он к заране намеченной цели:
Шуйского свергнет народ, а тогда
Сладить с боярством не будет труда.

«К О М А Р И Н С К А Я»

Есть в Комаричах, под Курском, старый лес,
А в лесу-то сосны, ели до небес.
Сосны, ели да берёзы хороши,
А под ними-то землянки, шалаши.
В шалашах-то всё крестьяне-беглецы,
А в землянках-то холопы-молодцы.
Собралася многотысячная рать.
Им, холопам, больше нечего терять.,
Из народа воевода к ним пришёл —
Отвоёвывать у Шуйского престол.
«Эй, холопы, безымянники, шпыни!
Наконец-то наступили ваши дни!
Вы побейте-ка изменников-бояр,
Заходите-ка и в терем и в амбар,
Поджигайте-ка боярское добро —
Шёлк да бархат, самоцветы, серебро!
На Руси отныне ваша будет власть,
Не давайте вольной волюшке пропасть!
Хоть и вышел ты, холоп, из бедноты,
Воеводою отныне будешь ты!
И хозяином отныне будешь ты!
Не жалей, холоп, хозяйского добра,
Для тебя пришла хозяйская пора!»

Этой грамотой Болотников Иван
Поднимал вокруг холопов и крестьян.

В каждом городе подмётное письмо
По задворкам расходилося само,
Расходилось, разбегалось в сто листков —
Поднимало на боярство мужиков.
Ах ты, вражий сын, комаринский мужик!
Он от барина-боярина бежит,
Он не хочет на боярина пахать,
Он не хочет, как собака, подыхать,
Он не хочет жить на скотном на дворе,
Он не хочет спать в собачьей конуре.
У боярина ни скотников,
У боярина ни плотников,
Ни холопов, ни работников —
Всех увёл Иван Болотников.

КАК БОЛОТНИКОВ ИВАН НА ЦАРЯ ПОВЕЛ КРЕСТЬЯН

По былинкам, по соломинкам
Рыщет ветер на жнитве.
Стан крестьян — в селе Коломенском,
Стан царя стоит в Москве.
У Ивана молодецкая
Рать холопов и шпыней,
А у Шуйского стрелецкая
Рать в Москве ещё сильней…
Первый снег пушистый хлопьями
Закружился над страной.
Сам Болотников с холопьями
Окружает стан стеной.
Как пошли к Москве с подмогою
Все соседи-города,
Так заснеженной дорогою
К мужикам пришла беда.
Под знамёна силы сдвинула,
За царя сплотилась знать
И волною тёмной хлынула

На коломенскую рать.
Ой, затихни, непогодушка,
Ветер, тучи поразвей!
Ты зачем же, воеводушка,
Взял дворянских сыновей?
Взял дворян в войска крестьянские,
А пришёл расплаты час —
Копья барские, дворянские
Повернулись против нас.
Под знамёна царских сотников
Перешли войска дворян.
Охраняй теперь, Болотников,
От измены вольный стан!
И бедою неминучею
На холопа-мужика
Навалились тёмной тучею
Государевы войска.
Трое суток осаждённые
Насмерть бились день и ночь
И бежали, побеждённые,
Из Коломенского прочь!
Встала рать в Калуге-городе,
А бояре шли за ней,
И в Калугу рвались вороги
Ровно сто и двадцать дней.
Шуйский в злобе выл, как волчище,
И, когда растаял снег,
Под Калугу бросил полчище
Во сто тысяч человек.
Слёзы лей, берёза белая —
Не поднять тебе ветвей!
Сбили спесь холопы смелые
С государевых людей.
Но Калугу-город бросили,
В город Тулу перешли
И до самой поздней осени
Бой с боярами вели.
Уж с осенней-то осинушки
Ветер мечет красный лист,
А холопы царской силушке,
Царской силе не сдались.
Но плотиною дубовою
Реку запер враг тогда,
И, найдя дорогу новую,

В город хлынула вода.
В погребах волной холодною
Хлеб и порох залила
И холопам смерть голодную,
Плен и гибель принесла.
И давала сотня сотников
По войскам такой приказ:
«Живо вызнать, где Болотников,
И доставить в тот же час!»
Возвращались сто молодчиков,
И у всех один ответ:
«Не сдаёт народ заводчика!
Нет Болотникова. Нет!»

БЫЛЬ ИВАНУ НЕ В УКОР: ВСПОМИНАЕМ ДО СИХ ПОР

Ой, богатырь ты, Болотников Ваня!
Шли за тобою холопы-крестьяне,
Шли на царя, засучив рукава,
Думали — будет народной Москва.
Шли безрассудно, отчаянно, смело,
Напропалую за правое дело.
Бились отважно, геройски, сплеча,

Шли по неверным путям сгоряча.
Гибнул в сражениях русский народ,
Тысячи пленных бросали под лёд.
Сколько терпели и горя и муки,
Но попадалось оружие в руки —
Снова бойцом становился холоп,
Чтобы боярину целиться в лоб.
Вот и теперь: проиграли войну,
Тула сдана. Воевода в плену.
Шуйский божился и клялся народу,
Крест целовал, что простит воеводу:
«Сдайте вы мне главаря своего,
Слово даю, что не трону его!
А не сдадите, найдём его сами,
Но уж поплатитесь вы головами».
Этой угрозы Иван не стерпел:
Будет не будет Болотников цел,
Сам он ответит за все неудачи
Буйной своей головою горячей.
И поскакал воевода Иван
Прямо к Василию Шуйскому в стан.
Конь его верный, послушно и смело
Шедший с хозяином в ратное дело,
Ржавший при звуках военной трубы,
Вдруг заартачился, встав на дыбы,
Фыркая, землю взрывая копытом.
Перед шатром, на поляне разбитым,
Шуйский со свитой сидел у шатра:
Ласковый взгляд и повадка хитра.
Медленно руки сложил на груди:
«Довоевался, соколик, поди!»
Глянул Болотников, будто не слышал,
Спешился быстро и к Шуйскому вышел,
Острую саблю из ножен долой,
Светлое лезвие вытер полой,
Поцеловал рукоятку, и сам
Саблю свою он сломал пополам.
После коню, неизменному другу,
Скинул уздечку, ослабил подпругу,
К гриве расчёсанной, белой как снег,
Крепко прижался, прощаясь навек…
Слово царёво — неверное слово,
Подлое слово у Шуйского злого.
Чтоб не встречался с людьми воевода,

Прочь отослали на долгие годы
В Каргополь — город в Онежском краю,
Чтобы забыл он свободу свою.
Мало для Шуйского было обмана:
Выжгли глаза воеводе Ивану.
Но и слепого и нищего в ссылке
Шуйский боялся. Могучий и пылкий
Дух воеводы бродил по земле,
Хоть и победу звонили в Кремле.
Слово царёво — неверное слово.
И воеводу, больного, слепого,
Знавшего правду борца-вожака,
В прорубь столкнула царёва рука.
Чёрная прорубь его поглотила,
Сгинул Болотников — добрая сила.
Путь свой бунтарский закончил он тут,
Тут ему, молодцу, славу поют!

1611 год

КАК СРАЖАЛСЯ ЦЕЛЫЙ ГОД С ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТОЙ НАШ НАРОД

Горит, пылает, стонет Русь
Под игом польских банд.
В Кремле враги: полковник Струсь —
Кремлёвский комендант.
Москву ограбив, обобрав,
Орава панов ждёт,
Что королевич Владислав
Из Польши в Кремль придёт.

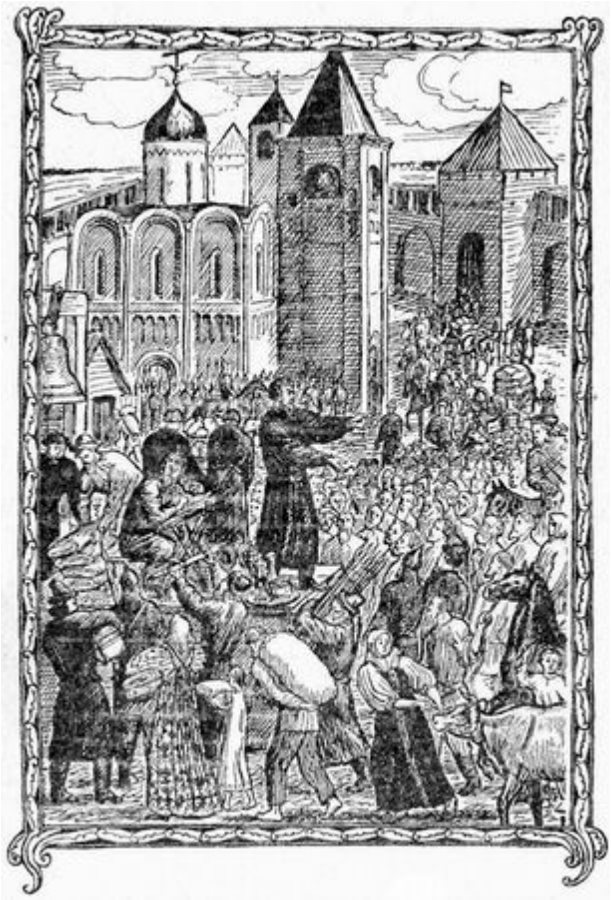
Придёт, займёт московский трон,
И Польшей станет Русь.
Кремль укрепить со всех сторон
Велит полковник Струсь.
И пушек требует чужак
У граждан москвичей,
И ров поглубже наглый враг
Велит копать скорей.
Но взбунтовалась вся Москва
И так сказала им:
«Мы вам копать не станем рва
И пушек не дадим!»
И горы брёвен возвели
На улицах они,
И разместили, где могли,
Для панов западни.
Швыряли камни, кирпичи,
Палили их огнём.
И становились москвичи
Всё злее с каждым днём.
Гонцы скакали по полям
В другие города:
«В беде давайте помощь нам,
Не то нам всем беда!
Восстань, народ родной земли,
На подвиги восстань!»
Все города навстречу шли,
И первой шла Рязань.
Кипит, шумит народ в Москве,
В войска идёт народ.
Встал князь Пожарский во главе —
России патриот.
В нём мудрость, мужество, покой,
Любовь к нему крепка.
И он могучею рукой
Крепит свои войска.
Бои в столице начались,
Теснит народ врагов.
В Кремле магнаты заперлись
От «русских мужиков».
И в Белый город за стеной
Поляки отошли,
А Чёрный город избяной
Поляки подожгли.

Такое пламя, что в ночи
Светло, как будто днём,
И стойко бились москвичи
Со шляхтой и с огнём.
Всё обгорело, вся Москва
До каменной стены —
Дома, деревья и трава
Обуглены, черны.
А в сердце города враги,
И нету сил их взять.
Восстань, народ, и помоги
Повергнуть вражью рать!

БЫЛЬ О МИНИНЕ-КУПЦЕ, ВОЕВОДЕ И БОЙЦЕ

От москвичей призыв идёт ,
По городам до волжских вод.
Всю землю нашу охватив,
Дошёл до Нижнего призыв,
До старосты, до мужика —

Нижегородца-мясника,
Что звался Минин-Сухорук.
Он весь народ собрал вокруг:
«Волжане! Православный люд!
Повсюду русских ляхи бьют!
Ужели враг непобедим?
Ужели землю отдадим?
Нет! За собой народ ведя,
Пойдём мы, жизни не щадя!
Не пощадим домов, клетей,
Ни золота, ни серебра!
Заложим жён своих, детей!
Пришла пора!
Несите жемчуг, серебро,
Несите всё своё добро,
Всё, что "копили много лет!
А у кого богатства нет —
Отчизну, родину любя,
Нательный крест сними с себя!
Давайте всё, кто чем богат,
Ничуть, нимало не тая.
Поможем все, как брату брат,
Одна семья!»
И понесли ему добро:
И жемчуга, и серебро,
Иконы, ризы и меха,
Одежды, платья вороха.



Кто приводил гнедых коней,
Коров, баранов и свиней,
Кто приносил мешки зерна,
Тюки овечьего руна, —
Ну, словом, всё, что лишь могли,
На площадь Минину несли,
Тащили и везли.
Поволжье Минин призывал,
Он ополченье собирал,
Всех одевал, всех обувал,
Кормил, поил и снаряжал
И всех вооружал.
И эту рать в туманной мгле,
По нераспаханной земле,
Где колос уж давно не цвёл,
К Москве, к столице он повёл.
Та рать от каждого села
Всё прибывала и росла.

Пустели сёла у реки,
Лишь дети, бабы, старики
Шли до околиц провожать
Ещё не виданную рать,
Что неотступно шла вперёд, —
Народ!

ДРЕВНИЙ ГЕРБ
ГОРОДА Н.НОВГОРОДА

* * *

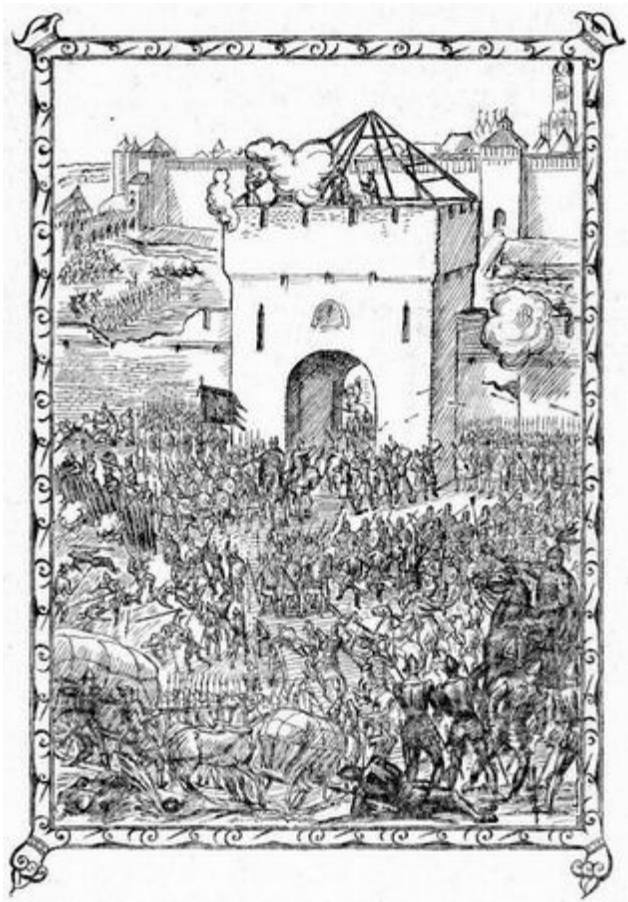
На Балахну, на Кострому,
По Волге Минин рать повёл,
И в ополчение к нему
Из дальних городов и сёл
Шли ратники, текла казна
Из Соли-Камской, с Устюга,
И понимала вся страна,
Что здесь спасенье от врага.
Сюда пришёл Пожарский князь,
За ним текла людей река,
И, с Мининым объединясь,
Сплотились русские войска.

Они засеяли с весны
Поля зерном, и стали ждать
Бойцы-жнецы, чтоб для страны,
Для войска урожай собрать.
Пока не вызреет — не трожь!
Войной хлебам не угрожай!
В сто двадцать дней дозрела рожь,
Богатый сняли урожай.
Пока вязали рожь бойцы,
Сольвычегодские купцы
Им слали порох и свинец,
Чтоб шляхтичам пришёл конец.
А князь Пожарский не спешил
И, укрепив на Волге тыл,
Не сразу шёл от берегов,
Чтоб не спугнуть своих врагов.
Всю силу поднимать не стал,
Он постепенно посылал
Отряды конников вперёд.
Так начинал он свой поход.

1612 год

БЫЛЬ О СЛАВНОМ ВОЕВОДЕ, О БОЯХ ПРИ КРЫМСКОМ БРОДЕ

На коне, блестя кирасами
И усами шевеля,
Пан Ходкевич шёл с припасами
Для захватчиков Кремля.
А за ним пехота, конница,
По дороге на Можай.
Кто ни встретит — пусть поклонится,
Кто ни едет — объезжай!



А меж тем, ограбив жителей,
Запалив кругом пожар,
Ждут припасов «победители»,

С ними вместе семь бояр.
Запершись в Кремле, голодные,
На сокровищах сидят
Эти паны «благородные»
И голодных крыс едят.
Не пошлёшь за дробью к немчикам,
И приходится, хоть жаль,
Вместо дроби русским жемчугом
Заряжать свою пищаль.
Паны в жемчуге нуждаются
Для охоты на галчат,
Владислава дожидаются
И досадливо ворчат:
«Долго ль тут стеречь твердыни нам,
Эти башни да кремли?..»
Той порой Пожарский с Мининым
Под столицу подошли.
Им обоим запримечился
Мост над Яузой-рекой,
Где случайно будто встретился
Атаман, князь Трубецкой.

И сказал он тут Пожарскому:
«Мы с тобою ведь князья,
Оба близки дому царскому,
С мужиками нам нельзя!»
Глянул князь на князя хмурого
И сказал: «Мы все — народ!»
Тронул стременем каурого
И за Мининым — вперёд…
От ворот Никитских выстроясь,
До самой Москвы-реки,
И послушные и быстрые
Встали Минина полки.
У ворот Арбатских ворогу
В Белый город не пройти —
Встал стеной под Белым городом
Князь Пожарский на пути.
Чтоб не драться с войском вражеским,
Князь Димитрий Трубецкой
Со своим коварством княжеским
Стан раскинул за рекой.
Он не в помощь люду бедному
Здесь рассвета будет ждать,

Перейти он хочет к гетману
И Пожарского предать.

Быть в столице бою жаркому,
Близко гетманская рать.
Трубецкой послал к Пожарскому:
Просит конных сотен пять.
Получил пять сотен всадников
Князь Димитрий Трубецкой.
А в тот час Ходкевич ратников
Вёл к заставе городской.
Осаждал Ходкевич с войском
Белый город у реки.
Долго с мужеством геройским
Защищались мужики.
Вот тогда-то в латах пышных —
Видно было, ждать невмочь —
Из Кремля поляки вышли,
Чтоб Ходкевичу помочь.
И Пожарского с дружиной
Слуги панов-гордецов
Оттеснили, окружили
И сдавили с двух концов.
Видит князь – врагу удача!
Где же скрылся Трубецкой?
Атаман молчит, маяча
Близко, где-то за рекой.
Проклял подлую измену
Князь Пожарский; бледный, злой,
Влез на крепостную стену
И кричит: «С коней долой!
Коли бой в размахе тесен —
Бей мечом, а не копьём!
Мы захватчиков повесим,
Если всех не перебьём!..»
По приказу люди спешились,
С новой силой налегли.
Вот уж тут-то распотешились:
Врукопашную пошли.
И казачьи сотни двинулись,
Увидав такой прорыв,
Мужикам на помощь кинулись,
Трубецкого не спросив.
Налетели соколятами,

Порубили, взяли в плен,
И пришлось врагам помятыми
Отойти от Белых стен.

* * *

Ночь пришла под стоны раненых,
Что неслись со всех концов,
Возле стен высоких, каменных
Хоронили мертвецов.

А живые, как убитые,
Спали, лёжа в стороне.
Воеводы деловитые

Совещались при луне.
А когда, полоской тонкою
Над столицею горя,
Заиграла в трубы звонкие
Августовская заря,
Встал хитро с кавалеристами
Пан Ходкевич за мостом,
Чтоб ему с конями быстрыми
Подоспеть к Кремлю потом.
На Москву, на Русь огромную
Шляхтичи шли не одни —
Немцев, венгров силу тёмную
За собой вели они.
Ловко с конницей венгерскою
Пан у русских за спиной
Затаил засаду дерзкую
За церковного стеной.
Только наши поразведали
Про шляхетские мечты
И шляхетской своре не дали
Перейти через мосты.

ДРЕВНИЙ ГЕРБ
ГОРОДА СМОЛЬНСКА

Налетела туча всадников,
Разгромила польский стан.
В этой битве многих ратников
Потерял Ходкевич-пан.

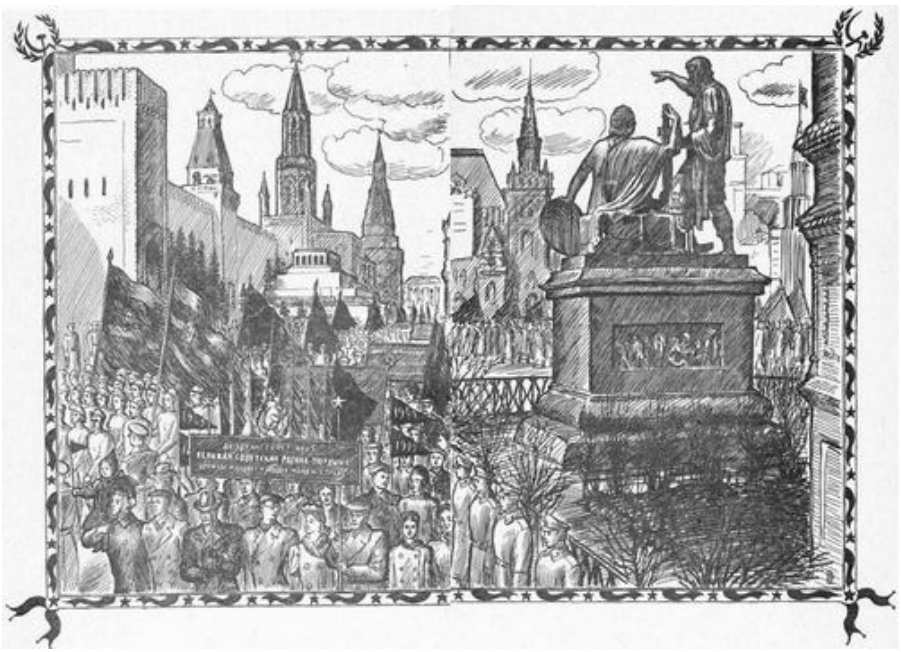
Отошёл Ходкевич в сторону,
Уводя подальше рать,
Как побитый пёс, которому
Надо раны зализать.
Подкрепил Ходкевич немцами
Разбитной военный сброд.
Тут-то Минин с ополченцами
Подошёл под Крымский брод.
С тыла грянул на Ходкевича
Всею мощью, что была,
Далеко до поля Девичья
Сеча грозная дошла.
И бежал Ходкевич с ляхами,
Напрямик бежал в Литву,
Ни оружием, ни страхами
Одолеть не мог Москву.
А уж паны «благородные»,
Не дождавшись короля,
Еле двигаясь, голодные
Выходили из Кремля.

Позабыли честь дворянскую:
По Москве ползли ползком
И сложили гордость панскую

Перед русским мужиком.

Древний герб
города Подольска

НЕ ЗАБУДЕТ НАШ НАРОД ДОБЛЕСТЬ РУССКИХ ВОЕВОД



Добрый памятник поставлен
Двум героям всей страной
В знак того, что был избавлен

От бесчестья край родной.
Он отмечен годом, днём,
И начертано на нём:
«Гражданину Минину
И князю Пожарскому —
Благодарная Россия».
Видишь, витязи какие,
Сыновья родной земли
За неё бои вели.
На гранитном пьедестале
Перед площадью они
Много, много раз встречали
Знаменательные дни.
Молча витязи гордились,
Что столица их росла,
На глазах у них творились
Величайшие дела.
От сверженья власти царской
Пять десятков лет подряд
Смотрят Минин и Пожарский
На торжественный парад.
Указав рукой литою
На величественный вид
И на племя молодое,
Минин словно говорит:
«Полюбуйся ныне, княже,
На страны родной дела.
Не могли мы думать даже,
Чтобы Русь такой была!
Подивись-ка их военной
Силе необыкновенной,
И послушай эти песни,
И на лица погляди…
Их дела ещё чудесней
Ожидают впереди!»
Конец второй книги

КНИГА ТРЕТЬЯ

Быть может здесь не все страницы
Тебе, Москва, посвящены,
Но все, что на Руси творится,
Всегда касается столицы,
Как сердца всей большой страны.

1613 год

ОТ ПОЖАРИЩ ГОРЕК ДЫМ, НО НАРОД НЕПОБЕДИМ

Ой вы, гусли! Нет терпенья!
Что у вас печальный лад?
То ль поминки, погребенье,
То ль ещё какой обряд!
Плачут гусли, что столица
Вся разбита, сожжена.
Всё, чем люд привык гордиться,
Покалечила война.
И лежит под снежной, белой,
Под январской пеленой
Мёртвый город, обгорелый
За кремлёвскою стеной.
Но народ в столице стойкий,
Дело любят москвичи
И на новые постройки
Тащат брёвна, кирпичи.

Понемногу начинает
Вся столица оживать,
Хоть и хлеба не хватает,
Нечем поле засевать.
И престол пустует царский,
И таится враг вдали.
Всё же Минин и Пожарский
Русской славе помогли.
Их с любовью вспоминают
В зимний вечер у костра
Те, что строить начинают, —
Городские мастера.
Русь залечивает раны,
А меж тем со всех сторон
Смотрят вражеские страны
На пустой московский трон.
В Польше спорят из-за трона
Сигизмунд и Владислав.
Мало им своей короны —
Жаждут русских царских прав.
Мало им своей земли —
Русской жаждут короли.

Ой вы, гусли! Ой, гусляры!
Меж боярством спор идёт.
Пусть ответят вам бояре:
Кто московский трон займёт?

Продадут ли Владиславу —
Будет царствовать поляк?
То ли шведская держава
Над Кремлём поставит флаг?
То ли по боярской воле
Русский будет на престоле?
Начался великий спор —
Созвала Москва Собор.
Собрались князья, бояре,
Горожане всей страны
И казённые крестьяне,
Что пахали для казны.
Подошли стрельцы, казаки,
Последить народ пришёл,
Чтобы шведы и поляки

Не попали на престол.
Горожане рассуждали:
«Хоть бы русского избрали!»
И крестьянин думал так:
«Русский всё ж не пан поляк!»
И боярство предложило
В государи Михаила —
Из своих, да молодого,
Слабовольного, больного,
Чтоб он властвовать не стал,
Чтоб боярам потакал.
А чтоб был избранник цел
Между всех тревожных дел,
Порешили ненадолго
Тайно выехать ему
И послали в глушь, на Волгу,
В монастырь под Кострому.
Там сосед — медведь да лось,
Уцелеет царь авось!

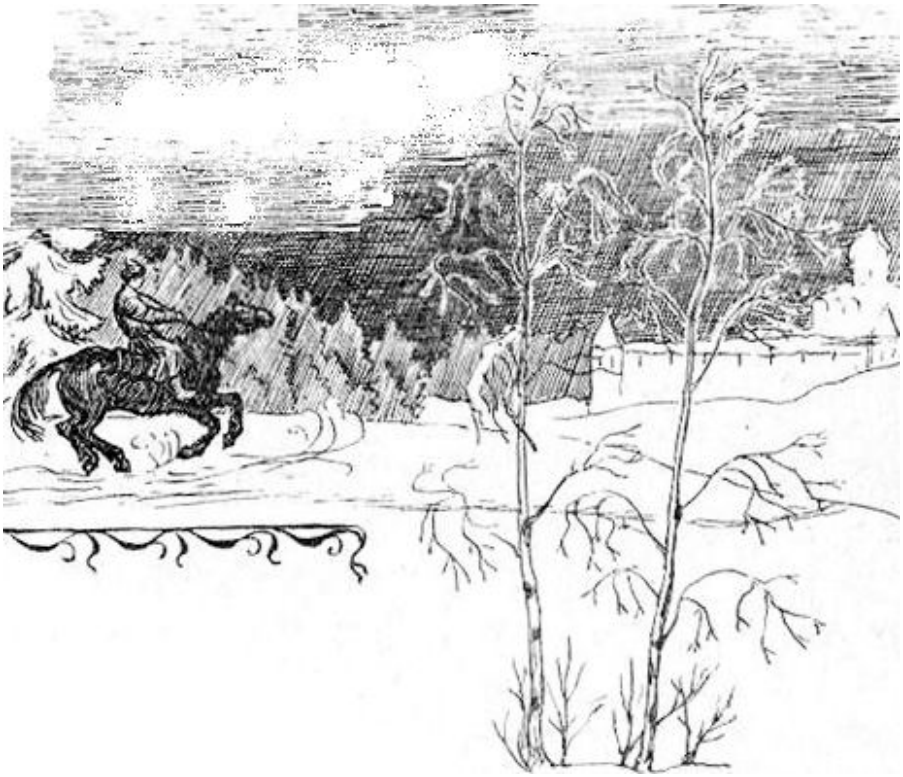
БЫЛЬ О СЛАВНОМ ПАРТИЗАНЕ — О СУСАНИНЕ ИВАНЕ

Жили в Польше паны гордые —
Феодалы-господа.
Всё, что можно, в руки твёрдые
Забирали без стыда.
Как с войсками паны важные
Наступали на Москву,
С виду воины отважные,
А стремились к воровству!
У себя владели землями
Эти паны, тверды лбы,
А при землях неотъемлемы
Силы тяглые — рабы,
Семьи жалкие крестьянские,
Как в то время и у нас,
Только жили люди панские
Тяжелей во много раз.
Как узнали паны польские
Про московские дела,
Тут уж к панам в мысли скользкие
Жадность чёрная вползла:
«Как же русская земля
Не под властью короля!»
Сели паны, покалякали
И решили меж собой:

«Окружим теперь поляками
Монастырь под Костромой.
Все надежды укрываются
За стеной монастыря.
Пусть отряд наш собирается
И прикончит там царя!
По безвременью тревожному
Крепкой власти ждёт страна, —
Королю ясновельможному
Поклониться Русь должна».
…Собрались в края далёкие,
Где стоят леса высокие,
Где стоят леса дремучие,
Часты ельнички колючие
Да лужки покрыты ряской —
То болота с тиной тряской.
Будто травка зелена,
А трясине нету дна!
Глушь и летом и зимой —
Пропадёшь под Костромой!
…Вот из Польши в путь намеченный
Вышли слуги короля
И морозом были встречены —
Норов злой у февраля.

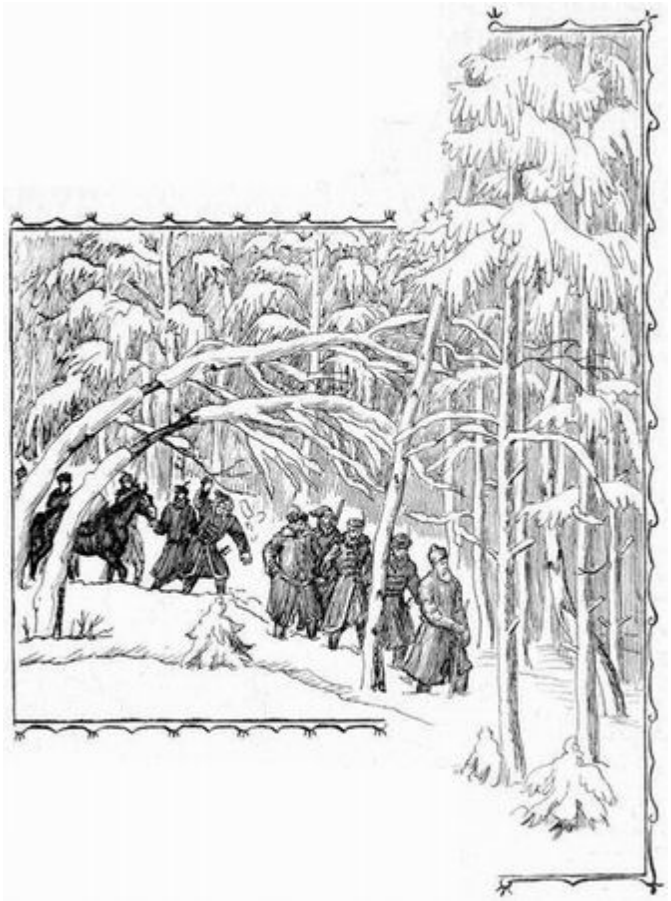
Шли поляки за обозами —
Кто верхом, а кто пешком.

Пробирало их морозами,
Посыпало их снежком.
Буйный ветер выл с тревогою,
И метелица мела.
Проходил отряд дорогою
Возле Домнина села.
Дело было близко к вечеру,
Ни души, снега кругом.
Из отряда вышли четверо
И стучатся в крайний дом…
Кто там рвётся с поля чистого?..
Огонёк в окне мелькнул.
Старый дед на стук неистовый
Дверь широко распахнул.
Не дороден дед, сутулится,
С длинной белой бородой,
Только глаз у деда щурится
И блестит, как молодой.
Вот в избу вошли прохожие.
Поглядел старик на них —
Видит, люди, не похожие
На своих, на костромских.
Говорят они: «Далече ли
Монастырь? Мы знать хотим».
По одежде ли, по речи ли
Дед узнал, кто перед ним.
Помолчал, как полагается,
И промолвил, щуря глаз:
«Здесь и свой-то заплутается,
Проводить придётся вас.
Только поздно, сами чуете, —
Надо вам передохнуть.
Тут у нас переночуете,
А с рассветом выйдем в путь!»



Ой, бушует, вьёт метелица,
Покрывалом снежным стелется!
Ой, бушует вьюга с вечера…
И никем-то не замечено,
Что задолго до утра
Конь умчался со двора,
От конюшни дедовой,
А седок неведомый.
По дороге путь прямой —
В монастырь под Костромой.
Замети, метель, следы,
Чтобы не было беды!
И когда за сизой дымкою
Над снегами встал рассвет,
Постучал своей дубинкою,
Разбудил поляков дед.
И к ступенькам припорошенным
Он, прощаясь, лбом приник,
А потом гостям непрошеным
Настежь дверь открыл старик.
Зашагали гости подлые

Сквозь метель, колючий снег,
Вереницей вышли по двое
Тридцать восемь человек.
В глубь лесов, в сугробах путаясь,
Вёл старик их без дорог.
Шли поляки ёжась, кутаясь,
Под собой не чуя ног.
Снова будто бы смеркается,
Уж пора бы и дойти!
Смотрят паны, озираются —
Ни дороги, ни пути!
«Эй, старик, бродяга лживый!
Ты куда ведёшь нас, вор?» —
«Будьте, паны, терпеливы!
Вот сейчас минуем бор,
А за бором будет пашня,
А уж с пашни той видна
Колоколенка и башня,
Монастырская стена».
Ничего не видно ворогу,
Никаких просветов нет…
Бормоча в седую бороду,
Впереди шагает дед:
«Ой да паны, слуги бесовы!
Чай, досель не знали леса вы,
А теперь его узнаете!
По чащобам погуляете,
На морозе вы попляшете!



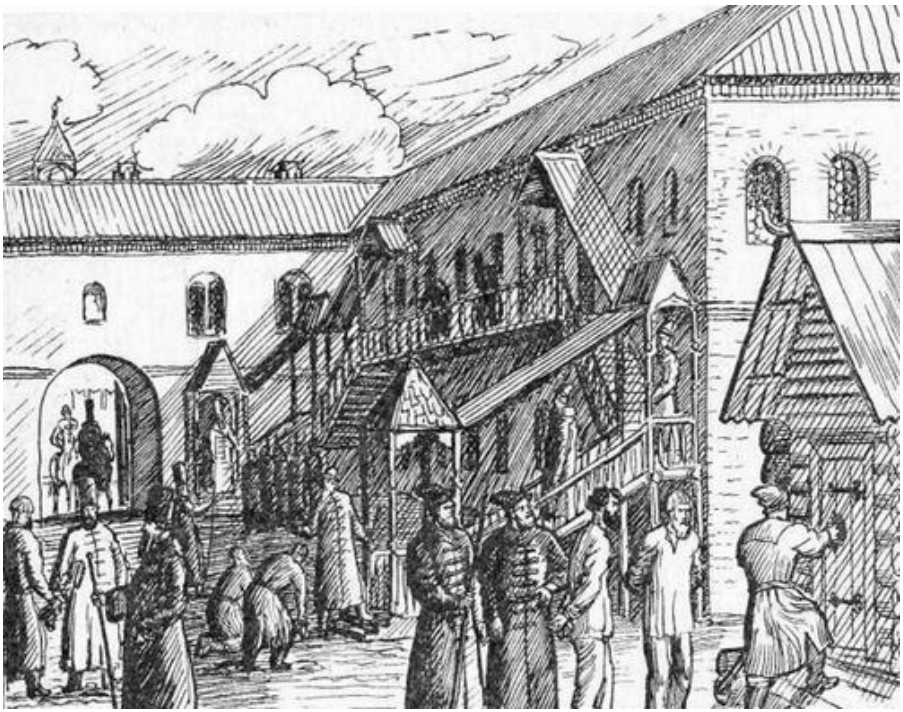
А устанете — приляжете.
На болоте-то постель
Постелила вам метель:
Лёг лях да поспал —
Был пан, да пропал!»
В самых дебрях, в царстве лешего,
В вековой седой глуши,
Где ни конного, ни пешего
Не бывало ни души,
Сосны будто вдруг раздвинулись,
Ели встали стороной,
И снега, что шёлк, раскинулись
На полянке на лесной.
Здесь прогалинка просторная,
А под тонкой коркой льда
Тут болото — бездна чёрная,
Что не мёрзнет никогда.
Подломился под поляками

Хрупкий, тоненький ледок, —
Как ни выли, как ни плакали,
Всё ж не вытянули ног!
И, трясиною зажатые,
Увязая в ней по грудь,
Проклинали провожатого,
Что их вёл в последний путь.
Пан, что ближе был к Сусанину,
Полоснул его ножом,
И вскричал Сусанин раненый:
«Мы отчизну бережём!
Паны пусть на Русь не зарятся —
Не дадим земель своих!
Наш народ от вас избавится!»
Тут вздохнул он и затих…
Ах ты ночка, ночка зимняя,
Беспросветная да длинная!
Только ты глядела, тёмная,
На стволы дубов огромные
И на сосенки кудрявые,
На лесные пни корявые,
И на страшное болото,
Где стонал и охал кто-то,
Где в лесу сраженье было
Русской чести свражьей силой,
Гдепришлось столкнуться панам
Слегендарным партизаном.
Честь герою и хвала
За отважные дела!

ЦАРЬ БЕСПОМОЩНЫЙ, БЛАЖНОЙ… КТО ЖЕ ПРАВИТ ВСЕЙ СТРАНОЙ!

Царь умеет лишь молиться.
Кем же держится столица?
У царя всегда «кручина»,
А какая ей причина?
И шептались лекаря:
Мол, «кручина» у царя
От безделья и от скуки.
Не берёт он книжек в руки,
Мало грамоте учён —
Оттого скучает он.
Никакого средства нету,
Чтоб унять «кручину» эту.
Только тиканье часов
Слушать царь всегда готов.
Окружив себя часами,
Что ходить умеют сами,

Государь, спокоен, тих,
Бесконечно слушал их.



Но его отец-монах
Всем внушал давнишний страх.
Патриарху Филарету
От царя отказа нету.
Что ни вздумает старик —
Подчиняться сын привык.
Филарет честолюбивый
В белой мантии красивой —
Патриарх, монах седой,
С длинной белой бородой,
Вместо сына Михаила
Встал у власти. Так и было:
Царь — к делам монастырей,
А монах — к делам царей.
При дворе он ввёл приказы,
Что дела решали сразу.
В Челобитенный приказ
Шёл москвич в тяжёлый час
Бить челом, просить прощенья
Иль подать царю прошенье.

Вот ещё приказ — Разбойный,
Видно, очень беспокойный,
И управа там была
На разбойничьи дела.
Вот приказ Казны-прихода,
Что растёт за счёт народа;
Вот шумит приказ Ямской —
Смех и ругань день-деньской!
Ямщики — весёлый люд —
Песни вольные поют.
Вот в Аптекарском приказе
Все лекарства, травы, мази.
Если кто землёй владел,
Шёл в приказ Поместных дел.

Вот приказ, да незавидный, —
Похоронный, панихидный.
Иноземческий приказ —
Это значит, не для нас!
То приказ для иноземцев —
Англичан, французов, немцев.
Вот Скорняжная палата,
Что пушниною богата:
Всё бобры, да соболя,
Да куницы для Кремля.
Вот Стрелецкий и Пушкарский,
Вот ещё приказ — Рейтарский:
Если грянет вдруг война,
Будет конница сильна.
Так вели при Филарете
Все дела приказы эти.
А боярство Филарет
Собирал в большой совет,
Неподвижный и угрюмый,
Что звался Боярской думой.

ПРО ОБРОКИ И ПРО ВЗЯТКИ — ПРО БОЯРСКИЕ ПОРЯДКИ

Вяленая рыбица! Сельди паровые!
Дешёвые, грошовые! Почти что даровые!»
Идёт лоточник по Москве,
Несёт лоток на голове,
И слышно в околотке:
«Рыбица! Селёдки!»
Идёт лоточник с горки вниз,
И вдруг, откуда ни возьмись, —
Большая, грубая рука,
И он увидел седока,
Что, как разбойник белым днём,
К стене припёр его конём.
Седок пригнулся, говоря:
«Ты что? Слыхал указ царя:
Ни рыбного и ни мясного,

Отныне ничего съестного
Носить по улицам не сметь!
Должны лари в рядах иметь.
Ведь прибыль батюшки-царя
В оброке с каждого ларя.
А то вы больно хороши—
Себе лишь, только барыши!
Тебе отселе, подлецу,
Идти к Варварскому крестцу.
Отстроен нынешней весной
Там рыбный ряд и сельдяной.
А эти все селёдки
Пойдут моей молодке!»
И тут же всадник весь лоток
Перевернул к себе в мешок,
Связав всю рыбу, что была,
И приторочил у седла.
Лоточник, одурачен, зол,
С пустым лотком в ряды пошёл.
А всадник свистнул плёткой
И… ускакал с селёдкой.

То был объезжий голова,
Его боялась вся Москва.
Он мог стучать у всех дверей,
Он мог кричать: «Открой скорей!
Чай, топит бабка печь у вас —
Уж пополудни, пятый час!
Ей парить кости стары,
А на Москве пожары!»
Указ цари для москвичей,
Чтоб летом не топить печей.
Объезжий беспощаден, строг:
«Кто затопил — плати налог!»
Так с москвичей за годы
Текли царю доходы.

Стучит объезжий голова:
«Кто нынче здесь привёз дрова?
Кто их из лесу приволок?
Давай плати царю налог.
Не знаешь, чай, порядка —
Нельзя рубить украдкой!»
А вот ещё одна беда.
Копали глину у пруда:
Хозяин чинит старый дом,
Замазать печи нужно в нём.
Глядят — объезжий тут как тут:
«Налог за глину — грош за пуд!»
И платит горемыка —
Не заплати поди-ка!

Спешит объезжий голова,
Ещё вчера прошла молва,
Что на слободке где-то тут
Девицу замуж выдают.
Вон двор открытый — видно, тот:
Венки да ленты у ворот.
Объезжий входит: «Дому — мир!
Видать, у вас готовят пир?
Жених невесте богом дан?
Ну что ж, давайте пива жбан,
Да вон хозяйка квасит квас.
Уж много не возьму я с вас —
Кваску да браги по ведру.

С других-то боле я беру.
Да денег для почина
С молодки три алтына!»
Зимой, когда на речке лёд,
Опять объезжему доход.
Стоит объезжий на реке,
От проруби невдалеке.

Как выйдет баба на ледок —
Берёт он «прорубный налог»:
«Давай за полосканье
Казённое взысканье!»
Так было всюду и везде,
И жил народ в большой нужде.
И собирал объезжий — враг —
С людей налог за каждый шаг.
И тот лишь только не платил,
Кто при дворе царю служил,
Тех не касался голова:
Плели девицы кружева,
Пёк царский пекарь калачи,
Ковали медники ключи

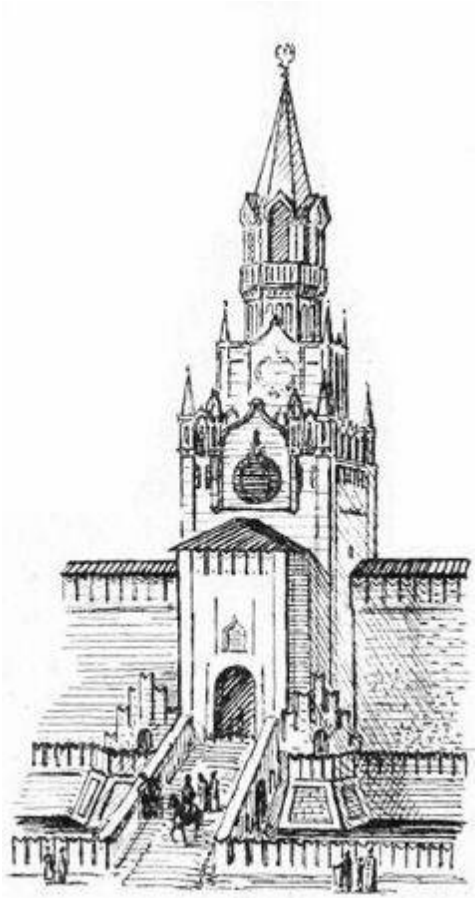
Для царских клетей и палат,
Садовник холил царский сад,
В палатах печи клал печник,
Топил их царский истопник.
Царёвых слуг не трогали,
Не мучили налогами.
Но лучше всех царёвых слуг,
Сытней, надёжней всех вокруг
Жилось объезжим головам,
Как тем, кто не работал сам.
Кто проверял их? Где? Когда?
У них ни чести, ни стыда.
От взяток их по всей стране
Не столько прибыли казне,
Как людям разорение,
Разбою — поощрение.
Всё потому, что из Москвы —
Как милость — должность головы
Царь отдавал всегда тому,
Кто больше нужен был ему:
Лишь тем приспешникам, кто мог
Отнять у нищего кусок.

1624—1634 годы

О КУРАНТАХ, О ЧАСАХ И О ПРОЧИХ ЧУДЕСАХ

Как в сказке, ярки и пестры
Стоят в Кремле хоромы,
Меж ними тесные дворы,
Проходы, водоёмы.
Друг к Дружке лепятся, теснясь,
Шатры, венцы, ступени.
Тут птица сирин, наклонясь,
Глядит с крылечка в сени.
Там, на трубе, сидит орёл.
Здесь — златопёрый кочет.
Тут, на ступеньках, лев; он зол —
Глядеть на вас не хочет.

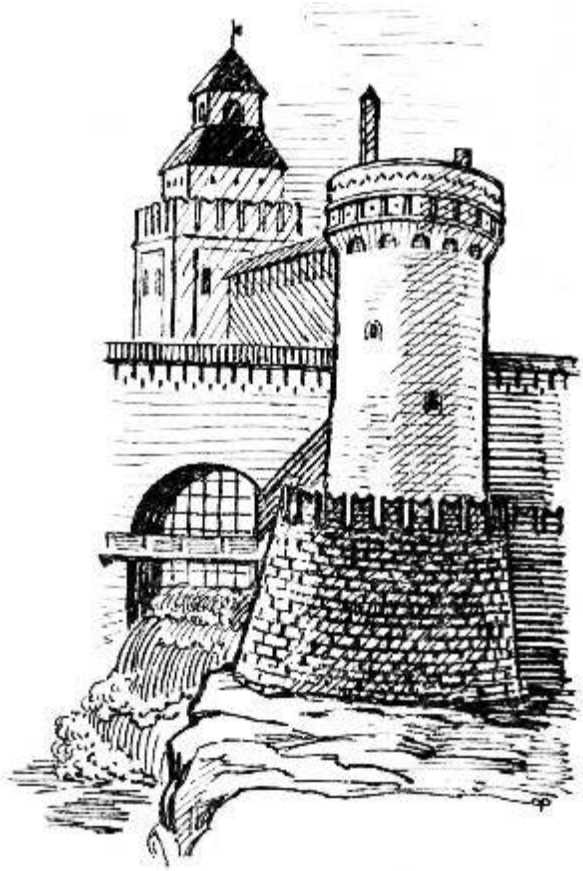
И всюду чудная резьба,
Расцветка, позолота.
Посмотришь — строилась изба,
А сделал сказку кто-то.
Вот так в Кремле среди дворов,
Прекрасное на диво,
Уменьем русских мастеров
Искусство выходило.
Но деревянные дома
Съедал пожаров пламень.
И стали брать на терема
Чудесный белый камень.
А меж палат цвели сады
С беседками, с прудами,
И пели там на все лады
Щеглы с перепелами.
Скамьи таились в уголках,
И кое-где висели
На толстых золотых шнурках
Уютные качели.



Давно прошли те времена
(Три века миновало),
С тех пор кремлёвская стена
Переменилась мало,
Но башни были без шатров,
Приземистей, короче,
И вот позвали мастеров —
Умелых русских зодчих.
Они трудились много дней,
Чертили и считали,
Чтоб выше, легче и видней
Все эти башни стали,
Чтоб стали башни с той поры
С верхушками иными,
Чтоб шестигранные шатры
Раскинулись над ними.
На Спасской башне львы, орлы,
Егорий — змей крылатый,

А тут ещё на все углы
Нагромоздили статуй.
Фигуры наги — вот беда!
Ведь это непорядки!
И сшили статуям тогда
Кафтаны-однорядки.
В дождь, в пыль, от солнечных лучей
Кафтаны выгорали,
Но наготою москвичей
Отныне не смущали.
А вот и первые часы —
Куранты башни Спасской,
Огромный жёрнов для красы
Окрашен синей краской.
Скрипит тяжёлый циферблат —
Вращается тарелка,
И цифры золотом горят
Под неподвижной стрелкой.
И «перечасье» громко бьют
Куранты над Москвою,
И горожане узнают
Часы во время боя.
Мы б все дивились в наши дни
Часам на башне Спасской,
А нашим прадедам они
Казались чудом, сказкой.

Для всяких праздничных услад
И всех потешных дел
Дворец потешный средь палат
Построить царь велел.
И вот построил тот дворец
(Что и поныне там)
Романов, плотник-молодец.
Он лазил по лесам,
Он сводом делал потолок,
Он резал сам венцы,
Любой резьбой украсить мог
Колонки, поставцы.
И был находчив, ловок, смел,
И, не боясь труда,
Он всё в строительстве умел
И нужен был всегда.



…Быстра Неглинка и шумна
По городу кружилась,
У башни Свибловой она
С Москвой-рекой сдружилась.
Под этой башней угловой,
Что и сейчас на месте,
Неглинная с рекой Москвой
Всегда шумели вместе.
Хозяйство было не хитро:
И летом и в морозы
Таскали за ведром ведро
Из речек водовозы.
И с коромыслом шли к реке,
И с бочкой подъезжали.
Ряд бань стоял невдалеке —
Государи держали.
И вот «розмыслы» в башню ту
Пришли, науку зная,
И поднялась на высоту

Тогда вода речная.
Насосы, трубы, рукава
Прилажены, готовы.
Гордиться может мать-Москва
Водопроводом новым.
Сказать по правде, той воды
На город было б мало —
На Кремль и на его сады
Воды едва хватало.
Но в этой малости — простор
Для гордости народной.
И башню Свиблову с тех пор
Прозвали Водовзводной.

КАК ЖЕЛЕЗО ДОБЫВАЛИ И ОРУЖИЕ КОВАЛИ

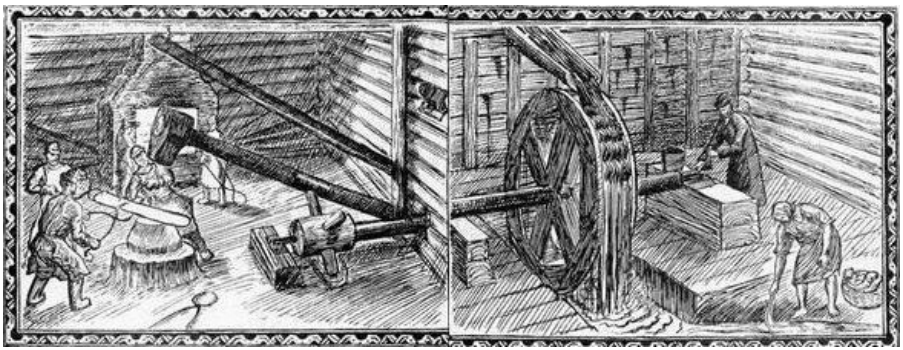
В глубине подземной, чёрной
Еле теплится свеча,
День-деньской с киркой проворной
Распрямить нельзя плеча.
Под землёй кирка укрылась,
Глубоко в породу врылась
За рудой железною,
Нужною, полезною.
Под землёю тяжко, душно,
И порода непослушна.
Много ль за день здесь пробьёшь!
Мало ль пота здесь прольёшь!
Люди черны, словно черти,
Что ни час — готовы к смерти.
Под землёй крепленья малы
И надёжных нет столбов,
Рудокопов ждут обвалы:
Тронул глыбу — и готов!
И засыплет, и завалит,
Да ещё огнём запалит,
Или всех удушит разом
Ядовитым, вредным газом,
Иль ещё какой бедой,
Иль затопит всех водой.
Так и бродит около
Горе рудокопово!
Ядовитый газ сочится
Незаметною струёй,
Рудокопы ловят птицу
И берут с собой в забой.

Если кто на газ наткнётся —

Птица быстро задохнётся.
Это значит, что пора
Рудокопам на-гора!
А куда ж теперь, куда
Из земли пойдёт руда?
А куда пойдёт руда
После тяжкого труда?
Как под Тулою река,
Полноводна, широка,
Меж лугов и пашен вьётся,
Тулицей она зовётся;
В ней вода быстра, сильна,
Вертит мельницы она.
Есть на Тулице запруда,
Чтобы силу взять у вод;
Эта сила — просто чудо,
Этой силой встал завод —
Первый Тульский оружейный,
И ему нужна руда,
Первый пушечный, ружейный —
Пусть руду везут сюда!
Здесь отливки хороши:
Пушки, ядра, бердыши,

И чего тут только нету:
И пищали, и мушкеты,
Шпаги, пики и мечи —
Всё, что хочешь, получи!
Но не только там военный
И другой товар отменный.
Вместе с пушками с завода
Всё везут для обихода:
Топоры, лопаты, пилы,
Плуги, бороны и вилы,
Для хозяйства таганы,
Сковородки, чугуны,
Молотки, отвёртки, клещи
И ухваты для лечи.
Все хозяйственные вещи —
Всё, что хочешь, получи!
День и ночь пылает домна,
В сутки хвалится она
(В наши дни, конечно, скромно)
Ста пудами чугуна.
Но для древней русской домны
Эта выплавка огромна;
Это русский был завод,
И гордился им народ.
Древний молот — чудо было,

До чего ж он был здоров:
Водяною движим силой,
Весил двадцать семь пудов!
Как он бухнет в наковальню —
Сплющит плавленый металл.
В закоулок самый дальний
Этот грохот долетал!
Долго, туго, тяжело
Дело новое росло.



Государя приказные
Здесь ворочали дела,
Люди грубые и злые,
Власть чиновничья была.
А работать на завод
Из посада шёл народ.
Всяк, кто беден, нищ да гол,
На завод работать шёл.
Здесь под грохот, лязг и стук,
Что разносится вокруг,
Скоро станешь кузнецом,

Подмастерьем, гончаром
Да литейным-молодцом!
Приказные — норов лют —
Батогами смертно бьют.
Бьют «за дело», бьют и зря
Слуги батюшки-царя.
Так и жили, больно биты,
Не одеты и не сыты,
Те литейцы-туляки,
Мастера большой руки.
То шахтёров наших деды
И рабочих наших деды,
Их заслуги велики.

КАК ДРУГ ДРУГА В ЭТОЙ БЫЛИ ДВА ХОЛОПА ПОЛЮБИЛИ

За княжеским селом, в бору,
Под мшистой, старой ёлкой,
Встречались рано поутру
Улита и Николка.
Синел над ними небосвод,
И облака в нём плыли.

Холопы разных двух господ
Друг друга полюбили.
И полюбили навсегда,
И счастливы друг с другом,
Да только вот лиха беда —
Нельзя встречаться слугам.
Улита — девка не вольна,
Холопка князя Львова,
Николка — раб Бутурлина,
Боярина большого.
Холопку с тёмною косой,
С улыбкой светлой, милой
Любил оборванный, босой
Кузнец могучей силы.
И вот они в лесу одни,
Над ними ветви гнутся.
Друг другу преданы они
И в верности клянутся.
«Никола, сокол! Пусть умру,
Любить не перестану!» —
«Улита, нынче ввечеру
Пойдём к попу Ивану.
Пусть обвенчает нас с тобой,
А там гадать не будем.
Уж коли не пойдём в разбой,
Пристанем к беглым людям!»
Дрожит Улита, чуть дыша:
«Никола, сокол ясный!
И смерть с тобою хороша…
Пойдём к попу, согласна!» —
«Так ты приди, не обмани,
А там — вдвоём до гроба!»
И снова в верности они,
В любви клянутся оба.
«Приду, Николка, дорогой!»
Последнее объятье,
И замелькало меж листвой
Узорчатое платье.

У князя Львова стольник был —
Красавец Федька Гладкий.
Князь очень стольника любил
За льстивые повадки.
С присказкой Федька-балагур

Подаст обед и ужин,
И, если князь угрюм и хмур,
Ему лишь стольник нужен.
У Федьки залихватский вид
И шуточка готова,
Умело Федька веселит
Гостей у князя Львова.
Меж сотен княжеских людей
Нет никого проворней,
Но как глумится лиходей
Над бедной княжьей дворней!
Всегда за всеми он следит,
Чуть что — доносом сгубит,
И никого он не щадит,
И никого не любит.

Был вечер. Над полями плыл
Медовый запах сладкий.
Домой из города спешил
В усадьбу Федька Гладкий.
На быстром ехал он коне,
Да напевал дорогой,
И вдруг заметил свет в окне
Часовенки убогой.
«Давно здесь не было огня», —
Подумал Федька Гладкий,
И тихо он сошёл с коня,
В окно взглянул украдкой.
И что же? Видит он обряд:
В часовенке забытой,
Склонившись под венцом, стоят
Чужой холоп с Улитой.
Колечко медное холоп
Улите надевает,
Венчает бутурлинский поп,
Молитву йапевает.
«Улита с княжьего двора,
Бесстыжая холопка!
Она хозяев провела,
Да как, скажите, ловко!»
Тут Федька, сдерживая гнев,
Вскочил на вороного
И, плёткою коня огрев,
Помчался к дому Львова.

А молодые, дав пятак
За то, что их венчали,
Пошли тропой через овраг
С котомкой за плечами.
Пошли они в ночной тиши
Через леса-дубравы,
И звёзды были хороши,
И сладко пахли травы.
Пред ними расстилался путь,
Луна плыла высоко.
«Дойдём, Улита, как-нибудь?» —
«Дойдём, дойдём, мой сокол!»

Они дошли… лишь до границ
Владений князя Львова,

И тут они из вольных птиц
Рабами стали снова.
Князь по следам отправил псов
И всю свою охрану.
Они нашли их средь лесов,
Нагнали утром рано.
И на Николу-силача
Они напали кругом.
Улита, плача и крича,
Кусала руки слугам.
Пятнадцать слуг! И всё ж она
Пыталась с ними драться.
«Не девка — чистый сатана!
Вяжите девку, братцы!»
Пятнадцать всё ж двоих сильней —
Связали их вначале,
Потом взвалили на коней,
На львовский двор помчали.
Среди двора ремнём тугим
Пороли их нещадно,
Чтоб бегать было всем другим
Холопам неповадно.
Потом их бросили в овин
В беспамятстве тяжёлом.
И тут явился Бутурлин:
«Где мой холоп Никола?» —
«Где твой холоп? — промолвил князь. —
Он был твоим доныне,
Но, на моей рабе женясь,
Он мой. Лежит в овине!» —

«Как это так? — кричит сосед. —
Не потерплю потери!
Таких порядков ныне нет.
Кто их венчал? Не верю!» —
«Кто их венчал? — промолвил князь. —
Да по закону вроде.
В часовне старой, схоронясь,
Твой поп, в твоём приходе!» —
«Не может быть! Позвать сюда
Ко мне попа Ивана!
Я — Бутурлин и никогда
Не потерплю обмана!»
Приволокли попа во двор.
От страха поп — раскосый.
«Эй, поп, с каких же это пор
Ты стал венчать без спроса?
Венчал Николку? Отвечай!»
Поп в ноги повалился:
«Пристали, бесы: обвенчай!
Ну, я и соблазнился.
Прости, боярин!» — молит поп.
Хотел боярин с маху
Попа ударить палкой в лоб,
Но… помер поп со страху.
«Убрать попа! — промолвил князь. —
Боярин крут, однако.
Попа сгубил ты осердясь,
Но не расторгнул брака.
Тут для тебя управы нет,
Их разлучить не в силах
Никто — ни я, ни ты, сосед, –
Хотя бы ты убил их!»
Не делят мужа и жену —
Как рассудить такое?
Князь предложил Бутурлину
Пройти в его покои.
Был спорить Бутурлин горазд —
Ну, кто кому уступит?
Свою ль холопку Львов продаст
Иль сам холопа купит?
Обоим нужен был кузнец,
И оба знали это.
И порешили наконец

Спросить у Филарета.
И к патриарху во дворец,
Чтоб к утру быть в приказе,
Помчался с грамотой гонец —
Любимый стольник князя.

Июльский вечер уронил
В поля клочки тумана.
Близ церкви спешно хоронил
Дьячок попа Ивана.
Цветы глядели на луну,
Сиянием облиты.
Вдруг из овина в тишину
Донёсся стон Улиты
И бормотанье, как во сне.
И снова стало тихо.
А из усадьбы на коне
Промчался стольник лихо…

Два дня прошло — ответа нет.
На третий день с рассветом
Примчал гонец, привёз ответ
С печатью Филарета:
«Дабы на грех не разлучать
Холопов, что в законе,
Тебе, князь Львов, должно продать

Твою холопку ноне
На вотчину Бутурлина.
Таков закон. К тому же
Муж бутурлинский, а жена
Да убоится мужа!
Так и писание гласит.
Поставлено на этом
Мной, патриархом всей Руси,
Смиренным Филаретом».
«Ну, коли так, — промолвил князь, —
Судом решилось высшим,
Возьмём перо, благословясь,
И купчую напишем!»
И, сняв кафтанец голубой,
Вразвалку сев на лавке,
Князь посадил перед собой
Ярыжку в камилавке
И строго наказал ему:
«Пиши, да слово в слово:
«Боярину Бутурлину
От князя Фирса Львова.
Тебе, боярин, должен я
Продать рабу открыто.
Вот какова цена моя
За Павлову Улиту:
Цена девчонке — пять рублей,
Как молодой крестьянке,
Но десять пуговиц на ней
Серебряной чеканки,
Да две застёжки серебра,
Дарёного княгиней;
Обувки, прочего добра,
Что девка носит ныне,
Рублей на девять.
Итого — Ни много и ни мало —
Четырнадцать рублей всего
Нам получить пристало.
Засим, боярин, будь здоров,
Гонцу казну доверю,
Отдай безбоязно. Князь Львов».
Гонец стоял у двери.
Князь Федьке грамоту вручил.
Прошло ещё немного —
Письмо боярин получил

И развернул с тревогой.
И тут же принялся кричать:
«Грабёж! Что за порядки!»

Но Филаретову печать
Ему подсунул Гладкий.
Боярин нехотя замолк,
Свернул цидулу в трубку,
Достал кошель, взглянул как волк
И оплатил покупку…

Случайно нашим крепостным
Досталась участь эта.
Могло бы быть совсем иным
Решенье Филарета.
Могли их разлучить навек,
Перевенчать с другими,
Могли убить их за побег
Иль зверствовать над ними.
И с трепетом крестьянка-мать
Своих детей растила:
Помещик мог детей продать.
Помещик — это сила!
Он мог впрягать холопов в плуг,
Менять их на скотину.

Вот почему бежал на юг
Холоп от господина.

1647 год

ЧТО ЗА ЦАРСКИЕ ЗЯТЬЯ, ОТ КОТОРЫХ НЕТ ЖИТЬЯ!

По снегам, дорогой дальнею,
Через всю Сибирь в Тюмень,
Под дугою песнь печальную
Бубенцы поют весь день:
«Ой, да нанесли обиду нам
В царском тереме в Москве!
Ой, в позоре мы невиданном —
В неудачном сватовстве!»
На возок метель бросается,
Бубенцы поют в тоске
О Ефимии-красавице,
Что сидит одна в возке,
О красе, царём замеченной,
Алексеем молодым,
О судьбине, изувеченной
Царским дядькою седым.

Царь, послушный и безропотный,
Вдруг невесту выбрал сам,
Но Морозов, дядька опытный,
Все дела прибрал к рукам.
Знал он, на кого надеяться,
Знал, кому наказ шепнуть —
В день смотрин венец на девице
Туго-натуго стянуть.
И когда к ней тёмной тучею
Дурнота подкралась вдруг,
«У Ефимии падучая!» —
Зашептали все вокруг.
«Уж роднёй царю не станете!» —
Думал дядька, втайне рад,
А Ефимию без памяти
Выносили из палат…
Вот и всё! Й едет девица,
Бубенцы звенят в тоске.
Ей самой теперь не верится,
Что сидит она в возке,
Что за ней в возках, опальные,
И отец, и мать, и брат,
Что дорогой этой дальнею
Не вернуться им назад.
Может, там навек останутся…
И в столице с той поры
За царёвым дядькой тянутся
Все боярские дворы.
Вёл он хитрую, заправскую

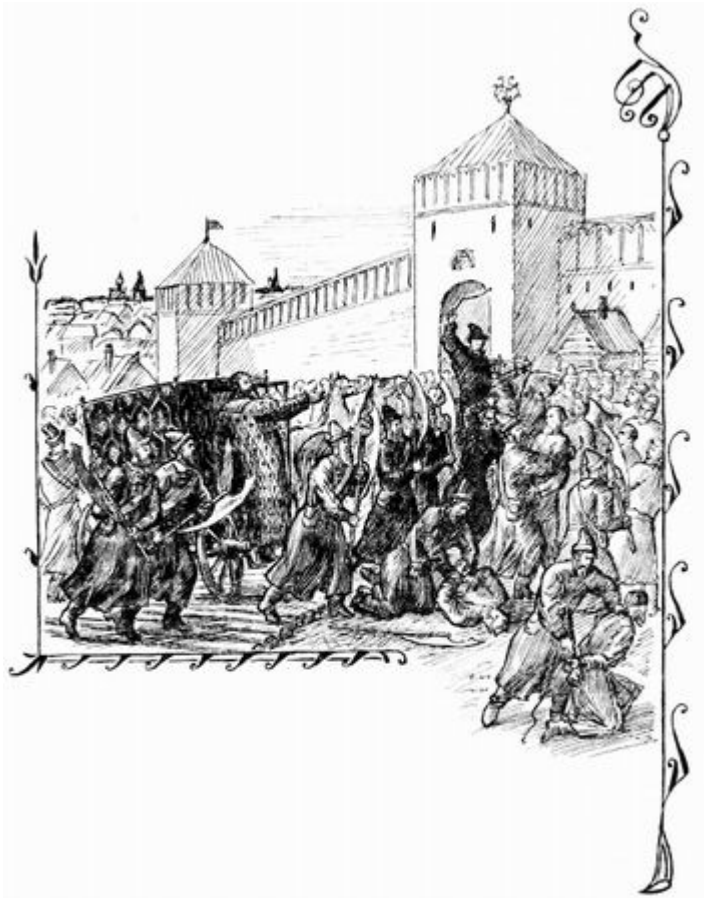
При дворе игру свою:
В жёны Марью Милославскую
Подсудобил он царю.

Видит дядька — Марья нравится,
Всем пришлася ко двору,
В жёны взял тогда красавицу —
Марьи младшую сестру.
Вот теперь бояре знатные,
Хоть Морозов не любим,
Шапки пышные горлатные
Все ломают перед ним.
С государем тесно дружен он,
Государю сильно нужен он,
Никогда и ничего
Не решают без него.
Ничего!
Слышит речи он хвалебные,
А за ними зависть, лесть.
Он богат: поместья хлебные,
И стада, и нивы есть.
Всё — его! Леса не сечены
Близ его курмышских сёл,
А в лесах деревья мечены,
На которых дупла пчёл.
И везут ему, Морозову,
Рожь, пшеницу, рыбу, мёд.
Утаят — так он угрозами,
Дыбой, плёткой всё возьмёт.

За своё возьмёт соседнее —
Что угодно может взять,
У крестьян возьмёт последнее.
Государев, царский зять
Любит взять!
Царский зять дела дворцовые
Ловко исподволь ведёт
И за петлей петлю новую —
Сеть огромную плетёт.
В каждой петельке крестьянская
Иль холопская душа —
Арзамасские, рязанские,
Чухломские, галичанские,
С Вязьмы, Твери, с Курмыша.
Сеть плетётся не спеша.
И такая необъятная
И тугая эта сеть,
И такая беспощадная
Та приказчикова плеть,
Что холопа бьёт отчаянно
За утайку, за побег.
А крестьян-то у хозяина
Сорок тысяч человек.
Он под новый год запасливо
Рожь скупал по всей стране,
Чтоб втридорога на масленой
Продавать её казне.
Не помрёт Морозов с голода
И не сможет нищим стать —
Накопил он столько золота,
Что боится ночью спать
Царский зять!

1648 год

БЫЛЬ О ТОМ, КАК РУССКИЙ ЛЮД ТРЕМ ВРАГАМ УСТРОИЛ СУД



Зимою холодной, весной в ледоход,
И летом, и осенью мглистой
Три царские дьяка душили народ:
Плещей, Траханиотов и Чистый.
Им первый защитник — Морозов-злодей.
Они и казнят и пытают,
Налогами мучают бедных людей,
А царский зятёк потакает.
В Москве у бояр — через край закрома,
А рядом у бедных — пустая сума,
Краюха хлеба, щепотка соли —

И взять с него нечего боле.
Царёва казна пополняться должна,
А что-то пустеет царёва казна!
Дворец без казны оставаться не мог,
А где ж её взять и откуда?
Тогда-то на соль наложили налог:
По двадцать копеек с пуда.
И плохи пошли в государстве дела,
И стало на рынках пусто.
Без соли на промыслах рыба гнила,
И портилась в кадках капуста,
Портилось мясо, портилось сало,
И на зиму битая птица сгнивала.
Ну как хранить запасы,
Коль соль дороже мяса?
С налогом нет прибыли царской казне —
С ним голод и мор загулял по стране.
И тут прокатилась зловещей волной
Народная ненависть грозно.
Тогда отменили налог соляной,
Но это было поздно…
Однажды летом, в июньский зной,
Царь ехал домой с богомолья.
Собрали народ у ворот под Москвой
Встречать его хлебом-солью.
Возок золочёный, на солнце горя,
Нырял по ухабам дорожным,
Стрельцы по пути охраняли царя —
Так зять приказал осторожный.
Возок поравнялся с толпою густой,
Народ окружил Алексея:

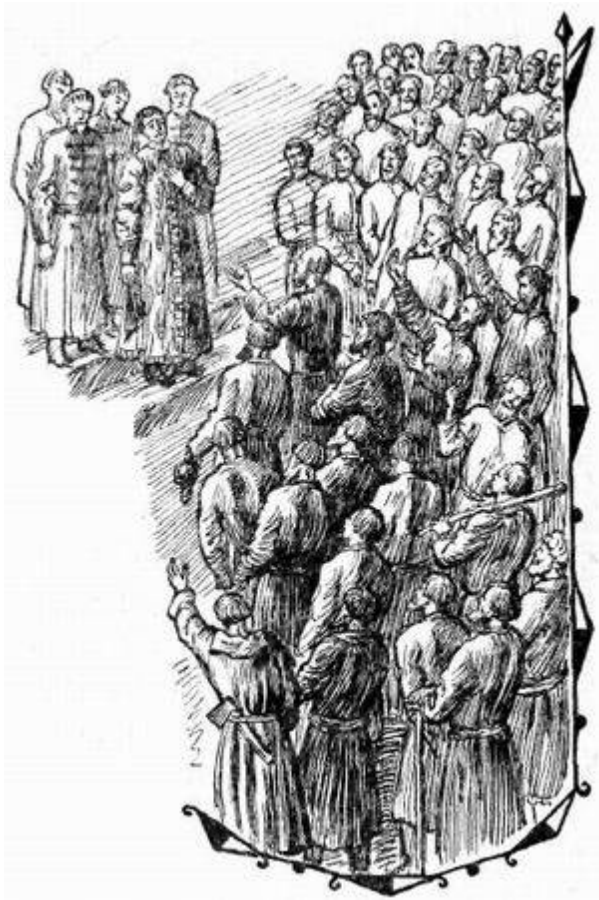
«Ой, батюшка-царь, погоди, постой!
Избавь ты нас от Плещея!
Избавь ты, батюшка, нас от бед —
Совсем заморил нас Плещей-мироед!» '
Боярин Морозов озлился вдруг
(Плещеев Морозову — первый друг),
Дыбятся кони, кричит народ,
Плачут старухи, дети,
И тут Морозов приказ отдаёт:
«Взять эту падаль в плети!»
Взяли стрельцы, как велел им злодей,
Бьют беспощадно, увеча,
Тащат в тюрьму беззащитных людей,
Тем и кончается встреча.
Наутро молиться пошёл Алексей.
Народ его ждал у церковных дверей:
«Батюшка-царь! Благодетелем будь,
Воззри ты на наши печали!
Вели ты нам наших людей вернуть —
Вечор их в тюрьму забрали!»
Царь обещал мужикам помочь
И, словно боясь разговора,
Сам зашагал поскорее прочь,
Прямо к дверям собора.
«А зря ты, боярин, играешь с огнём! —

Зятю сказал он строго. —
Вели отпустить их нынче же днём,
Лучше не злить народа!»
Кусая ус, Морозов молчал,
Зажав рукоятку плети,
И понял царь, что приказ опоздал,
Что пленников нет на свете.
Шумела толпа, в терема стучась,
Был Кремль наводнён народом,
А в трапезной был в тот грозный час
Обед государю подан.
И гнев тогда овладел толпой,
И вломилась она в палаты:
«Где Плещеев твой? Где Чистый твой?
Где Морозов, злодей проклятый?»
Царь, перетрусив, сказал бунтарям:
«Коль вы слуг боярских сильнее,
Коли челядь моя досаждает вам,
Справляйтесь вы сами с нею!»
И пошли бунтари на боярский двор,
На Морозов двор на богатый, —
У кого колун, у кого топор, —
И вломились они в палаты,
И давай ломать, рубить, разорять,
Сундуки да лари из окон швырять.
И когда весь дом подожгли они,
Запылали ковры дорогие,
На Плещеев двор подались одни
И к Чистому, дьяку, — другие.
По бревну разнесли Плещеев дом;
Хозяин спрятался где-то с трудом.
У Чистого, дьяка, разграбили двор,
Амбары сожгли и овины;
Хозяин, что в доме таился, как вор,
Убит был ударом дубины.
И шли бунтари, бушуя, крича,
И ненависть в людях пылала.
Полсотни домов разнесли сгоряча.
К ночи толпа устала…
Царь не мог ночью спать.
А наутро — опять
Колокольный набат,
Снова люди кричат,
В окна, в двери стучат

Всё настойчивее, всё злее:
«Выдавай, государь, нам Плещея!»
Не пристало царям
Уступать бунтарям,
Но пришлось, плачь не плачь.
Поп и царский палач,
Окружённые стражей — стрельцами,
Выводили Плещеева сами.

И схватили врага,
И была недолга
С ним расправа:
Дождался мести —
Рассчитались дубинкой на месте.
Думал царь, что конец,
Что теперь во дворец
Он спокойно уйдёт,
Что утихнет народ

И теперь замолчит.
А народ знай кричит:
«Полно, царь! Не обманывай, хватит!
Выдавай нам Морозова-зятя!»



И тогда Алексей
Вышел сам поскорей
И без шапки, как был,
Со слезами просил
Пощадить старика
(Хоть вина велика).
И, дыша тяжело,
Подивилися зло
На царя бунтари:
«Ишь как плачут цари!
Ну, коль дядьки Морозова нету,
Траханиотова выдай за это!»
Уступил Алексей

Воле тех бунтарей:
Обезглавлен был так
Люда бедного враг —
Траханиотов-паук,
Зятя царского друг.
А Морозов, прежде чем скрыться,
Приказал подпалить столицу.
Море, море огня
Бушевало три дня!
А Морозов в возке
Был уже вдалеке.
Он ни свет ни заря
Под защитой царя
Ускакал поскорей
От толпы бунтарей
Спрятать шкуру свою
В Белозерском краю.
В этот край он не раз
Отсылал с царских глаз
Всех, кто к милостям царским стремился,
Кто меж ним и царём становился.

1649 год

ОБ ОКОНЦЕ ДЛЯ ПРОШЕНИИ, О СОБОРНОМ УЛОЖЕНЬЕ

В царских покоях все двери резные,
В окнах узорчатых стёкла цветные,
В ярких разводах половики,
Ярко расписаны все потолки.
Что там за роспись чудесная!
На небе солнце — ив тереме солнце.
На небе месяц — ив тереме месяц,
На небе звёзды — ив тереме звёзды,
Вся красота поднебесная!
В пышно разубранном царском покое
Есть небольшое оконце такое;
В этом окне для прошений, для дел
Ящик на длинной верёвке висел.
Люди к нему во дворе подходили,
Клали прошенья, других приводили.
Вечно у ящика бродит народ,
Смотрит в окошко, надеется, ждёт —
Скоро ли ящик поднимется?
Скоро ли дело подвинется?
Скоро ли царь разберёт челобитные?
Скоро ли снимет доносы обидные?
Скоро ли будет прочитана жалоба?
Эх, каб недолго она там лежала бы!
Люди несут да несут, и, бывало,
В ящике доверху дел набегало.
Смотрит народ — ящик полон давно,
Что-то верёвку не тянут в окно.
Ящику те, кто страдал в ожиданье,
«Долгого ящика» дали прозванье.
Вот отчего поговорка была:
«В ящике долгом лежали дела».
Люди за них волновались недаром:
Царь отдавал разбирать их боярам,
Не по закону — за выкуп, за взятки;
Вечно в приказах грабёж, беспорядки.
Снова идти ко дворцу на поклон,
К ящику — бить государю челом.
Так и тянулось несчётные годы,
Стало расти недовольство народа.
Видят бояре — плохие дела:

Как бы толпа бунтовать не пошла!
Эти волненья боярам знакомы,
Надо скорее упрочить законы!
И созывается Земский собор:
Думные дьяки явились во двор.
Сердятся, спорят, бранятся, кричат,
Перья писцов на бумаге строчат,
Роются думные в сборниках разных,
В старых судебниках, в книгах указных,
В древних приказах, в законах всё рыщут
Да подходящих порядков всё ищут.
То, что им выгодно, то и берут.
Книга огромная выросла тут;
В ней все законы господского права
Были статьями уложены в главы.
То Уложенье, увидевши свет,
Прожило двести без малого лет.
Только всё это не к пользе народной —
Были законы дворянам угодны,
А уж крестьянам несло Уложенье
Столько позора, беды, униженья,
Так забрала кабала мужиков,
Как не бывало с начала веков.
Где б ни скрывались холопы отныне,
Числились всё ж при своём господине;
Где бы ни сеяли хлеб на земле,
Хлеб был господский, холоп — в кабале.

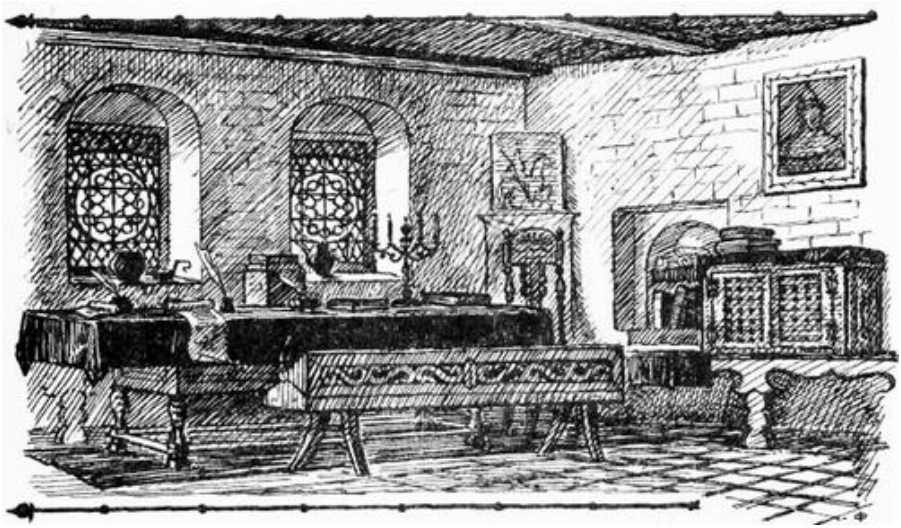
Стали законы безжалостно строги,
Тащат с народа оброки, налоги.
Деньги двору государя нужны,
Где бы достать их для царской казны?
Лучшего средства, пожалуй, и нету,
Как отобрать у народа монету,
Брать по оброкам одно серебро,
Медью на рынках платить за добро.
И постепенно исчезло с базаров
Всё серебро. А в оплату товаров
Вместо серебряных денег пошли
Медные, быстрой чеканки рубли…
Царь Алексей запирался в моленной,
Богу молясь о «грехах всей вселенной»,
Будто не знал, что вокруг в час моленья
Именем царским творят преступленья.

Что ему было до скорбей людских!
Вечер у всенощной благостен, тих,
Ладана дымка чудесная…
На небе солнце — ив тереме солнце,
На небе месяц — ив тереме месяц,
На небе звёзды — ив тереме звёзды,
Вся красота поднебесная!
Завтра к обедне пойдёт он с утра.
В царских подвалах полно серебра…
Царская власть эти деньги копила,
Царская власть — это хитрая сила.
Годы прошли. На тринадцатый год
Поднял обманутый русский народ
Знамя бунтарское, вечно живое,
Над непокорной своей головою.

1662 год

МЕДНЫЙ БУНТ

Был ли в Коломенском ты под Москвою?
Там повстречался ль с легендой живою?
Древняя сказка живёт до сих пор —
Белый воздушный старинный собор.
Больше таких мы, пожалуй, не встретим.
Выстроен он при Василии Третьем.
Тут простоял он четыреста лет,
Много он видел событий и бед.
А под холмами несчётные годы
Катит Москва-река древние воды.
В утренней дымке собор в серебре,
Возле собора стоит во дворе
Башня, что звонницей прежде служила.
В этих постройках великая сила
Русского зодчества. Тут же как раз
Маленький домик — Стрелецкий приказ.
Входишь — и сразу от двери, с порога
Неумолимо, спокойно и строго
Прошлое наше встаёт пред тобою
С горькой, кровавой народной судьбою.
Тут под решётчатым низким окном
Лавки, покрытые красным сукном,
Образ чернеет над низкою дверью,
Книги и свитки, гусиные перья,
Свечи в шандалах на длинных столах,
Зелень и ржа на цепях-кандалах.
Что же тут было? Стрелецкий приказ
Всё нам, читатель, напомнит сейчас…
Чудный дворец близ коломенской церкви
Выстроил царь. Все хоромы померкли
Перед дворцом деревянным резным,
Звался недаром он «чудом осьмым».

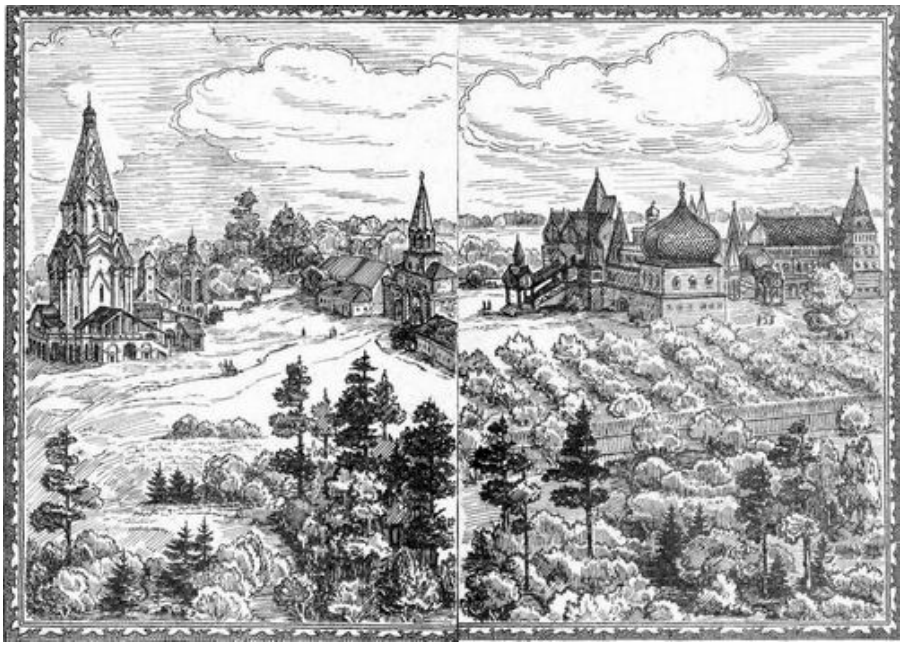


Нету дворца деревянного ныне,
Да не бывало б его и в помине,
Если бы мастера тонкий резец
Нам не оставил его образец,
Тот, что в приказе стоит под стеклом,
Напоминая о чуде былом.
Кто же построил то «чудо осьмое»,
Чудо затейное, всё расписное?
Плотники, два крепостных из крестьян —
Сенька Петров да Михайлов Иван
Делали дивные эти дела:
Разные башни, шатры, купола,
Кровли, крылечки, колонки витые.
А на стенах кружева золотые,
Ветки, гирлянды и нити из бус
Резал Арсений, старик белорус.

древний герб
города Ярославля

Всё расписное, на всём позолота,
Львы охраняли резные ворота,
И уж, наверно, видали они
То, что случилось в июльские дни.
С летней зарёю, лишь птицы запели,
Царь поднимался с пуховой постели.
Быстро откинул в покое своём
Ставень дощатый с фигурным «репьём»,
Глянул в оконце, как в храме соседнем
Дьякон готовился к ранней обедне;
Кликнул постельничих, сел на кровать
И приказал им себя одевать.
В этот же час на Лубянке, в столице,
Вдруг появились безвестные лица,
Грамоту ловко прибили к столбу,
Грамотой этой собрали толпу,
Скрылись в толпе, словно канули в воду,
Кто-то читал об измене народу
Двух Милославских — родни из дворца,
Шорина-гостя, большого купца,
Ртищева тоже, любимца царёва.
Слушали люди от слова до слова,
Как продают их бояре-дворяне,
Медные деньги украдкой чеканя,
Как серебро убирают в подвалы,
С польскими панами мало-помалу

Дружбу вести начинают они,
Всё с позволенья царёвой родни.



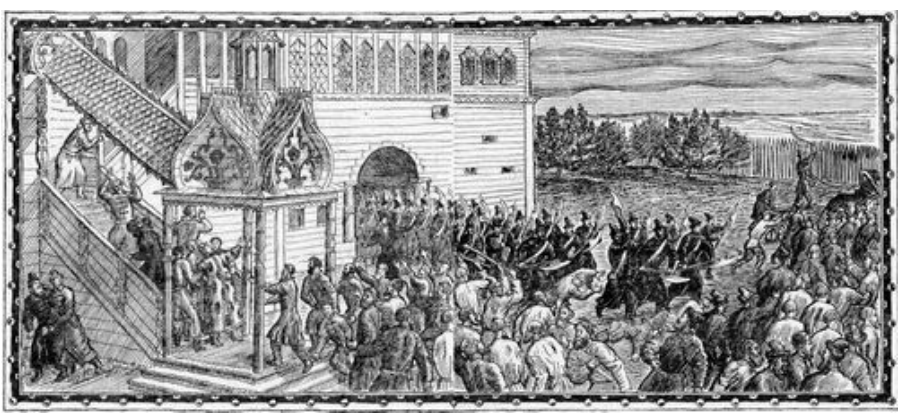
И закричали тогда москвичи:
«Долго ль нас будут душить палачи!
Братцы, к царю, к государю всем миром!
Нам ли страшиться, убогим и сирым,
Нечего взять с нас! Эй, братцы, идём,
Мы государю ударим челом!»
Тесно в толпе. Москвичи раскричались,
Царские дьяки верхами примчались,
Чтобы письмо оторвать от столба,
Но не позволила дьякам толпа.
В этой сумятице, ругани, драке
Не уцелели бы царские дьяки,
Если б на конях от мести суровой
Не утекли подобру-поздорову.
Только успели они улизнуть,
Хлынул народ на коломенский путь.
Шли на усадьбу к царю горожане,
Шли кузнецы, батраки и крестьяне,
Шли к государю-царю мастера,
Шли и надеялись — ждали добра.
Царь Алексей в это время в соборе

древний герб
города Астрахани

Слушал, как пели монашенки в хоре,
И равнодушно, не ведая дел,
Под балдахином роскошным сидел.
Вдруг со двора до него докатился
Гул голосов. Царь за сердце схватился,
Шёлковым платом он вытер лицо,
Перекрестился, пошёл на крыльцо.
Тут у царя задрожали колени…
Грозно всходили к нему на ступени
Гневные люди. Царь глянул с крыльца —
Батюшки светы, не видно конца!
«Царь-государь, выдавай нам измену!
Царским помощникам знаем мы цену.
Выдай бояр нам!» И, злобой горя,
Люди за пуговки тащат царя,
Тянут его за кушак и за полы.
Как усмирить их? Вот случай тяжёлый!
Царь обещает проверить всё сам,
Бьёт государь с мужиком по рукам,
Пухлую, в перстнях ладонь подставляя,
Сам умиляясь, попов умиляя.

Будто поверили люди на слово,
Хоть на царя поглядели сурово,
И по палящему зною, в пыли
Нехотя, медленно в город пошли.
Царь не хотел уже больше молиться,
Тут же гонцов отослал он в столицу,
Чтоб подготовить, на случай чего,
Войско стрельцов из дворца своего.
А на Москве бунтари всё смелее, —
Новые толпы пошли к Алексею,
Тут два потока столкнулись в пути
И порешили обратно идти.
Полдень-на башне куранты пробили,
Снова дворец бунтари обступили,
Снова выходит к ним царь из дворца,
Снова им всё обещает с крыльца.
Только народ, обещаньям не веря,
Ломится в окна, в дворцовые двери.

Солнце печёт, духота и жара,
Голодны люди, не ели с утра,
Гневом горячим от них так и пышет.
Царь перепуган, он видит, он слышит:
«Царь, отдавай-ка бояр ты добром!
А не отдашь — не оставим хором.
Чай, мы их сами тебе мастерили,
Чай, угольки-то в печи не остыли!
Коли порука царёва плоха —
Красного пустим тебе петуха!»
С каждой минутой угрозы смелее,
С каждой угрозою люди всё злее.
Нет на царе Алексее лица,
Только глядит он и видит с крыльца —
Войско! Стрелецкое войско подходит,
В спины народу пищали наводит.



К тучному телу прилипла рубаха,
Голосом сиплым, осевшим от страха,
Царь завопил: «Эй, скорее сюда!
Режьте, стреляйте, не то нам беда!»
Тут подскочили окольничих двое,
Взяли царя, утащили в покои.
И началась среди ясного дня
Страшная бойня, стрельба и резня.
Люд безоружный кололи, рубили,
В реку загнали, в реке потопили…
Тысяч пять-шесть горожан-москвичей
Там полегло от руки палачей.
Князю Хованскому велено было
Выпытать: чья же бунтарская сила,
Чья же бунтарская воля ведёт

Против бояр непокорный народ?
Скольких в Стрелецком приказе пытали,
Буквы на лбу, на щеках выжигали —
«В», «О» и «Р», чтоб ходил человек
С этим клеймом по земле весь свой век.
И от Коломенского до столицы
Выросли виселицы вереницей,
Страшной, пустынной дорога была…
Долго качались худые тела.

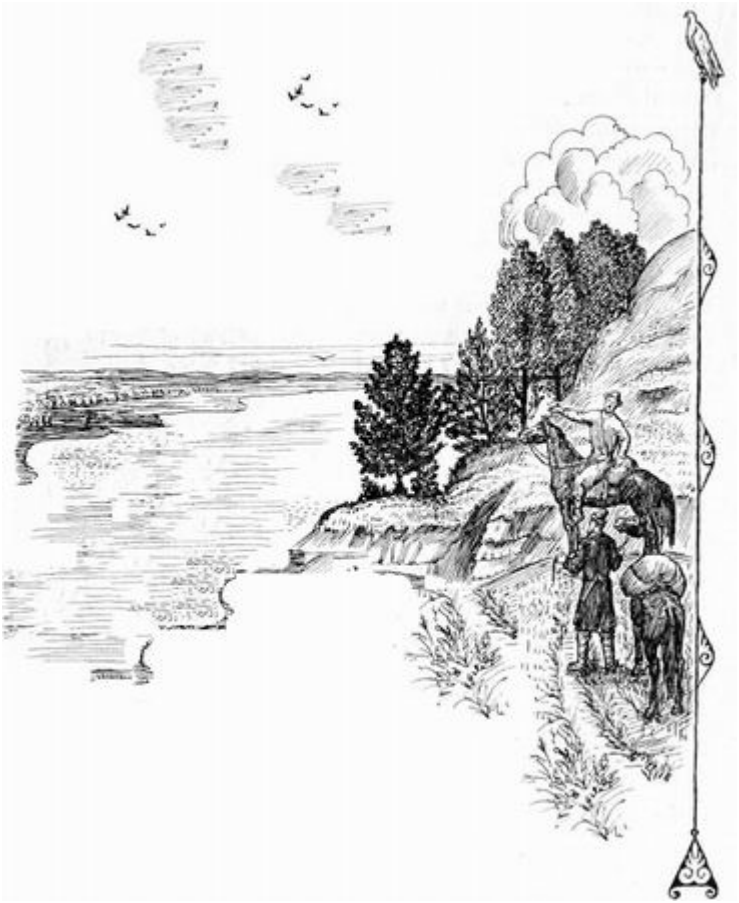
Горя полно, справедливости мало.
И хоть монету казна обменяла,
Но принимались Монетным двором
Сто рублей медных за рубль серебром.
Стало увечных, голодных и бедных
Чуть что не больше, чем россыпей медных.
И, говорят, через несколько лет
Сделать решётку из медных монет
Царь приказал. В теремах Алексея
Есть и поныне царёва затея.

Если когда-либо в Кремль попадёшь
Да по дворцу по Большому пройдёшь,
Ты на решётку взглянуть не забудешь —
Медную, странную, с лицами чудищ.
Эта решётка как память важна —
«Медного бунта» свидетель она.

БЫЛЬ О РАЗИНЕ СТЕПАНЕ, О КАЗАЧЬЕМ АТАМАНЕ

Собралась голытьба на Дону,
А прошла голытьба всю страну.
Хоть велик и широк белый свет,
Лучше Дона для вольницы нет.
Нет просторней и краше степей,
Нет синей да студёней воды.
Наклонись не спеша да попей —
Чай, за спинушкой нету беды.
И никто тебя тут не найдёт,
Злая дыба тебя тут не ждёт.
Собралась голытьба на Дону,
А прошла голытьба всю страну.
Ой, да, может, ещё что-нибудь
Призывало людей в этот путь?
Может, степь, что весною цвела,
А над нею кружились орлы?

Может, воля степная мила?
Может, песни казачьи милы?
«Ой ты, батюшка, тихий наш Дон,
Ой, да что же как стал ты мутен!
Кто ж тебя, тихий Дон, замутил,
У кого замутить стало сил?» —
«Ой, да как мне не мутну течи,
Коль со дна бьют студёны ключи!
Что ни день, то и дождик из туч,
Что ни день, то откроется ключ!
Те ключи буйно хлещут по дну».
Собралась голытьба на Дону,
Вольно дышит голяцкая грудь.
Ой, да, может, ещё что-нибудь?
А ещё там приманка была.
Та приманка — два вольных орла:
Стенька Разин да брат его Фрол.
Стенька Разин — могучий орёл.
Вот к нему-то и шёл беглый люд,
И стекалась к нему голытьба:
Коли жизни рабу не дают,
То на волю потянет раба.



Собралась голытьба на Дону.
Дон, волнуясь, встречает весну.
Отчего ж его «тихим» зовут
Те, что здесь берегами живут?
А живут возле Дона-реки
Беглецы, батраки, бедняки,
Что в казачьи станицы пришли,
Никого не лишая земли.
Основались, устроились тут,
Никому не мешая, живут.

А ещё здесь, меж вольных степей,
Те живут, что не знали цепей,
Те казаки, чья доля легка,
Что на бедных глядят свысока,
Что богаты в станицах своих,
Каждый ест, каждый пьёт за двоих.
Этим только бы жить — не тужить
Да оружьем царю послужить,
От татар охраняючи юг.
Ну, а правит казаками «круг»,
А казачья столица у них
На Дону, что спокоен и тих,
И Черкасском зовётся она;
Всем станицам столица нужна.
Там Корнила, там Яковлев сам

Атаман всем казачьим делам.
Так и было. Бедняк без угла,
Голь казацкая к Стеньке ушла,
А казак, что богат, домовит,
За спиной у Корнилы сидит.
Оба стана на тихом Дону.
Главари будто чуют войну,
Оба властны и оба сильны
И презренья друг к другу полны.
И грозится Корнила в «кругу»,
Что покажет он Стеньке-врагу.
Если ж Разин, голяцкий глава,
О Корниле услышит слова,
Отойдёт, ничего не сказав,
Только пламя метнётся в глазах.

1667 год

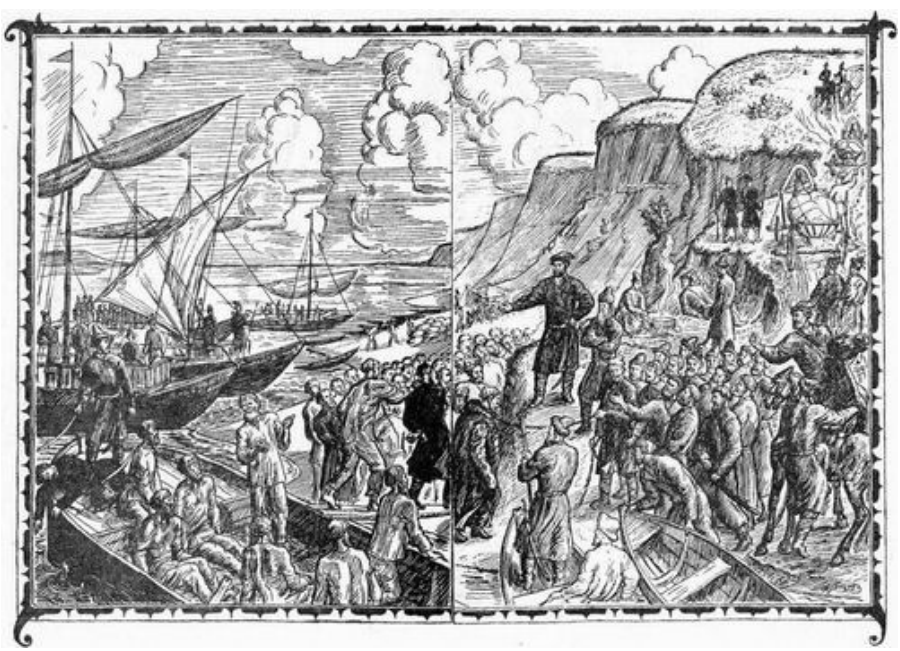
ШЛИ ПО ВОЛГЕ КОРАБЛИ, А ДО МЕСТА НЕ ДОШЛИ

Как по первым весенним туманам,
По весенней, широкой воде
Шли по Волге суда караваном,
Быстро шли, не стояли нигде.
Впереди были царские струги,
Что за рыбою в Астрахань шли,
После них патриаршие слуги
Патриаршие струги вели.
А за ними на стругах пшеницу
Выслал в Персию русский купец.
Струги ссыльных бродяг из темницы
Приплелись к каравану в конец;
Этих ссыльных Москва посылала

Древний герб
города Владимира

В города для казённых работ,
И меж ними встречалось немало
Беглецов от жестоких господ.
В Нижнем — слухи, сомненья и страхи.
Караульных послали купцы,
Стерегли патриаршье — монахи,
А царёво хранили стрельцы.
Плыли ночи, и дни, и недели,

Песни ссыльных неслись над волной.
Журавли им навстречу летели,
Возвращаясь на берег родной.
Журавли озирались тревожно
И кричали «курлы» да «курлы».
«Эй вы, струги, гляди осторожно!
На буграх ведь степные орлы!»
А на струге, где ссыльные «воры»,
Где частенько хозяйничал кнут,
Начинались в ночи разговоры,
Лишь надсмотрщики крепко уснут.
Шепотком говорили друг другу,
Что на Волге есть ныне места,
Где богато гружённому стругу
Люди прочат беду неспроста.
На бугре средь разбойного стана
Чародей там сидит на кошме;
Видит он все суда каравана,
На кошме поднимаясь во тьме.
Колдовская кошма-невеличка —
Ей подвластна, послушна вода.
Клич разбойничий «Сарынь на кичку!»
Остановит любые суда.



И вот этому страшному слову

На воде подчиняется струг,
И от взгляда того колдовского
Каменеют все люди вокруг.
Ни пред кем никогда не робея,
Налетает он, грозен и лют,
И того колдуна-чародея
Стенькой Разиным люди зовут.
Так шептались на стругах с опаской
И сидели ночами без сна,
Забавляли друг друга той сказкой,
Только правдою стала она.
Подходил караван под Камышин
В поздний час, на вечерней заре.
Резкий свист над рекою был слышен,
И пылали костры на бугре.
Рассыпались над пламенем искры.
Разглядеть не успели стрельцы,
Как на струги неслыханно быстро
Налетели в челнах удальцы.
С диким гиканьем, с посвистом страшным
Осаждала суда голытьба.
Царским слугам в бою рукопашном
Приготовила гибель судьба.
И над всею над той голытьбою
Встал главарь, за которым — простор,
Сильный, статный, лицо чуть рябое,
Зычный голос и огненный взор.
Обращался он к чёрному люду:
«Всем вам воля! Иди кто куда!
Я держать вас насильно не буду,
Вот вам суша, а вот вам вода!
Я пришёл по боярскую душу,
Буду бить я того, кто богат,

древний герб
города Астрахани

А с народом я дружбы не рушу,
С бедняком поделюсь я, как брат!»
Все, кто звался «бродягой» и «вором»,
Сбросив с ног ненавистную цепь,
Песню вольную грянули хором,
Уходя за свободою в степь.
И стрельцы перешли к атаману,
Кто попроще да кто посмелей,
А начальник того каравана
С головою расстался своей.
Всё сошло без помехи Степану.
Подсчитали, когда рассвело:
Из дворцовой стрелецкой охраны
Двести душ к голытьбе перешло,
Да четыре гружёные струга,
Да порожних посудин с пяток…
Тёплый ветер овеял их с юга,
Разгорался зарёю восток.
Ну-ка, голод, попробуй задень-ка!
В Волге — рыба, на стругах — хлеба.
Вольным — воля, да песня, да Стенька!
Вниз по Волге пошла голытьба…

КАК У ДОНА У РЕКИ ПОВСТРЕЧАЛИСЬ ВОЖАКИ

Алексей сидит
Во дворце своём.
Государь сердит —
Нет лица на нём.
Да и как же тут
Не сердитым быть,
Если может люд
Стыд и страх забыть!
Нынче хлопоты
У помещиков
От холопов их,
Перебежчиков.
Да бывало ль встарь
Столько сраму-то?
И читает царь
Снова грамоту.

«Государь ты Царь, наш Великий Князь,
Бьем челом тебе, Всем Святым клянясь,
Мы помещики Соловьевские,
Мы и Тульские, мы и Веневские.
Мы челом тебе, Государю бьем
О помещечьем о добре своем.
Как под Тулою, над Упой-рекой,
Стан разбойничий отнял наш покой.
Вор Василий Ус атаманом там,
Он над беглыми верховодит сам.
Ну с полтысячи он привел сюда,
Да на нас на всех с ним пришла беда.
Васька Ус мутит всех крестьян вокруг,
Он манил от нас и дворовых слуг,
И бегут к нему люди семьями.
Без холоп тех нам-то с землями
Лишь великое разорение,
Оскудение, запустение!

Государь наш Царь, пощади ты нас
Да войскам своим ты отдай приказ
Отогнать скорей рать разбойную
Да вернуть нам всем жизнь спокойную.
Уж избавь ты нас от потерь да краж,
Будь к нам милостив, Государь ты наш!»

Чтоб ушла беда,
Чтоб ушла скорей,
Царь велел туда
Выслать пушкарей.
Хоть Упа-река
Уж не так близка,
Через два денька
Подошли войска.
Подошли полки,
Чтобы взять врага, —
Видят: у реки
Пусты берега.
Зоркий, что орёл,
Был Василий Ус —
Он своих увёл,
Хоть и не был трус.
И от той поры,
Как явился он.
Тыщи полторы
С ним ушло на Дон.
Беглецов влекли
Степи ровные —
Туляки пошли,
Подмосковные,
По пути пошли
Незаказанну —
Все пути вели
К Стеньке Разину.
Возле города Кагальника,
На донецком островке,
Где весной водились в тальниках
Тучи уток на реке,
Появился люд на острове
И нарушил их покой,
И в смятенье крылья пёстрые
Замелькали над рекой.
Устрашась гостей непрошеных,

Утки снялись на восток,
А на травах, ими брошенных,
Вырос новый городок.

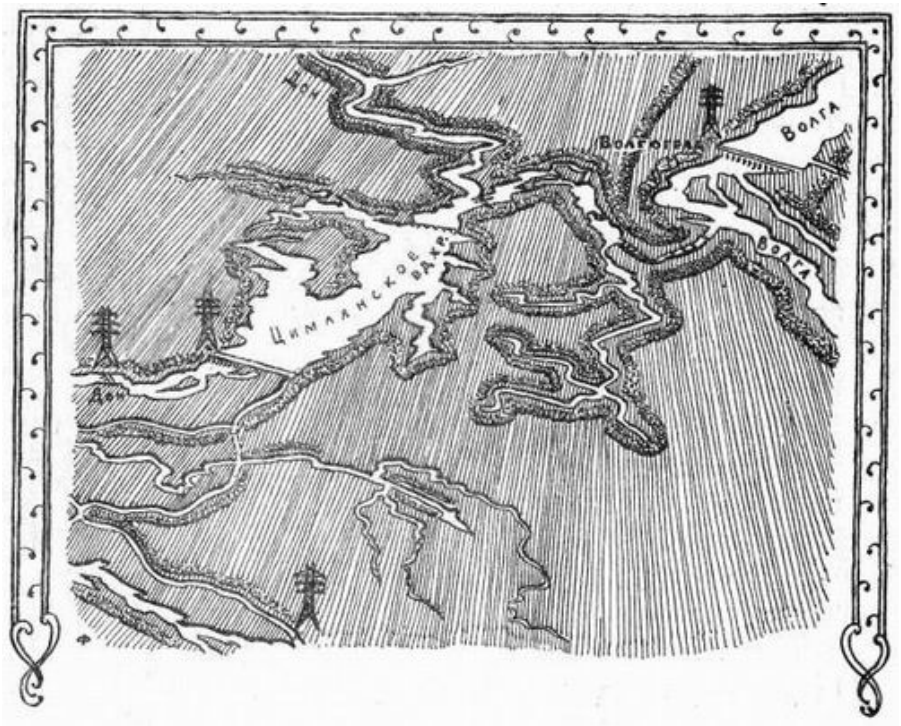
И туда к Степану тянется
Отовсюду беглый люд.
Кто придёт, тот и останется —
В эти сотни всех берут.
Тут свои казаки, местные,
И крестьяне-беглецы.
Разин грамоты «прелестные»
С Дона шлёт во все концы.

Вот туда-то, в степь донецкую,
Далеко от барских сёл,
Всех в станицу молодецкую
За собою Ус привёл.
И в могучие объятия
Взял Василия Степан.

До утра шумела братия,
Принимая новых в стан.
Под присягу атаманскую
Подвели два вожака
Все казачьи, и крестьянские,
И холопские войска.

Русский люд отвагой славится;
Не теряя время зря,
Решено было отправиться
На столицу, на царя.
И дорогами короткими
С Дона к Волге, по степям,
В снаряжении и с лодками
Рать свою повёл Степан.

Там теперь (вглядись, читатель мой,
В эту карту, чтоб ты знал)
Вырыт новый, замечательный
Волго-Дон, большой канал.


Дон
Волгоград
Волга
Волга
Цимлянское вдхр.
Дон

1670 год

КАК У ЦАРСКИХ ВОЕВОД РАЗИН АСТРАХАНЬ БЕРЁТ

Что за дым плывёт над водами,
Смоляной, тяжёлый дым?
То расстелется разводами,
То стоит столбом седым.
И трещит, пылая в пламени,
Тот, что в Астрахань пришёл, —
С золотым орлом на знамени
Боевой корабль «Орёл».
Зарядил он пушки новые —

Мощных двадцать два жерла,
Чтобы залпами громовыми
Встретить Разина-орла
И разбить его бунтарскую
Семитысячную рать,
Что решила крепость царскую —
Город Астрахань забрать.
И могла бы рать огромная
В том бою костьми полечь,
Только Разин ночью тёмною
Сам успел корабль поджечь.
И костром над гладью водною
Тот корабль сгорел дотла,
А в то время месть народная
В город Астрахань вошла,
Хоть готовили заранее
Гарнизоны на валу —
Ядра, камни для метания
И кипящую смолу.
Враг стоял за каждым выступом,
На стенах и у ворот,
Да Степан пошёл не приступом,
А вокруг повёл, в обход.
По садам, по виноградникам
Рать привёл он в те места,
Где открыла Ходы ратникам
Городская беднота.
Как взошли, из пушек грянули:
Раз! Два! Три! Четыре! Пять!
Все стрельцы от стен отпрянули —
Видят, надо город сдать.
Все семь тысяч в город хлынули,
Зашумели бунтари,
С колокольни сами скинули
Воеводу бунтари.

В первый день считали головы
Царских слуг — князей, бояр,
У купцов для люда голого
Отбирали весь товар.
Выпадало этой долюшке
Двадцать семь горячих дней:
Пусть узнает царь, что волюшка
Царской власти посильней,
Что идут войска народные
С грозным Стенькой во главе
Истребить царю угодные
Распорядки на Москве,
Разогнать гнездо-боярщину,
Разгромить её оплот*
Снять налог, оброк и барщину
И освободить народ.
«Вот бы нам царя хорошего,
Чтоб спокоен был и тих.
Только где сейчас найдёшь его?
Разве выбрать из своих
Молодого государя нам?»
И не думал люд о том,
Что сильны цари боярином,
Дворянином да купцом.
Но свободы русской зарево
Разгоралося вокруг —
Против силы государевой
Города восстали вдруг.
Слава Разина победная
По Руси пошла теперь,
В каждом доме люди бедные
Раскрывали Стеньке дверь.
То не воры, не разбойнички —
Шли вдоль волжских берегов
Стеньки Разина работнички
На боярство, на врагов.

ВСПОМИНАЕМ И ПОНЫНЕ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГЕРОИНЕ

То не ворон, то не птица
Пролетела в тишине —
То монахиня-черница
Мчалась лесом на коне.
Меж стволами покрывало,
Словно крылья, трепетало,
И косился конь слегка
На чудного седока.
К Стеньке Разину стремилась,
Третью ночь в седле, без сна.
Что ей будет? Гнев иль милость?
Не ошиблась ли она?
В монастырских стенах всюду
Проклинают бунтарей,
Говорят честному люду:

Стенька Разин-де злодей.
А она, затеяв дело,
Монастырь покинув свой,
Убежать сама посмела
В стан Степана боевой.

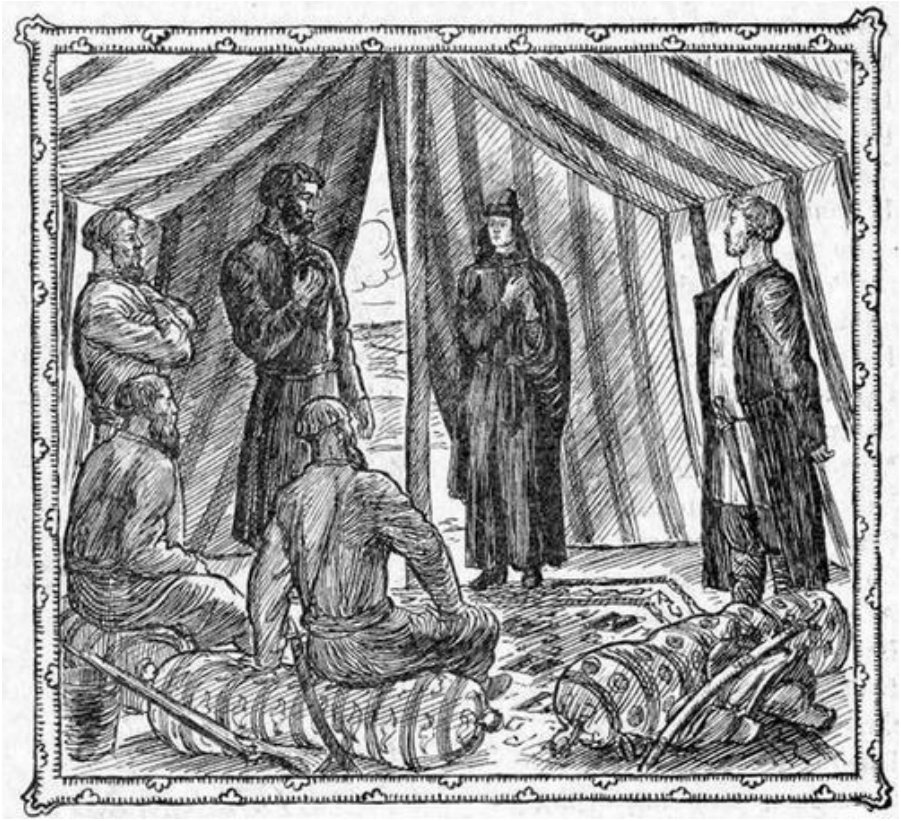
И Алёна соскочила
С запылённого седла,
И лицо росой умыла,
И коню травы дала.
Отдышалась, постояла,
Стиснув зубы. А в груди
Сердце трепетно стучало,
Вот уйми его, поди!
Набралась Алёна силы
И, закрыв глаза на миг,
Под уздцы коня схватила,
Зашагала напрямик…

Солнце только выплывало,
Как Алёна подошла
К атаманскому привалу
Близ рыбацкого села.
Тихо таяли туманы,
У реки пылал костёр.
Собирались атаманы
К Стеньке Разину в шатёр.
Алексеев, Харитонов
И Сергей Кривой пришёл,
На совет явился с Дона
Брат Степана — Разин Фрол.
Все герои, все бесстрашны,
Все могучи и сильны,
Все своей Руси «бунташной»
Беспокойные сыны.

В чёрной рясе запылённой,
Так стремительна, храбра,
Подошла к шатру Алёна,
Подняла завес шатра.
В полумраке шум и споры,
Брань да хохот, разговоры,
Но в шатёр вошла она —
Вместе с нею тишина.

Тишина и удивленье —
Что за странное явленье!

От волненья вся бела,
Так Алёна начала:
«А к Степану Тимофеичу
С Арзамаса мы пришли,
Чтоб Степану Тимофеичу
Поклониться до земли.
Бьём челом тебе, покорные,
Справедливый атаман!
Не гляди на рясы чёрные
Да на мой духовный сан.
Я пришла к тебе с надеждой —
Дай нам меч, пищаль, копьё,
А под этою одеждой
Бьётся сердце, как твоё.
Я хочу служить народу,
Дай мне силы боевой;
А не дашь, так лучше в воду,
В реку, в омут головой!
Верь мне: я тебе подмога,
И за мной народ пойдёт.
Беглых, бедных ныне много,
И всё больше, что ни год.
Гневом Русь кипит, что пекло;
Коль скажу, так не совру:
Мужиков, холопов беглых
Тысяч семь я соберу.
Будем биться день и ночь,
Чтобы Разину помочь!
Только было бы чем биться,
Будем брать с тобой столицу.
Верь мне, батюшка Степан,
Справедливый атаман!»
Тут Алёна вдруг смешалась,
Провела рукой по лбу,
Замолчала и прижалась
К деревянному столбу.

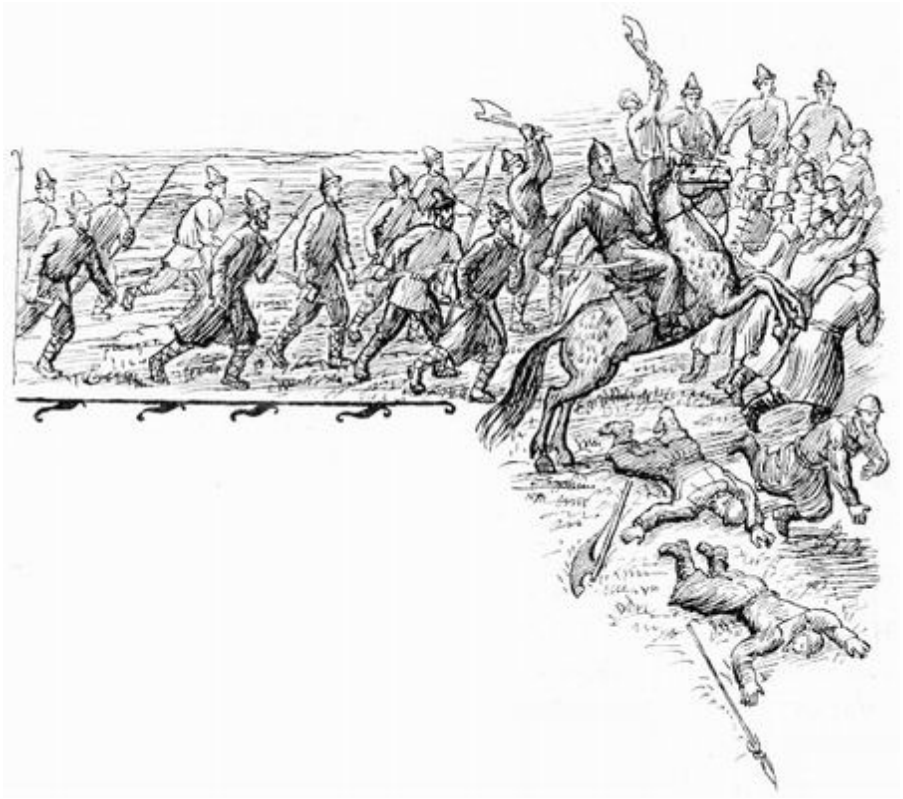


В стенки гулко ударяясь,
Шмель кружился под шатром;
Атаманы, удивляясь,
Все молчали впятером.
«Не видал ещё доселе, —
Вдруг подумал Стенька вслух, —
Чтобы в слабом бабьем теле
Жил такой могучий дух!
Ну, голубушка-черница,
Бабья сила велика:
Ни в одной донской станице
Нет такого казака.

Дам тебе вооруженья —
Много дать я не могу,
Но для первого сраженья
Кое-чем вам помогу.
Дальше сами добывайте,
У боярства отбирайте.
А за то, что ты со мной,
Вот поклон тебе земной!»
Стенька встал перед Алёной
И Алёне удивлённой
Поклонился до земли.
Кудри на землю легли.
Молодцы молчали стоя,
Не сводя со Стеньки глаз:
С грозным батькою такое

Сотворилось в первый раз.
А вверху, невидим глазу,
Всё гудел косматый шмель
И замолк внезапно, сразу —
Отыскал, наверно, щель…
Поздно вечером от стана
Отъезжал большой отряд —
То Алёну-атамана
Провожал Степан назад.
Шли возы с тяжёлой клажей,
Охранялись крепкой стражей;
Первым ехал богатырь,
Позабывший монастырь,
В алом бархатном кафтане,
Что пришёлся как литой,
В кушаке, при ятагане
С рукояткой золотой.
То не ворон, то не птица,
Не монахиня-черница —
Воин, долг исполнив свой,
Шёл за славой боевой.
И нашла Алёна славу
На войне, в боях — по праву
Эта слава к ней пришла
За отважные дела.

Был у воина Алёны
И товарищ и слуга —
Светло-серый конь холёный,
Что ходил с ней на врага.



Сколько раз в бою кипучем,
В самый страшный час борьбы,
Под Алёной конь могучий
Становился на дыбы!
И откуда эта сила,
Если женщина сплеча
Наповал врага разила
Острым лезвием меча?
Сколько раз по мановенью
Крепкой маленькой руки
Разбегалися в смятенье
Государевы полки!
Но однажды у Кадома
Из засады пулей вдруг
Был убит врагу знакомый
Серый конь — Алёны друг.
И попала в окруженье
Рать Алёны в этот раз,
Потерпела пораженье
Рать Алёны в этот час.
Всех повстанцев перебили
Государевы полки,

В плен Алёну захватили
Государевы стрелки…

То не зоренька печальная
Обагрила край земли,
Не лучи её прощальные
По-над кровлями легли —
То над площадью базарною
Полыхал, трещал костёр,
Пелену свою угарную
В поднебесье дым простёр.
Город Темников в смятении,
А над ним нависла тень,
На торгу людей скопление
Не в базарный — в будний день.
Глядя в ужасе на зарево,
Говорили, что, мол, тут
Ныне слуги государевы
Атамана-бабу жгут —
Атамана небывалого,
Что за смердов и рабов
Да за старого да малого
Жизнь свою отдать готов.
Атаман, что бабью долюшку
Непокорно скинул с плеч,
Променял на вольну волюшку
Да на грозный, верный меч…
Уж и площадь вся запружена,
А народ всё шёл и шёл —
Шёл заморенный, натруженный
Изо всех окрестных, сёл.
Люди шли, от страха белые,
От волненья чуть дыша,
А в костре горела смелая,
Неподкупная душа,
Героиня легендарная,
Что любила свой народ.
Ей отчизна благодарная
Нынче славу пропоёт.

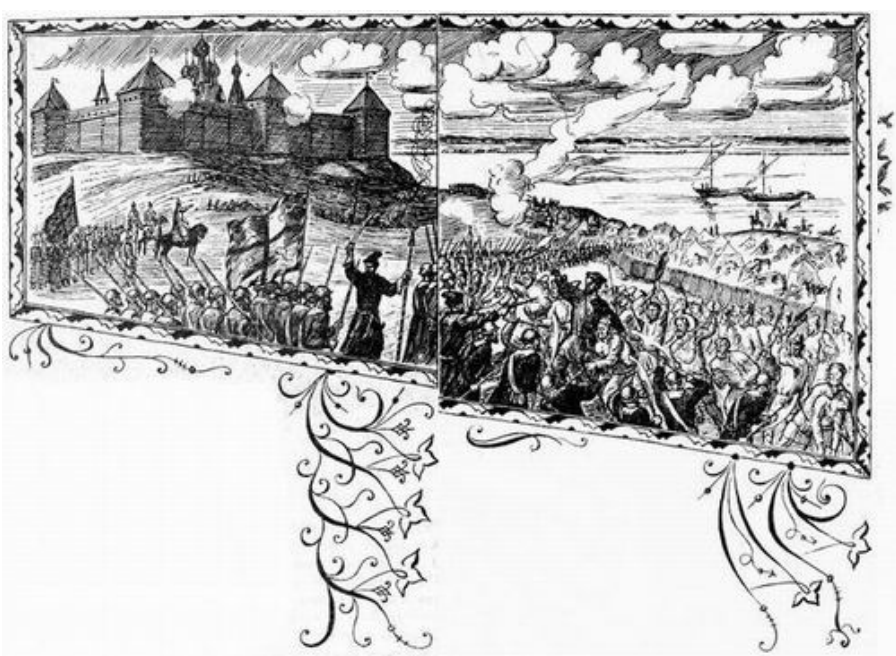
ПОСЫЛАЕТ ЦАРЬ ВОЙСКА ПРОТИВ СТЕНЬКИ-КАЗАКА

Ой, хоромы, вы, хоромушки,
Развысокие терёмушки,
Терема купца богатого
Славна города Саратова!
Вас громили не разбойнички —
Стеньки Разина работнички.
Нет ни двери, ни крыльца,
Ни купчихи, ни купца!
А добро, добро купецкое
Наша совесть молодецкая
Раздавала нищете
Да холопской бедноте.
Десять тысяч — рать могучая
Подходила грозной тучею,
Эта сила Стеньки Разина
С беднотой повсюду связана:
«Батька Разин, мы с тобою!»
Был Саратов взят без боя —

И Саратов и Самара,
И повсюду дым пожара,
И везде шумит народ —
В Волге топит воевод.
Видит царь — не могут справиться
Воеводы на местах:
Там, где только Разин явится,
Бьют хозяев в пух и прах.
Как с начальниками ярыми
В город разинцы войдут,
Так над местными боярами
Зашумит народный суд.
В каждом городе, селении
Ждёт народ у всех дверей:
Не слыхать ли в отдалении
Приближенья бунтарей?
Видит царь — дела бунтарские
И Москве уже грозят.
Приказал он войско царское
Двинуть тысяч в пятьдесят.

Ой, Симбирск, стена высокая,
Неприступная, широкая!
Двадцать восемь дней под стенами
Со своими неизменными
Силачами-атаманами,
С войском, с пушками, с таранами
Разин город осаждал,
Но Симбирска царь не сдал.
Ой, Симбирск, стена высокая,
Да течёт река глубокая,
От Симбирска недалёкая,
А на той Свияге-реченьке
Стеньке Разину на плеченьки
Навалилася беда,
Что не ждал он никогда.
Слуги царские с огромною,
Непочатой силой тёмною
Навалились на Степановы,
На лихие атамановы,
На холопские, бедняцкие,
На крестьянские, казацкие,
На бунтарские войска.
Ой, Свияга ты река!

Вражье войско было встречено.
Целый день до темна вечера
Билась стойко рать бунтарская
С той боярской, княжьей, царскою.
Там в борьбе жестокой, страшной
Дорвались до рукопашной,
Где не знаешь, бьёшь кого —
То ль врага, то ль своего!
А вода была в Свияге —
Сок смородины в баклаге
Не был той воды алее, —
Кровь пускали не жалея!
Ой, Свияга, речка быстрая,
Не слыхала ли ты выстрела?
Громче всех там кто-то выстрелил,
Крепче всех казак не выстоял!
А казак тот Стенька Разин,
А упал он навзничь наземь.
Он упал, поднялся вновь,
Хоть из раны льётся кровь.
Снова в бой идти приказано,
Хоть уже ослабла рать.
Только нет удачи Разину:
Трудно стало воевать!



И пошли на Стеньку тучами

Те, что сызмальства приучены
Не щадить холопьи головы,
Не щадить босого, голого,
Почерневшего от голода,
От нужды, болезней, холода.
Бедных, взявших меч да щит,
Власть богатых не щадит!
Ой, Свияга ты река!
Где ж ты, слава казака?
Проиграла рать сражение,
Потерпела поражение
С атаманом Стенькой Разиным,
На Свияге тяжко раненным.
Обессилен, побеждён,
Он ушёл на тихий Дон.
Он ушёл за пополнением.
А по всей стране волнениям
Нет ни края ни конца:
Ждут Степана-молодца,
Своего освободителя,
И заступника, и мстителя,
Славу русскую свою,
Что сильна была в бою!

1671 год

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА
В апрельский серенький денёк,
Когда над тихим Доном
Дремал Кагальник-городок
В кольце садов зелёном,
Когда притих бунтарский стан,
Храня молчанье злое,
Когда напрасно атаман
Мечтал вернуть былое,
Когда в садах окрестных сёл
Цвести боялись вишни, —
Корнила Яковлев пришёл,
Степана враг давнишний.
Пришёл проведать бунтаря
И по боярским происка́м,
И по велению царя
Пришёл с огромным войском.
Принять непрошеных гостей
Степану было б нужно —
По ним из крепости своей
Из пушек грянуть дружно.
Не мог Степан вступить в борьбу,
Не ждал Степан Корнилы,
И тот пустил на голытьбу
Казачьи вражьи силы.
Казака убивал казак
И бедняка богатый —
Так победил жестокий враг,
Степана враг заклятый.
И сам убил он наповал
Подручных атамана,
Он сам в железо заковал
И Фрола и Степана.
Глумясь над Разиным, он сам
В лицо его ударил
И притащил его к стрельцам
И к дьякам государя.
И повезли богатыря,
Закованного в цепи,
Когда апрельская заря
Позолотила степи.

И травы, и степной простор,
И зори огневые
Ловил его пытливый взор
Как будто бы впервые,
И жажду жизни он борол
В своей груди могучей.
А рядом молча ехал Фрол,
Трясясь в арбе скрипучей…
Его пытали много дней
Огнём, водой и дыбой,
Ему бы дали сто смертей,
Когда их дать могли бы.
Все каты выбились из сил,
Им становилось жутко,
Когда он, еле жив, твердил:
«Да что за мука? Шутка!»
И он не сдался ни на миг,
Любимый сын свободы,
И ни единый стон, ни крик
Не огласили своды.
Терпел он муки вновь и вновь,
И, на углях сгорая,
Он знал, что всюду льётся кровь,
Что люди умирают.
Терпел он пытки ночью, днём,
Как верный сын отчизны,
Чтоб ни один холоп о нём
Не вспомнил с укоризной.
Но вот всему пришёл конец,
Как долгожданный праздник:
Привёз коломенский гонец
Приказ царя о казни…
Гудел набат, вблизи, вдали,
Предупреждал заране,
На площадь Красную чтоб шли,
Спешили горожане.
Над всей Москвой гудел не зря
Набат, как над погостом.
Как слёзы, капли янтаря
Повисли под помостом.
Помост сосновый, новый сруб,
И с топором на плахе
Стоял палач, угрюм и груб,
В расстёгнутой рубахе.

Толпились москвичи вокруг
В молчании тяжёлом.

Телега показалась вдруг
Со Стенькою и с Фролом.
Раздвинулась людей стена,
Телегу пропуская.
Как немота, в толпе страшна
И тишина такая!

Степан сошёл с телеги сам,
Хоть пыткой был замучен,
Он показался москвичам
Прекрасным и могучим.
И, как хозяин входит в дом,
Взошёл он на ступени
И оглядел толпу кругом,
Смятенья в нём — ни тени!
И на кремлёвские зубцы
Смотрел он строго, просто.
А Фрола под руки стрельцы
Тащили по помосту…

Дьяк прочитал царя приказ:
Четвертовать смутьяна.
Куранты свой пробили час,
Последний час Степана.
И Стенька, сын своей страны,
В лице не изменился,
Лишь на четыре стороны
Народу поклонился.
И лёг на плаху сам, один,
Герой — душа большая,
И трижды взмыл топор над ним,
Приказ царя свершая.
Народ в молчанье отступил,
Смолой слезилась плаха.
И только Фрол вдруг завопил
В беспамятстве от страха:
«Я всё скажу вам! Виноват!»
Взвился топор заплечный.
«Молчи, собака!» — молвил брат
И сам умолк навечно.
Умолк навечно, навсегда…

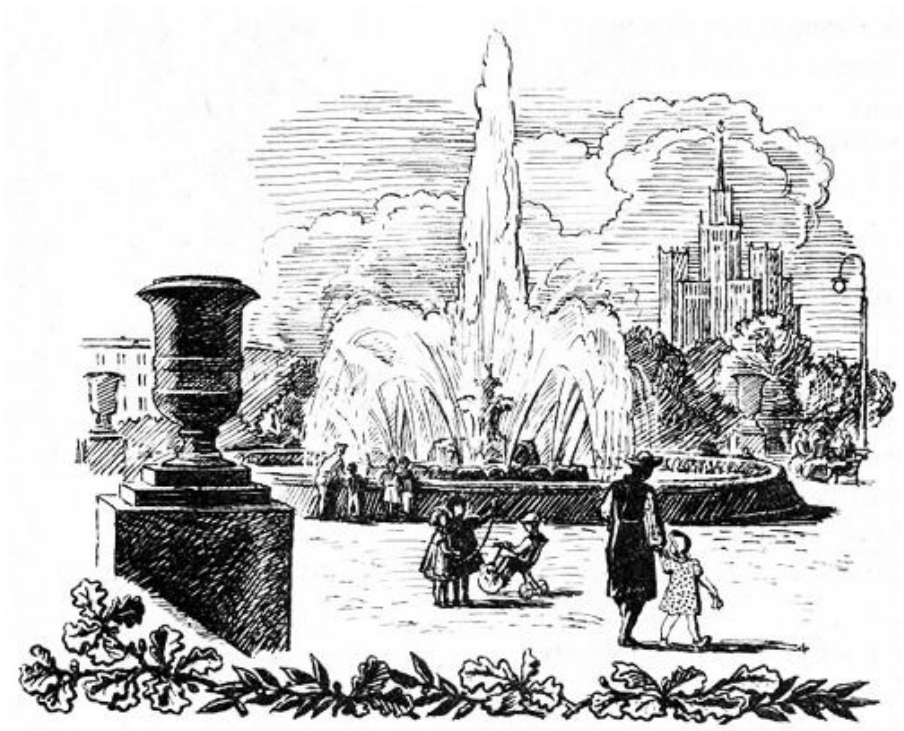
А на Руси повсюду

древний герб
города Твери

Пылали сёла, города —
Царь мстил жестоко люду.
И долго не могла страна
Поверить в смерть Степана,
И всё вестей ждала страна
Из разинского стана.
Ходила по стране молва,
И чтоб страна молчала,
Три года Стеньки голова
Всё на колу торчала…
Прошло уже три сотни лет,
Прошло уже три века,
Но не забудет белый свет
Такого человека.

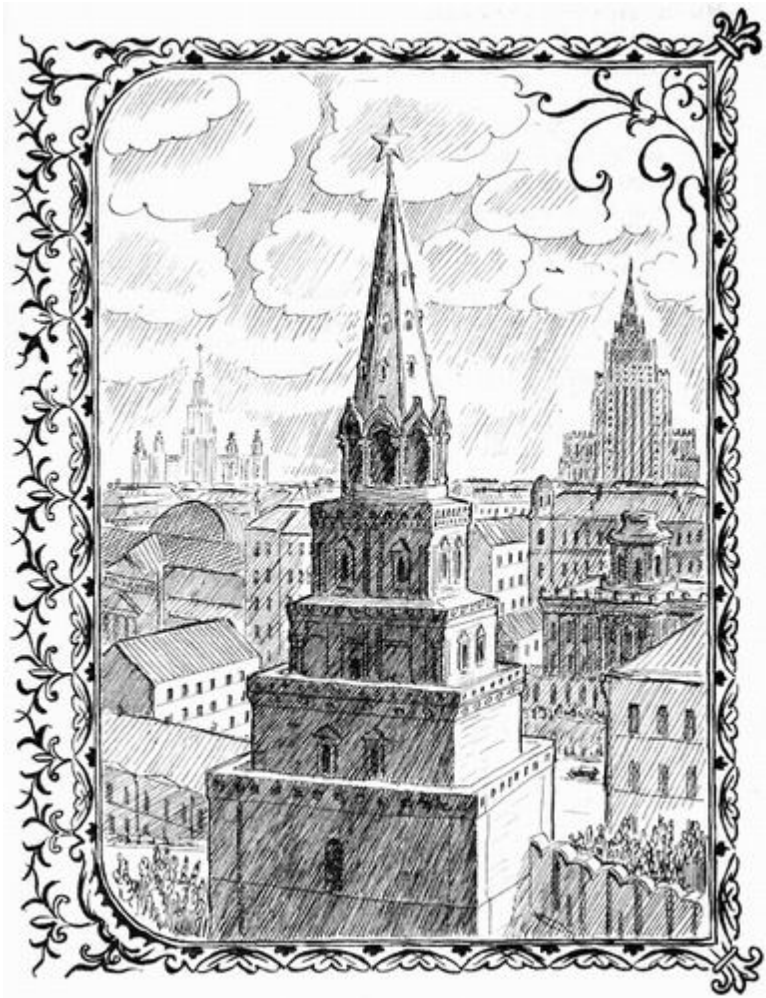
А нынче за Москвой-рекой,
На площади Болоте,
Раскинут новый сквер такой,
Что мимо не пройдёте.
Как зеленеет здесь трава,
Цветник вокруг фонтана…
Здесь всех пугала голова
Степана-атамана.
За свой народ душой горя,
Царя не свергнул Стенька,
Но бунт — к свержению царя

Ещё одна ступенька.
И так в отечестве своём
Прослыл Степан героем.
Ему мы славу пропоём
Й книгу здесь закроем.



ФАКЕЛ ДРУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ ЗАЖИГАЕТСЯ В КРЕМЛЕ

Мой читатель! Кто б ты ни был —
Ленинградец, иль москвич,
Иль из Мурманска ты прибыл,
Или с Волги — костромич,
Может, вырос ты в станице,
Любишь Дона берега,
Но тебе Москва-столица
Бесконечно дорога.
Узнаёшь про этот город
С самых первых, детских дней,
Древний Кремль тебе так дорог —
Сердце родины твоей.
Взоры всех народов мира,
Тех, что не хотят войны,
На оплот людского мира —
На Москву устремлены.
Тут надежда всей вселенной,
Всех, кто ныне в кабале,
Тут очаг её нетленный
Братской дружбы на земле.



Мы отчизне верно служим,
Ты — один из сыновей,
Так расти, чтоб ты был нужен,
Дорог родине своей!
Ждёт тебя за труд награда —
Цель прекрасная вдали,
Но оглядываться надо
На пути, что мы прошли.
Ничего нет лучше, краше
Милой родины твоей!
Оглянись на предков наших,
На героев прошлых дней.
Вспоминай их добрым словом —
Слава им, борцам суровым!

СЛАВА НАШЕЙ СТОРОНЕ!
СЛАВА РУССКОЙ СТАРИНЕ!
Конец третьей книги